

Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ

ПО ОСТРОВАМ МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научно-популярная серия

Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ

**ПО ОСТРОВАМ
МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

Автор книги — доктор геолого-минералогических наук Г. Б. Жилинский — совершил длительную поездку по оловодобывающим предприятиям и богатым оловом островам Малайского архипелага. В его путевых записках содержатся интересные сведения о природе этих экзотических островов, занятиях и быте населения, экономике и национальной культуре. В популярной форме Г. Б. Жилинский рассказывает и о геологическом строении оловянных месторождений, являющихся частью уникальной Малайской оловоносной провинции.

Если взглянуть на географическую карту восточного полушария, на самый юг Азиатского материка, туда, где расположен полуостров Малакка, а еще южнее — острова Малайского архипелага, то можно увидеть давно знакомые названия: Суматра, Калимантан (Борнео), Сингапур, Сулавеси (Целебес), Ява. Они воскресят в памяти картины сказочно красивых тропических стран, напомнят о захватывающих приключениях героев произведений Джека Лондона и других любимых с детства писателей.

В наш век дальнейшее путешествие не проблема. Долгие сборы теперь не нужны. Однажды студеным январским днем 1962 г. реактивный лайнер ТУ-104 поднялся с бетонной полосы Шереметьевского аэродрома и взял курс на Ташкент...

Так началось самое увлекательное в моей жизни путешествие, путешествие в край жарких тропиков и огнедышащих гор, в край каучука и олова, пряностей, неведомых животных и растений — в экзотические тропики Юго-Восточной Азии.

Почти полгода пришлось мне пробыть в этих интересных местах. Я много путешествовал по Яве. В составе небольшой группы советских специалистов — горных инженеров С. Ф. Подчаинова, А. Ф. Тюрякова, С. Т. Глотова, переводчика С. Н. Аргунова мне довелось побывать на Южной и Центральной Суматре, на о-вах Банка, Белитунг*, Синкеп, Бинтан, Большой Каримун и других; совершить непродолжительную, но чрезвычайно увлекательную морскую прогулку по живописному архипелагу Риау и Линга.

* О-в Белитунг больше известен под названием Биллитон. Здесь и далее географические названия пишутся так, как принято в 3-м издании БСЭ.

И все же я увидел только незначительную часть островов, которые принадлежат в основном Индонезии. Индонезия — очень большая страна. Ее территория, т. е. площадь, занятая только сушей, составляет около 2 млн. кв. км. Это больше, чем территория таких государств, как Англия, Франция, Италия, Испания и ФРГ вместе взятые. И эта огромная страна, населенная трудолюбивым народом, более трехсот пятидесяти лет была под колониальным гнетом маленькой Голландии. Она даже называлась тогда не Индонезией, а Голландской Ост-Индией.

Стотридцатимиллионное население Индонезии распределено по островам крайне неравномерно. Более 70 млн. человек проживает на о-ве Ява. Здесь плотность населения местами достигает 3 тыс. человек на 1 кв. км. Это самые густонаселенные места нашей планеты.

Трудно сказать, что произвело на нас, советских специалистов, в этой стране самое большое впечатление. Все было необычным и интересным.

Во время путешествия по островам мы старались как можно больше узнать. Поэтому мы поднимались на высокие вулканы и спускались в их огнедышащие кратеры; облачались в доспехи водолазов, чтобы полюбоваться живописными коралловыми рифами и поохотиться на диковинных морских животных; бродили по глубоким пещерам, населенным сонмищами летучих мышей; как зачарованные прогуливались по аллеям знаменитого Богорского (Бейтензоргского) ботанического сада, в котором собрана самая богатая коллекция тропических растений Земли; побывали на каучуковых, чайных, кофейных, перечных, гвоздичных, ананасных и других плантациях; ознакомились с оловянными приисками Банки, Белитунга, Синкепа, с нефтяными промыслами Суматры, бокситовыми рудниками Биптана и многими промышленными предприятиями на других островах.

У нас было немало встреч с местным населением, с учеными, специалистами. И везде мы ощущали проявление самых теплых дружеских чувств к Советскому Союзу.

Голландские колонизаторы оставили после себя тяжелое наследство: одностороннюю уродливую экономику, приспособленную к удовлетворению нужд метрополии в сырье, пустую казну, неграмотность, культурную отсталость, болезни и голод.

В экономике страны продолжали хозяйничать иностранные нефтяные компании «Калтекс», «Шелл», «Станвак» и др. Процветала коррупция, спекуляция, контрабанда. Вывозились капиталы. Совершались диверсии и покушения на прогрессивных общественных и государственных деятелей.

В стране шел процесс снижения жизненного уровня широких народных масс и обогащения кучки чиновников и капиталистов.

Советский Союз и другие социалистические страны оказывали Индонезии большую бескорыстную помощь: предоставляли крупные кредиты на льготных условиях, направляли своих специалистов.

Но этой бескорыстной помощи социалистических стран активно противодействовала реакционно настроенная часть местной буржуазии и агентура международного империализма. Обстановка в стране была сложной и неустойчивой.

30 сентября 1965 г. в Индонезии произошел военный переворот, власть захватила группа армейских генералов. По всей стране прокатилась волна кровавого террора против коммунистов и других прогрессивных сил индонезийского общества. Используя искусственно созданную ситуацию, реакция нанесла тяжелый удар по компартии. Погибли сотни тысяч лучших сынов и дочерей индонезийского народа, многие тысячи обречены на медленную смерть в концентрационных лагерях и тюрьмах.

Индонезия пережила крупнейшую в своей истории трагедию. Многие из того, что произошло в стране, все еще остается неясным, но ясно одно, что индонезийский народ, имеющий героические традиции борьбы с колонизаторами разных мастей, оправится в конце концов от потрясений, обретет новые силы и отстоит свои завоевания. Так будет. А пока в стране вновь пасаждаются ненавистные народу старые колониальные порядки. Приняты законы, по которым национализированная ранее собственность возвращается иностранным капиталистам и местной буржуазии. Поощряется приток иностранного капитала. Природные богатства страны опять отдаются на разграбление иностранным монополиям.

Усилился процесс дальнейшего обнищания масс, еще больше обостряются внутренние противоречия, приходит в упадок экономика, ухудшается международное положение Индонезии.

Все происшедшее в этой стране после 1965 г. свидетельствует о том, что империалисты, колонизаторы, используют самые коварные методы, не гнушаются никакими средствами для подрыва национально-освободительного движения в бывших колониях и для того, чтобы задержать развитие молодых независимых государств.

К сожалению, незначительный объем брошюры не позволяет рассказать обо всем увиденном. Но и эти заметки, надеюсь, помогут читателю кое-что узнать о добыче олова, о чрезвычайно экзотических островах Малайского архипелага и о населяющих их народах.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОЛОВЕ И ОЛОВЯННЫХ РОССЫПЯХ

Историки утверждают, что первобытные люди впервые познакомились с металлом за четыре тысячи лет до нашей эры. Именно к этому времени относят найденные при раскопках в Передней Азии * и в Египте мелкие металлические предметы, например булавки, выкованные из меди. Предметы эти изготовлены из кусочков самородной меди. Получать медь из руды, плавить металлы тогда еще не умели.

Значительно позже, примерно через полторы-две тысячи лет, наши предки научились выплавлять медь из руды и изготавливать из нее предметы посредством литья. Одновременно началась выплавка и других металлов, встречавшихся в рудах вместе с медью, — серебра, свинца, олова. Эти металлы легко образовывали сплавы с медью. Таким путем получалась и бронза — сплав меди с оловом.

Существенным преимуществом бронзы в сравнении с медью является ее большая прочность, лучшие литейные качества и более низкая температура плавления. Вскоре предметы из бронзы получили широкое распространение, и человечество вступило в бронзовый век.

Бронзовый век начался раньше в тех странах, где имелись комплексные месторождения медно-оловянных руд или где медные и оловянные руды находились по соседству. Такими странами были Египет, Иран, Китай, Индонезия, территория Казахстана и современных среднеазиатских республик Советского Союза.

В Европе, на территории современной Англии, Испании, ФРГ, ГДР, Австрии и Чехословакии, культура брон-

* Передняя Азия — юго-западная часть Азии, расположенная южнее Черного и Каспийского морей.

зового века получила развитие примерно на тысячу лет позже, чем в Азии.

Олово, как мы уже сказали, является составной частью бронзы, следовательно, с этим металлом человек познакомился еще в бронзовом веке. Однако в чистом виде олово стало применяться значительно позднее — уже в пашу эру.

Чистое олово — это ковкий, легкоплавкий, тяжелый металл серебристо-белого цвета. Оно плавится при температуре всего 232°C , легко образует сплавы с другими металлами и в расплавленном виде способно накладываться на них тонкими пленками.

Эти свойства олова используются при лужении металлических изделий и для получения так называемой белой жести — тонких железных листов, покрытых с поверхности слоем олова.

Белое олово — химически стойкий металл. Оно не окисляется, и с помощью оловянных покрытий (лужения) предохраняют от окисления другие металлы.

Кроме белого олова в природе существует еще одна разновидность этого металла — серое олово, которое имеет меньшую по сравнению с белым плотность и обладает совсем другими свойствами.

Белое олово выплавляют непосредственно из руд. Оно устойчиво только при температуре выше $+13^{\circ}\text{C}$. При температуре ниже этой металл постепенно тускнеет и рассыпается в порошок — превращается в серое олово. Процесс перехода белого олова в серое заметно ускоряется, если обе разновидности этого металла находятся в соприкосновении. Происходит как бы заражение. Это явление называется «оловянной чумой». Зараженные оловянной чумой предметы спасти невозможно — они рассыпаются в порошок. Единственный выход — переплавить их в белое олово.

В старые времена русская армия снабжалась оловянной посудой. Солдатские котелки, кружки, ложки и даже пуговицы к шинелям делались из олова. И вот однажды произошел такой случай. В зимнее время на интендантских складах большие запасы этих изделий неожиданно превратились в серую пыль, и армия оказалась без «стратегических» запасов солдатского инвентаря. Произошло то, что называется эпидемией оловянной чумы. С тех пор из чистого олова не делают каких-либо предметов.

Его сплавляют с другими металлами. Образующиеся бронзы, латуни, баббиты и другие оловянные сплавы не поддаются заражению оловянной чумой, и изделия из них широко используются в повседневном обиходе.

Почти половина всего добываемого олова идет для изготовления белой жести, из которой делают консервные банки; четвертая часть идет на приготовление типографских сплавов и припоев. Около одной десятой олова используется на баббиты — сплавы для подшипников трения. Баббит уменьшает силы сцепления между трущимися стальными деталями.

Олово идет также на изготовление фольги и химических препаратов. Словом, это очень ценный металл, широко используемый в современной технике.

Однако олова на Земле не так-то много. Скорее, даже очень мало. Поэтому этот цветной металл, относящийся к одной группе с медью, свинцом и цинком, называют еще и редким металлом. Без олова не может развиваться современное машиностроение, пищевая (консервная) промышленность, электроника, т. е. те отрасли, которые имеют особенно важное значение. Поэтому олово относится к числу жизненно необходимых, стратегических материалов, и развитые капиталистические страны накапливают этот металл на случай войны, строго контролируют его вывоз за границу.

Мировая добыча олова ежегодно составляет около 150 тыс. т (без стран социалистического лагеря).

Главными странами-производителями олова являются Малайзия (40—45%), Боливия (15—20%), Таиланд (12—15%), Индонезия (10—12%). Остальная часть олова добывается в Нигерии, Австралии, Англии (Корнуэлл), Бразилии и других странах.

Любопытно, что страны — основные производители олова почти совсем не потребляют его. Главные потребители этого металла — страны с развитой промышленностью. Среди капиталистических стран прежде всего США, Англия, ФРГ, Япония, Франция, Голландия и некоторые другие.

Соединенные Штаты Америки практически не имеют своих собственных оловянных месторождений, но потребляют олова больше всех. Почти 100 тыс. т — более половины всего добываемого капиталистическими странами олова — ежегодно оседает в США. Именно оседает, так как

значительная часть этого ценного металла, ввозимого в страну, накапливается на складах в качестве неприкосновенных запасов стратегического сырья.

Олово в связи с огромным спросом на него и постоянным дефицитом является выгодным товаром. Цены на него на мировом рынке постоянно растут, и этот товар в капиталистическом мире является объектом крупных торговых и политических махинаций.

Долгое время монополия торговли оловом на мировом рынке принадлежала в основном Англии, под эгидой которой действовало монополистическое международное объединение стран-производителей олова, так называемый Оловянный картель.

Соединенные Штаты Америки постоянно соперничают с Англией в борьбе за мировые рынки олова. Их ожесточенная торговая война в конечном итоге привела к организации в 1954 г. Оловянного пула — международного объединения стран-производителей олова и стран-потребителей.

Оловянный пул, призванный регулировать цены, производство и распределение олова между капиталистическими странами, на деле стал инструментом эксплуатации и политического угнетения развивающихся стран. Страны, производящие олово, попали в полную зависимость от Англии и США, особенно от последних.

США, пользуясь тем, что являются главным покупателем олова на мировом рынке, время от времени шантажируют производителей олова, грозясь пустить в торговый оборот олово из своих стратегических запасов. А это может привести к падению цен на мировом рынке и к финансовому краху младших партнеров США по Оловянному пулу.

Обострение противоречий между странами-членами Оловянного пула привело эту организацию к гибели. Вместо нее был создан Международный совет по олову, в который вошли и социалистические страны.

Мировые запасы олова в земных недрах не превышают 8—10 млн. т. При современном уровне ежегодного потребления этих запасов хватит лишь на 35—40 лет, что катастрофически мало. Вот почему во всех странах ведутся исследования по изысканию заменителей олова.

Все шире и шире вместо олова начинают применять пластмассы и иные искусственные материалы или заме-

няют его алюминием и другими металлами и сплавами. Расширяется производство вторичного олова, которое получают в основном из утильсырья (старые консервные банки). Но олова все равно не хватает, и геологи продолжают интенсивные поиски новых месторождений этого ценнейшего металла.

Месторождения олова распределены на Земле крайне неравномерно и отличаются большим многообразием.

Различают два класса месторождений: коренные, т. е. рудные или первичные, и россыпные (вторичные).

Коренные месторождения олова образуются из остаточных высокотемпературных расплавов или газовых и жидких водных растворов, отделяющихся от магматических масс, внедряющихся в толщу земной коры. Рудообразование идет на больших глубинах земной коры. В последующем внутренние силы Земли, проявляющиеся в тектонических (горообразовательных) процессах, сминают и раскалывают толщи горных пород вместе с заключенными в них рудами, поднимают или опускают отдельные крупные их блоки.

Поднятые блоки земных толщ приходят в соприкосновение с атмосферой и под действием атмосферных осадков, поверхностных и грунтовых вод, ветра, колебаний температуры, жизнедеятельности животных и растений и других внешних факторов постепенно разрушаются. Твердые горные породы и руды превращаются в обломочный материал — камни, песок, глину. При разрушении (выветривании) горных пород и руд из них высвобождаются все устойчивые минералы. Рыхлый материал легко размывается водой, легкие частицы уносятся ручьями и реками, а тяжелые устойчивые минералы, такие, как оловянный камень (касситерит), оседают на дно речных потоков. Постепенно накапливаясь, они образуют большие скопления — россыпи. Так образуются вторичные (россыпные) месторождения олова.

Как первичные (коренные или рудные), так и вторичные (россыпные) месторождения очень разнообразны. Они различаются по составу, размерам, содержанию металла, условиям образования, разработки, технологии обогащения и т. д.

Больше всего запасов олова, как мы уже упоминали, выявлено в странах Юго-Восточной Азии: Малайзии, Индонезии, Таиланде и в южном Китае. Через эти страны

протягивается так называемый Малайский оловоносный пояс — уникальная по насыщенности месторождениями олова геологическая провинция Земли.

Другой крупнейшей оловоносной провинцией мира является Боливия. Но между этими двумя главными провинциями есть весьма существенная разница. В Боливии олово добывают из коренных месторождений, а в Малайском оловоносном поясе преимущественно из россыпей.

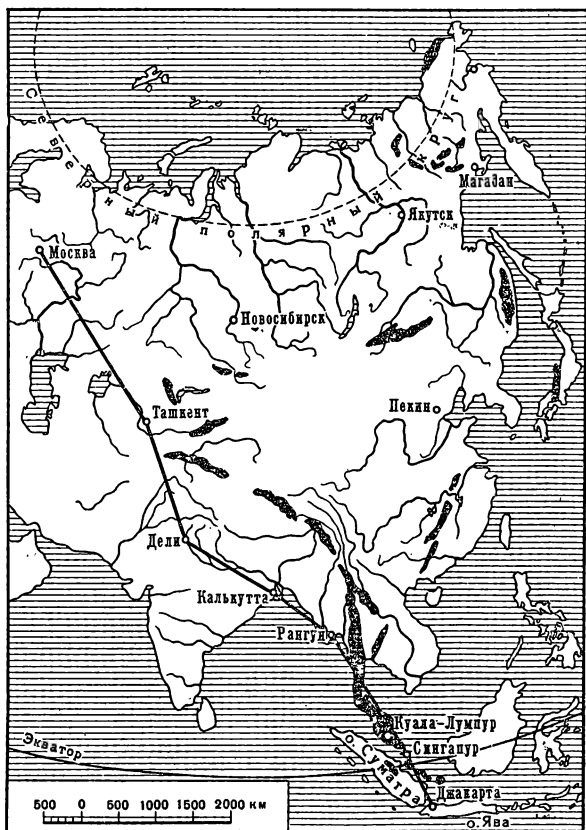
В Боливии олово добывается на рудниках, расположенных высоко в горах, и обходится оно очень дорого. Металл, выплавляемый из добытых здесь руд, обычно засорен вредными примесями, что ограничивает возможности его применения.

В странах Юго-Восточной Азии олово добывают на приисках мощными высокопроизводительными механизмами — драгами, землесосными снарядами и гидравлическими установками. Стоимость такого способа добычи очень мала, а олово из россыпей отличается исключительной чистотой и высоко ценится на мировом рынке.

В нашей стране олово добывается в Приморье, на Чукотке, в Якутии, на Колыме, в Забайкалье, Казахстане. У нас есть как коренные месторождения этого металла, так и россыпи. Особенно много россыпей на Чукотке, прииски которой поставляют самое лучшее олово. Но чукотские россыпные месторождения совершенно не похожи на россыпи так называемого малайского типа. Они разрабатываются не драгами и земснарядами, а средствами гидромеханизации (гидравликами), добытые оловосодержащие пески затем обогащаются на механических промывочных приборах.

Геологическое строение чукотских россыпей тоже не имеет ничего общего с малайскими.

Чукотские россыпи образовались в условиях умеренного и холодного климата, где преобладает не химическое, а физическое разрушение горных пород. Вот как это происходит. В крепких горных породах из-за неравномерного расширения составляющих их частиц (минералов) под влиянием резких температурных колебаний образуются небольшие трещины. В них проникает атмосферная влага, которая при понижении температуры замерзает и увеличивается в объеме. Из-за этого трещины расширяются, образуются новые, и горная порода посте-

На Юго-Востоке Азии проходит Малайский оловоносный пояс — уникальная по насыщенности месторождениями олова геологическая провинция

Оловоносные районы зачернены

ленно разрушается. Она рассыпается на остроугольные обломки (щебень и глыбы).

Обломки горных пород и руд накапливаются на поверхности. Затем под влиянием силы тяжести они постепенно скатываются или сползают со склонов гор к их подножию, подхватываются временными водотоками и сносятся в долины рек. Реки волокут или перекачивают по дну тяжелые обломки горных пород, которые постепен-

но округляются (окатываются), измельчаются и превращаются в речные галечники, песок и глину.

Минерал касситерит (оловянный камень) — окись олова (SnO_2), содержащий 78,8% чистого олова, является единственной рудой для выплавки этого металла. Касситерит очень устойчив. Он не окисляется и не растворяется даже в концентрированных растворах кислот, щелочей, солей и их смесей, обладает большим удельным весом — 6,8—7,1. Поэтому касситерит во время передвижения разрушенных обломков горных пород, содержащих оловянную руду, постепенно отделяется от породы и осаждается в самые нижние горизонты рыхлого обломочного материала; накапливаясь там, он образует продуктивный (промышленный) горизонт россыпи — «вторичную руду». Если россыпь на вершине горы, прямо над коренными (скальными) выходами руд на дневную поверхность, то такая россыпь называется элювиальной; россыпи на склонах гор называются делювиальными, а в долинах рек — аллювиальными, т. е. речными.

Обычно самыми богатыми и наиболее крупными по запасам являются аллювиальные (речные, или долинные) россыпи.

Процесс образования россыпных месторождений сложный и длительный. Судя по тому, что в речных отложениях Северо-Востока СССР находят ископаемые остатки мамонтов и других давно вымерших животных, россыпи в долинах северных рек образовывались в течение нескольких десятков тысяч лет. Процесс образования некоторых из них, например Пыркакайских на Чукотке, все еще продолжается.

Совершенно иначе выглядят и по-другому образовались россыпи Малайзии и Индонезии.

Еще в третичном периоде, т. е. 20—25 млн. лет назад, весь обширный район Юго-Восточной Азии подвергся интенсивной денудации*, в результате которой превратился в бескрайнюю равнину. Климат здесь уже тогда был влажный, тропический.

В условиях равнины и влажного тропического климата в разрушении (выветривании) горных пород главенствуют

* Денудация — совокупность процессов разрушения горных пород, их переноса и отложения в пониженных участках. Денудация приводит к превращению горного рельефа в слабо волнистые равнины.

щее значение имели химические, а не физические факторы. Шло интенсивное химическое разложение минералов, слагающих горные породы, которые сразу же превращались в рыхлую глинистую массу, легко размываемую водой.

Легкие глинистые частицы во время тропических ливней постоянно смывались с поверхности невысоких холмов, а устойчивые тяжелые минералы, такие, как касситерит, постепенно оседали и накапливались прямо на месте.

Процессы химического разложения минералов и горных пород в жарком и влажном тропическом климате протекают значительно быстрее, чем идет их физическое разрушение, поэтому крупные обломки не образовывались и реки тропического пояса перемывали и переносили только мелкий песчаный и глинистый материал.

Всюду была равнина, речные долины имели небольшой уклон, реки текли медленно, спокойно и не могли далеко переносить тяжелые, осевшие на дно минералы. Речные водотоки только бесконечно перемывали и промывали донные отложения, вымывали и выносили из них все легкие частицы. Длительное и многократное перемывание рыхлых речных отложений в конечном итоге приводило к тому, что россыпи все больше и больше обогащались, так же как это делается на обогатительных фабриках и промывочных приборах.

Так образовывались россыпи малайского типа, чрезвычайно богатые по содержанию олова и легко поддающиеся разработке и обогащению.

За многовековой период перемывания и химического выветривания все неустойчивые компоненты оловорудных месторождений полностью распадались и в россыпях накапливались почти только один касситерит. Другие сопутствующие устойчивые минералы (циркон, монацит, рутил, ильменит), хотя и встречаются в этих россыпях, но их мало, и они сравнительно легко и просто отделяются от касситерита при обогащении. Поэтому олово, выплавляемое из малайских концентратов, лишено каких-либо примесей. Оно очень высоко ценится на мировом рынке.

Чтобы ввести читателей в курс дела, необходимо объяснить ряд специфических терминов, которыми придется пользоваться при описании оловянных россыпей малайского типа.

Прежде всего отметим, что при описании наших отечественных россыпей термином «пески» обозначают продуктивный пласт, содержащий полезное ископаемое (золото, олово) в промышленных концентрациях. По составу отложений это совсем не песок, а чаще всего галечник в смеси со щебнем, гравием и глиной. В россыпях Малайзии и Индонезии нашему термину «пески» соответствует термин «какса», но только какса в отличие от «песков» действительно состоит из песчаных отложений и глины.

Есть и еще одно существенное различие между «песками» и «каксой». Если в «песках» россыпей нашего умеренного пояса и северных широт содержание олова редко достигает одного-двух килограммов на кубический метр породы, то в «каксе» содержание олова, как правило, в десятки раз больше. Мощность пласта «песков» у нас на приисках, наоборот, гораздо больше мощности пласта «каксы».

При разработке «песков» на Колыме и Чукотке всегда предварительно удаляются залегающие над ними пустые породы («торфа») или же разработки «песков» ведутся подземным способом.

Россыпные месторождения малайского типа, как правило, разрабатываются с промывкой всей массы рыхлых отложений, включая «торфа», поэтому среднее содержание олова на всю перерабатываемую массу оказывается намного меньше, чем в «каксе», и обычно составляет около одного-двух килограммов и даже меньше на кубический метр породы.

«Пески» и «какса» обычно залегают на разрушенной поверхности коренных пород, и эти подстилающие отложения у нас называются «плотик», а у малайцев и индонезийцев — «бедрок». «Бедрок» — термин английский. Этим термином называют как подстилающие, так и сильно разрушенные породы.

«Плотик» наших россыпей, как правило, состоит из трещиноватых коренных пород (песчаников, сланцев, грацитов), щебня, галечников, гравия и глины. «Бедрок» состоит в основном из глины и мелкого кварцевого песка — до такого состояния бывают разрушены коренные породы. Эти отложения называют еще «корой выветривания» коренных пород. Кора выветривания в тропических странах имеет мощность до 100 м. Различные типы

россыпей носят там тоже специфические местные названия. Так, элювиальные россыпи называются «кулит», а делювиальные — «крикил», аллювиальные — «каранг», или просто «какса», но в том случае, когда в аллювиальной россыпи не один, а несколько продуктивных пластов, такая россыпь называется «ментьянг».

Пустые породы, залегающие над промышленным пластом, хотя и принято называть «торфами», на самом деле они не торф, а обычные речные пески и галечники. В Малайзии и Индонезии нет такого понятия совсем, так как россыпи разведываются и отрабатываются почти всегда на всю полную мощность рыхлых отложений, и в этом случае нет необходимости проводить границу между пустыми и продуктивными горизонтами.

Вот, пожалуй, все, что хотелось сообщить об олове и оловянных россыпях, прежде чем перейти к рассказу о посещении оловоносных островов Малайского архипелага.

Итак, наш лайнер взлетел с бетонной полосы аэродрома.

Расстояние от Москвы до Джакарты — конечного пункта нашего пути — по прямой всего 10 тыс. км, чуть больше, чем до Петропавловска-Камчатского, но преодолеть это расстояние даже на современном реактивном воздушном лайнере нелегко, гораздо труднее, чем слетать на Камчатку. Ведь путь на Камчатку проходит почти по одной широте, в одной климатической зоне. Иное дело маршрут Москва — Ташкент — Дели — Рангун — Джакарта. Чего только не встретишь на этом пути: пустыни, горы, моря и джунгли.

Нам предстояло пересечь несколько климатических зон, каждая из которых могла подготовить свои сюрпризы. Так и случилось. Погода подвела уже в начале пути. Пока летели из Москвы в Ташкент, там разразилась пыльная буря, и самолету пришлось повернуть в Свердловск. Только через сутки представилась возможность приземлиться в Ташкенте, а еще через сутки — вылететь в Дели, т. е. совершить гигантский воздушный прыжок через высочайшие хребты нашей планеты — Гималаи.

Гималаи много веков разделяли Индию и Россию, препятствовали развитию прочных связей между соседними великими народами. Многие смелые землепроходцы искали кратчайший путь в Индию через горы, но лишь в 1898 г. русский путешественник В. Ф. Новицкий впервые пересек Гималаи. А вот теперь на серебристых крыльях ТУ-104, как на сказочном ковре-самолете, мы за считанные часы преодолеваем путь, на который наши предки затрачивали годы.

Путешествуя, каждый по-своему воспринимает окружающее. Многое предопределяет профессия человека. Моя профессия — геолог — выработала во мне наблюдатель-

ность, привила любовь к природе, научила читать книгу жизни гор и пустынь, морей и рек, растений и животных. Поэтому перелет через Гималаи сулил, если земля не будет закрыта облаками, много интересного.

Я знал, что на месте высочайших гор совсем недавно — в начале четвертичного периода — плескались волны грандиозного моря Тетис, названного так по имени мифической богини моря. Это море существовало на протяжении около 500 млн. лет — в течение всего палеозоя, мезозоя и палеогена. Оно было той колыбелью, в которой зарождалась первая жизнь на земле, тем бассейном, в котором жили давно вымершие гигантские морские пресмыкающиеся. На островах этого моря появились первые люди — синантропы и явантропы.

Море Тетис простиралось через весь материк Гондваны и продолжало существовать даже тогда, когда этот материк в мезозойской эре начал разделяться на современные континенты. Оно начиналось там, где сейчас Бискайский залив, и заканчивалось у берегов современного Южно-Китайского моря. На дне его шло интенсивное накопление морских осадков, происходили подводные излияния магматических масс. Это была обширная область длительного прогибания земной коры — геосинклинальная область.

В мезозое вся эта область была охвачена грандиозными горообразовательными процессами. Морское дно стало подниматься вверх. Смятые в складки и раздробленные пласты древних горных пород поднимались все выше и выше. Море отступало и на его месте образовались высокие горные хребты Пиренеев, Альп, Кавказа, Тянь-Шаня, Гималаев и др. Сейчас от моря Тетис сохранились только небольшие «лужицы» — Средиземное и Черное моря. А горы продолжают подниматься вверх, о чем свидетельствуют непрекращающиеся землетрясения и глубокие ущелья, в которых текут реки, едва поспевающие вслед за поднятием гор углублять свои русла.

Помня обо всем этом, я с нетерпением ждал встречи с Гималаями, занял место у иллюминатора и приготовился к работе, которая у геологов называется «аэровизуалкой», т. е. изучением местности с самолета.

От Ташкента самолет взял курс на юго-восток, в сторону Кашгара. В этом направлении местность ровнее и горы пониже.

Через 40—50 минут показались барханные пески серой бесснежной пустыни Такла-Макан. Она со всех сторон окружена горами. Летим высоко, но земля совсем близко под нами. Это потому, что пустыня сама поднята на 1500—1600 м. Вижу небольшие селения, прижавшиеся к горам, редко разбросанные вдоль высохших рек оазисы с чахлой растительностью. А кругом, насколько хватает глаз, одни песчаные барханы.

Пустыня Такла-Макан подстать Сахаре. Это самый большой массив барханных песков на земном шаре. Климат в пустыне субтропический, но осадков не бывает, поэтому растительности нет. Скучная картина!

Самолет медленно поворачивает на юг, и сразу же панорама меняется — под крылом проплывают вершины гор, на первый взгляд ничем не примечательных. Впечатление такое, словно мы летим не над высокими горами, а над нашим казахстанским мелкосопочником. Это оттого, что высота межгорных широких долин здесь всюду 4—5 тыс. м и горные вершины, поднявшиеся на 6—7 тыс. м, кажутся совсем низкими. Это горы хребта Куньлунь (Куэнь-Лунь), отделяющие пустыню Такла-Макан от Тибета. Они примечательны тем, что образуют самую длинную горную систему Азии, окаймляющую с севера обширное Тибетское нагорье.

В горах Куньлунь, судя по всему, господствует вечный холод. Здесь царство ледников, хотя снеговая линия проходит довольно высоко — на отметке 6 тыс. м над уровнем моря.

Снежные цирки и ледники можно рассмотреть с самолета лишь с большим трудом, так как они покрыты толстым слоем серой песчаной пыли. Собственно, сами ледники можно узнать только по характерной корытообразной форме трогов — ледниковых долин, по ледопадам и по четко обозначенным полосам из крупных камней, которые несет на своей спине могучий ледник.

Вспомнилось, что среди ученых идет извечный спор о том, как образуются лёссы — мощные толщи плодородных пылеватых грунтов, характерных для Средней Азии и Китая. Одни считают лёссы эоловыми образованиями, т. е. накоплениями песчаной пыли пустынь, принесенной ветром. Другие эти образования называют флювиогляциальными, т. е. отложившейся мутью вод тающих ледников.

Если смотреть с высоты птичьего полета на ледники Кунылуна, то представляется, что источником материала, слагающего лёссы, служит пыль песчаных пустынь, окружающих Тибетское нагорье.

Самолет летит на высоте 9 тыс. м, но горы совсем близко, и вершины, как при бреющем полете над землей, проносятся очень быстро. Я бросаюсь то к правому, то к левому борту самолета. Стюардесса вначале неодобрительно относилась к моей непоседливости, но, узнав в чем дело и прослушав небольшую «лекцию» по геологии, заинтересовалась. И теперь я уже не один метался от иллюминатора к иллюминатору.

— Оказывается, сколько интересного можно увидеть, если чуточку знать геологию,— сказала стюардесса и призналась, что раньше никогда не смотрела в иллюминатор, пролетая над этим, как выразилась она, «хаосом дикого камня».

Незаметно минуем хребет Кунылунь и летим уже над Тибетом. Путь держим прямо на юг вдоль восьмидесятого меридиана. Местность заметно изменилась. Горы стали как бы ниже, долины шире. Появились обширные межгорные плато. Иногда на них видны светлые пятна озер, дороги и тропы. Там, где тропы как бы веером расходятся из одной точки, присмотревшись внимательнее, можно увидеть одиноко стоящую скалу и на ней характерные силуэты буддийских храмов-монастырей. Их не много, но они размещены на открытых местах и хорошо видны сверху.

Над горами летим около трех часов. Пейзаж под крылом становится монотонным, неинтересным. И вдруг далеко впереди засверкали белоснежные исполины. Это уже Гималаи — самые высокие горы планеты, где из хаоса, созданного тектоническими силами, величественно возвышаются легендарные «восьмитысячники». Их здесь 11, гор высотой более 8 тыс. м, и среди них самая высочайшая вершина Земли — Джомолунгма (Эверест) высотой 8848 м.

Джомолунгма — далеко от трассы нашего полета, зато почти совсем рядом в ясном небе вырисовываются ее многочисленные сестры и братья «семитысячники», белоснежные шапки которых окружены нимбами облаков.

Глядя на эту величественную картину, на мир и царство заоблачных гор, невольно проникаешься уважением

к могучим силам природы и как-то особенно остро ощущаешь величие подвига людей, покоряющих горные вершины или испокон веков населяющих эти горы.

Неожиданно горы круто оборвались, нависнув темной стеной над глубоким ущельем, на другой стороне которого были видны террасы полей, покрывающие невысокие горы от подножий до самой верхушки.

Это уже Индия. Самолет стал снижаться. Летим над равниной. Кругом оросительные каналы и правильные квадраты полей, расцвеченные желтой, зеленой и коричневой краской. Здесь субтропики, урожаи снимают по несколько раз в год и поля засевают в любое время года. Поэтому рядом видны не только вспаханные поля, но и зеленеющие свежими всходами и желтеющие уже созревшими злаками.

Промелькнули плоские крыши пригородов, и вот самолет наш уже приземляется в аэропорте Палам. Это Дели — столица дружественной Индии.

Закончился первый этап пути — перелет над высочайшими горными хребтами нашей планеты.

Мое непосредственное знакомство с Малайской оловоносной провинцией, частью которой являются острова Малайского архипелага, началось еще в пути.

Дело в том, что самолет, на котором мы вылетели из Москвы, как я уже сказал, задержался из-за неблагоприятной погоды, и мы опоздали на очередной рейс самолета из Дели в Бомбей.

После трехдневной вынужденной задержки в Дели (о чем, кстати, мы несколько не сожалели) дальше лететь пришлось на самолете Британской заморской авиакомпании ВОАС с остановками в Рангуне, Куала-Лампуре и Сингапуре. Такой маршрут нас вполне устраивал: ведь это означало, что мы должны пролететь вдоль всего Малаккского полуострова.

То ли потому, что расстояние между промежуточными пунктами посадок самолета было небольшим, то ли по иным причинам, после Кулькутты мы летели на небольшой высоте. Погода была отличной. Мое кресло — у самого иллюминатора, и, прильнув к стеклу, я внимательно следил за медленно проплывающей под крылом красочной панорамой тропиков. Вот уже остался позади Бенгальский залив. Короткая остановка в Рангуне — столице Бирмы, и снова в путь.

Самолет взял курс на юг. Под нами — Андаманское море. А вскоре взору открылся чудесный вид утопающего в яркой тропической растительности Малаккского полуострова, очень узкого в этом месте.

С высоты хорошо видна курчавая поверхность каучуковых плантаций и тропического леса, вдали невысокие горы, разделенные широкими долинами. Внизу, в сплошном море яркой зелени, можно было заметить широко разбросанные небольшие селения, окруженные веероподобными кронами кокосовых пальм. Но вот селения стали

встречаться чаще. Появились ниточки шоссе дорог. Они сплетались в причудливую паутину, в которой как бы запутались дражные полигоны *, заполненные мутной водой. Показались большие пустыри, покрытые молодой порослью, кирпично-красные отвалы земли и черепичные крыши строений.

Если присмотреться внимательнее, то можно заметить на мутной глади заполненных водой котлованов большие землесосные снаряды. Они трубопроводами, проложенными на понтонах, связаны с небольшими обогащательными фабриками, расположенными здесь же, на берегу. От этих фабрик далеко расходятся бело-желтые шлейфы эфелей — пустой породы, остающейся от промывки оловосодержащих песков.

Иногда вместо земснарядов в водоемах отражались высокие белоснежные корпуса плавучих обогащательных фабрик — драг. Виднелись какие-то ажурные сооружения из тонких жердей. Как потом выяснилось, это были небольшие промывочные приборы — деревянные шлюзы с высокими бамбуковыми эстакадами для подачи воды и оловосодержащих песков.

Иногда в поле зрения попадало сразу полтора-два десятка землесосных снарядов и драг: мы пролетали над мировым центром добычи олова, над уникальными россыпными месторождениями и крупнейшими приисковыми районами Малайзии.

В этот типичный для здешних мест приисковый пейзаж живописно вписывались отдельно стоящие виллы и небольшие поселки. Кое-где возвышались заводские корпуса и фабричные трубы, шагали ажурные мачты высоковольтных линий электропередач.

Видно было, что здесь все подчинено одной цели — добыче олова. Даже аэродром в Куала-Лумпуре — столице Малайской федерации (Малайзии) — оказался размещенным на перемытой драгами и земснарядами земле. Он со всех сторон окружен карьерами и полигонами, на которых все еще работали небольшие установки для промывки оловосодержащих песков.

Так мы открыли для себя Малайзию и Малайскую

* Дражные полигоны — участки, на которых разработка россыпных месторождений олова производится драгами.

оловоносную провинцию. Такой она предстала и запомнилась нам с высоты трех с половиной тысяч метров.

В аэропорту Куала-Лумпура невольно бросалось в глаза засилье англичан, которые все еще держат в своих руках ключевые позиции в экономике Малайзии. Это было видно и по тому, что наш самолет здесь почти опустел. Дело в том, что в Англии были зимние каникулы, а среди наших спутников оказалось немало английских студентов, которые летели к своим родственникам.

От Куала-Лумпура до следующего промежуточного пункта по пути нашего следования — Сингапура — мы летели в менее благоприятных погодных условиях. Земля была прикрыта кучевыми облаками, в разрывах которых кое-как удавалось иногда увидеть высокие холмы, занятые плантациями каучуковых деревьев или поросшие буйной тропической растительностью.

Наконец открылся пещирокий пролив, отделяющий Малайзию от Сингапура. Через него переброшены тоненькие ниточки железнодорожных и шоссежных мостов. Сингапур невелик и хорошо просматривается с самолета. Заходя на посадку, мы увидели морской порт с массой стоящих на рейде и у причалов больших и малых кораблей, и, как на ладони, высокие многоэтажные здания торговых контор и банков.

Бросился в глаза резкий контраст: современные красивые здания города окружены лачугами, сооруженными из бамбука и пальмовых листьев.

Самолет приземлился в международном аэропорту. Большое серое двухэтажное здание аэропорта, сооруженное из стекла и бетона, по существу превращено в большой универмаг. Здесь идет бойкая торговля самыми разнообразными товарами. Наибольший успех у транзитных пассажиров имеют японские радиотехнические товары и оптика. Почти все пассажиры нашего самолета, который далее через Индонезию следовал в Австралию, вернулись обвешанные фотоаппаратами, кинокамерами и транзисторами либо отягощенные магнитофонами. Нам было непонятно такое массовое проявление любви к этой технике. Но потом все объяснилось очень просто. Сингапур, являющийся важным пунктом на перекрестке мировых воздушных и морских дорог, имеет статут открытого города, в который все товары завозятся без пошлины. Поэтому в Сингапуре самые низкие цены. Этим умело пользу-

ются дельцы и спекулянты из капиталистических стран.

Пока в здании аэропорта нас потчевали кока-колой, на землю спустилась темная тропическая ночь. Внезапно наступившая темнота лишила нас удовольствия продолжать дальнейший обзор с самолета оловоносных островов Малайского архипелага. Мы проспали и волнующий всех новичков момент пересечения экватора. Но об этом особенно не сожалели, так как знали, что впереди предстоит еще много встреч с экватором и еще не раз придется пролететь над этими местами.

Забегая вперед, скажу, что мы шесть раз пересекали экватор по суше (на о-ве Суматре), по воде (в архипелагах Риау и Линга), по воздуху, а на Суматре даже ходили по экватору пешком. Что же касается обзора оловоносных островов, то и это нам удалось потом осуществить. Нам представилась возможность еще раз взглянуть и на Сингапур, но только уже с моря — с борта небольшого судна, на котором мы совершали путешествие по живописным островам архипелагов Риау и Линга.

От первой встречи с Сингапуром у нас осталось самое яркое впечатление. Всем нам понравилось обхождение обслуживающего персонала аэропорта с иностранцами. Нельзя было не любоваться безукоризненной выправкой и исключительным тактом девушек-стюардесс, их благожелательным отношением к пассажирам.

Отягощенные массой впечатлений от длинного пути, проделанного за один день, мы, как только вновь поднялся в воздух наш самолет, заснули и пробудились перед самой посадкой в Джакарте.

Так, в одну из январских ночей 1962 г. мы прибыли в столицу Индонезии, промежуточный пункт нашего дальнейшего пути. Отсюда должно было начаться наше путешествие по островам Малайского архипелага.

Первое знакомство с тропиками не предвещало ничего хорошего. Когда мы сошли с самолета в столичном аэропорту Кемайоран, то первым желанием было тотчас же возвратиться обратно. Дело в том, что мы летели на большой высоте в герметизированной кабине с искусственным, привычным для нас умеренным климатом. Выйдя из самолета, сразу оказались будто в жарко натопленной бане. Белье липло к телу, градом лился пот, дышать было трудно. Температура воздуха 30—32°, а влажность 90—

Геологическое ведомство Индонезии «Джаватап геологи» в гор. Бандунге.
На первом этаже — геологический музей

95%! Кислорода явно не доставало, мы почти задохнулись. Все это произвело на нас чрезвычайно гнетущее впечатление, усугубившееся еще и тем, что нас никто не встретил.

К утру все же удалось добраться до «Висма БИРИН»* — места проживания части наших соотечественников. Приняв освежающий душ и переодевшись полетному (мы ведь вылетели из Москвы зимой), вздохнули с облегчением: жить в тропиках все же можно. Постепенно мрачные мысли о тяжелом климате и подстерегающих нас трудностях прошли, и мы стали внимательнее присматриваться к окружающему. И это окружающее оказалось весьма интересным. Ведь мы были в тропической стране, где все так необычно для нас — жителей северных широт и особенно для меня, много лет прожившего на Чукотке.

* БИРИН — сокращенное от «Бюро индустриализации».

Пока шло согласование многочисленных и сложных вопросов, связанных с дальнейшей нашей поездкой по оловосным островам, мне представилась возможность несколько раз посетить Бандунг, где находится геологическое ведомство Индонезии («Джаватан геологи»), и совершить поездку в центральные и восточные районы Явы.

В «Джаватан геологи» мы познакомились с директором этого учреждения профессором Сутарио Сигитом, с его заместителями и многими геологами-индонезийцами.

В Индонезии существует четкое разграничение функций геологических организаций. «Джаватан геологи» занимается вопросами чисто геологическими, не связанными с поисками и разведкой месторождений полезных ископаемых. Последними ведают оловодобывающие, нефтяные и другие компании. «Джаватан геологи» ведет в основном исследования по стратиграфии, палеонтологии, вулканизму, тектонике, геоморфологии и другим общегеологическим разделам, включая мелкомасштабное геологическое картирование. Лишь с 1962 г. это управление по рекомендации советских геологов начало в небольших объемах проводить поисковые и разведочные работы на некоторые виды полезных ископаемых (фосфориты, вулканогенная сера, полиметаллы и др.).

При «Джаватан геологи» имеется геологический музей, в котором преобладают палеонтологические экспонаты. Среди них имеются редчайшие находки останков яванского человека, полные скелеты гигантских ископаемых животных (слона, носорога, свиней, быков, черепах и т. д.).

Отдел полезных ископаемых в музее представлен плохо. В библиотеке, фондах и архивах «Джаватан геологи» имеются материалы только по региональной геологии, так как все материалы о полезных ископаемых (кроме опубликованных) находятся в ведении государственных и частных промышленных компаний или в большей части вывезены из страны иностранными концессионерами.

Есть небольшая химическая лаборатория, но массовых анализов минерального сырья она не делает, потому что разведкой месторождений, как уже говорилось, геологическое ведомство почти не занимается.

Ява — один из пяти наиболее крупных островов Индонезии. На нем находится столица Индонезии — Джакарта и самые крупные города страны. Этот остров чаще других

посещается европейцами. Поэтому почти все описания путешествий по Индонезии основаны на наблюдениях, сделанных именно на Яве. В то же время Ява совершенно непохожа на другие острова. Поэтому наши представления об Индонезии, основанные главным образом на литературе об о-ве Яве, в некоторой степени односторонни и неполны.

Мне довелось много путешествовать по Яве и прожить на этом острове в общей сложности более четырех месяцев. Конечно, впечатлений осталось очень много и есть что рассказать, но учитывая, что о многом из увиденного нами на Яве уже писалось, а об остальных островах, на которых мы побывали, мало что известно, я позволю себе на своих яванских впечатлениях внимание читателей не задерживать, а познакомить с другими островами Малайского архипелага.

После длительного ожидания в Джакарте и бесчисленных визитов в государственные учреждения за разрешением властей на посещение оловоносных островов, когда надежда на успешное выполнение нашей миссии была совсем уже потеряна, мы наконец-то были приглашены к министру основной и горнорудной промышленности г-ну Хайрулу Салеху и получили разрешение посетить государственную компанию «Синкеп» для ознакомления с работой ее предприятий.

«Синкеп» — это самая молодая и самая маломощная из трех индонезийских государственных оловодобывающих компаний. В сферу ее деятельности входит о-в Синкеп и расположенные к северу от него острова архипелагов Риау и Линга.

Нам, конечно, хотелось прежде всего побывать на основных оловодобывающих предприятиях, находящихся в ведении компаний «Банка» и «Белитунг» и размещенных на островах того же названия, но полковник Пирнгади, президент-директор Главного управления по координации деятельности государственных оловодобывающих компаний, от которого это зависело, пока такой возможности нам предоставить не мог.

— Сейчас, — объяснил он, — на этих островах находится группа американских экспертов. Гостиниц и транспортных средств на островах недостаточно, чтобы одновременно обслуживать вас и американцев. Ставить же вас в заведомо худшие условия, чем американцев, мы не можем. Поэтому слетайте пока на остров Синкеп, тем временем американцы закончат свои дела на Банке и Белитунге и вы сможете туда поехать.

У нас выбора не было. Пришлось согласиться.

Главные оловянные месторождения Индонезии находятся на о-вах Банка, Белитунг и Синкеп. Небольшие

месторождения известны также на Центральной Суматре и почти на каждом из островов архипелагов Риау и Линга. Все эти острова расположены в пределах наиболее продуктивной восточноазиатской части богатейшего Тихоокеанского оловорудного пояса *.

Наиболее крупные в мире месторождения олова сосредоточены на Малаккском полуострове и перечисленных здесь островах Индонезии. Они и образуют Малайскую оловоносную провинцию, в недрах которой находится свыше 75% запасов олова всех капиталистических стран. Около одной пятой этих запасов приходится на долю Индонезии.

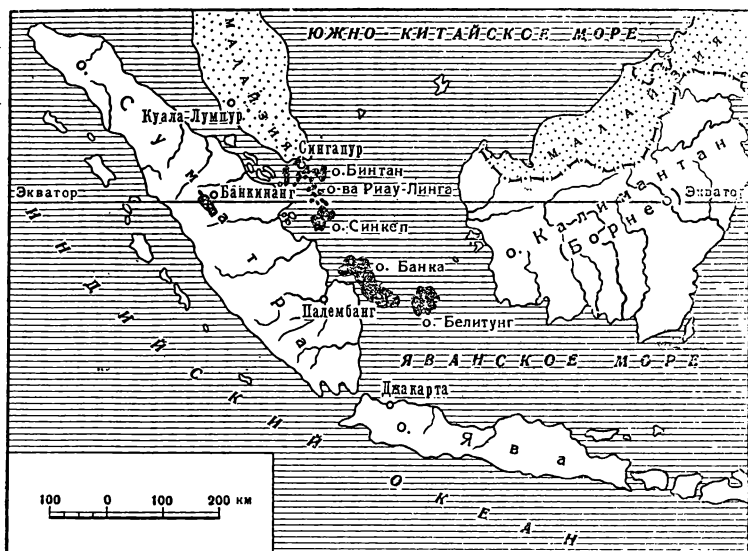
Разработка оловянных россыпей в Индонезии начата давно. Первые сведения о добыче олова на о-ве Банка относятся к 1710 г. С тех пор на о-вах Банка, Белитунг и Синкеп добыто свыше 1,5 млн. т этого ценного металла.

Максимальная добыча олова — 54,2 тыс. т — была достигнута в 1941 г. В послевоенные годы она удерживалась на уровне 30—35 тыс. т, но с 1954 г. стала неуклонно снижаться, и в 1963 г. уменьшилась до 13 тыс. т, но после 1970 г. несколько увеличилась и удерживается на уровне 14—16 тыс. т.

Несмотря на то что оловянные месторождения Индонезии разрабатываются уже более 250 лет, геологическое строение оловоносных островов и самих месторождений изучено слабо. Это объясняется тем, что вплоть до 1958 г. в оловодобывающей промышленности Индонезии безраздельно хозяйничали голландские монополии. Они хищнически разрабатывали богатства недр этой страны, но не были заинтересованы в планомерном геологическом изучении ее обширной территории.

Компания «Синкеп» организована в апреле 1961 г. До этого времени все ее предприятия были в ведении компании «Белитунг». Разработки оловянных россыпей компанией «Синкеп» ведутся только на о-ве Синкеп. В 1962 г. намечалась организация работ еще на двух других островах — Большой Каримун и Кундур, но до сего времени работа там не началась.

* Об этом более подробно см. в статьях автора: Оловянные месторождения Индонезии.— «Изв. АН КазССР, серия геологическая», 1963, № 1; Генетические типы оловянных россыпей Индонезии.— В кн.: Геология россыпей. М., «Наука», 1965.

Западная часть Малайского архипелага
Оловоносные острова зачернены

Геологическое строение о-ва Синкеп несложно. Осадочные отложения каменноугольно-пермского возраста занимают небольшую его часть. Они состоят из песчаников и сланцев, ничем не отличающихся от аналогичных сложенных, широко развитых у нас на Чукотке и Колыме.

В эти древние толщи земной коры где-то в юрское — меловое время внедрилась расплавленная магма, поднявшаяся из глубин Земли. При застывании она раскристаллизовалась и образовала массивы гранитных пород. В процессе остывания магмы из нее выделялись пары воды и газообразные продукты, насыщенные растворенными химическими элементами — металлами и в том числе оловом. Проникая по трещинам в окружающие породы, газово-жидкие растворы остывали, становились перенасыщенными и из них на стенки трещин оседали соединения кремния (кварц), олова (касситерит) и других металлов. Так упрощенно можно представить сложный процесс образования рудных жил и всех известных

коренных месторождений. Массивы гранитов занимают около 80 % всей территории острова. Отложения вмещающих граниты осадочных пород сохранились только на небольшой площади в периферических частях острова.

Россыпные месторождения олова на Синкепе представлены двумя главными типами — это прибрежные морские россыпи и речные, или долинные. Морские россыпи известны (все они отработаны) вдоль юго-восточного берега между мысом Матанг и мысом Фиджа и в заливе Райа (на северном берегу). Речные (аллювиальные) россыпи развиты только в восточной части острова, где сохранился горный рельеф. Они прослеживаются по долинам рек вдоль пойм и русел от самых истоков реки и до ее впадения в море. Морская россыпь в заливе Райа также является по сути дела долинной, но затопленной морем или погребенной. Морская россыпь у юго-восточного берега острова смешанного типа в основном прибрежно-морская и частично погребенная. Речные долины, в пределах которых находятся россыпи, выражены четко, хотя общий рельеф сглаженный. Они имеют широкое плоское дно и сравнительно крутые бортовые склоны.

Все россыпи о-ва Синкеп были разведаны еще голландцами в 30-е годы.

Вот и все, что мы уже узнали об оловянных месторождениях этого острова из немногочисленных материалов, которые удалось разыскать в архивах «Джаватан геологи» в Бандунге.

Теперь нам предстояло посетить этот остров и увидеть его своими глазами.

Петр Петрович Савин, коренной ленинградец, квалифицированный пилот, являвшийся одним из руководителей тогда только что организованного представительства «Аэрофлота» в Джакарте, неожиданно озадачил нас:

— Имейте в виду, друзья,— сказал он,— материальная часть «Гаруды» * изношена. Самолеты здесь все старенькие, их моторы давным-давно выработали свои ресурсы.

А затем со свойственным ему юмором добавил:

— Каждый третий самолет здесь падает. Не советую вам угодить на такой. Учтите, что лететь придется все

* «Гаруда» — название индонезийской государственной авиатранспортной компании.

время над Яванским морем, а в нем огромное множество акул...

На другой день рано утром мы вместе с П. П. Савиным на аэрофлотском микроавтобусе быстро добрались до столичного аэропорта Кабайоран. Здесь узнали, что нам предстоит лететь на старенькой двухмоторной «дакоте» — самолете американского довоенного производства. Грузоподъемность самолета строго ограничена, поэтому перед загрузкой взвешивают не только багаж, но и пассажиров.

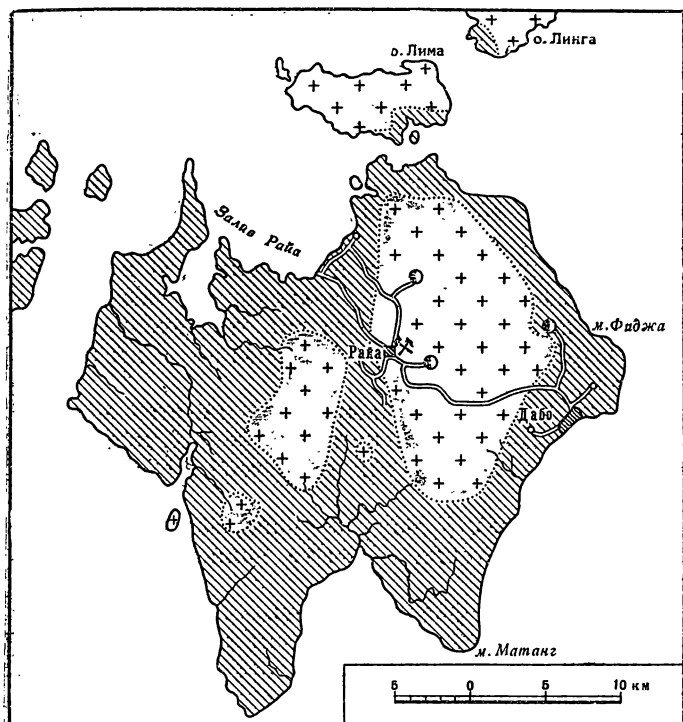
Наблюдая за оформлением багажа остальных пассажиров, мы с удивлением заметили, что даже на этой внутренней авиалинии строго соблюдались все таможенные формальности. Сразу же вспомнилось, что нам предстоит лететь в так называемую «долларовую зону», на острова, где недействительна государственная валюта (индонезийские рупии), а имеет хождение только малайский (сингапурский) доллар.

Этим и объяснялась строгость таможенных чиновников. Особенно строго они контролировали тех, кто возвращался из «долларовой зоны», так как малайский доллар имел твердый курс и являлся свободноконвертируемой валютой, индонезийские же рупии обесценивались с каждым днем.

Кстати, советские граждане, прибывавшие в Индонезию, зарекомендовали себя в глазах таможенных чиновников с самой лучшей стороны. Поэтому их вещи, как правило, не досматривались в пропускных пограничных пунктах. Такое доверие к советским людям всегда вызывало удивление и зависть у других иностранцев, неизменно подвергавшихся этой неприятной процедуре.

Но вот все формальности закончились. Объявляется посадка, и мы, пристроившись к другим пассажирам, которые суетливо спешат за дежурной аэропорта, идем к самолету. Места не нумерованы. Усаживаюсь у иллюминатора и начинаю осматриваться. Пассажиров немного. Кроме нас еще человек пять-шесть. Все китайцы. По их поведению видно, что к воздушным путешествиям они привычны. Почихав, завелся один мотор, потом второй, самолет, вздрогнув, рванулся с места.

Медленно набираем высоту. Пролетаем над Танджунг Приоком — морскими воротами Джакарты. В порту и на рейде десятки больших океанских кораблей. За каменным молотом, отгораживающим акваторию порта от моря,

Геологическая карта о-ва Синкеп

Крестиками обозначены граниты. Заштрихованы песчаники и сланцы (карбон-пермь)

в широком заливе видна масса торчащих из воды каких-то рыболовных сооружений, напоминающих собой разбегающихся во все стороны больших водяных пауков.

Открывается дверь пилотской кабины, и в пассажирский салон входит миловидная стюардесса. Поверх обычной формы, какую носят служащие «Гаруды», на ней надет яркий оранжевый жилет, на передней части которого нашиты карманчики. Из этих карманчиков выглядывали вмонтированные в жилет резиновые трубочки, баллончики, фопарики и еще что-то.

Приятно улыбаясь, стюардесса обратилась к пассажирам:

—Туан, туан* янг терхормат (уважаемые господа)!— сказала она.— В карманах стоящих впереди вас кресел лежат точно такие же, как на мне, спасательные жилеты. Сейчас я объясню, как ими пользоваться.

При этих словах мы невольно вспомнили предупреждение нашего друга Петра Петровича.

— Очутившись в воде,— мелодично ворковала стюардесса,— прежде всего наполните жилет воздухом. Это можно сделать, дернув за вот этот желтый шнурок,— она показала на веревочку, прикрепленную к небольшому «встроенному» в жилет баллончику с сжатым воздухом,— или надувая ртом через вот эту трубку,— продолжала стюардесса, указав на свисающий с левого плеча резиновый шланг.

— А вот здесь на правом плече имеется небольшая сигнальная лампочка. Ее нужно включать только в ночное время. Она служит для того, чтобы вас легче было найти...

При этих словах у меня по коже забегали мурашки. Но на этом испытания крепости наших нервов еще не закончились.

— Вот здесь, в правом кармане,— не умолкала стюардесса,— имеется пакет с порошком от акул. Когда вы окажетесь в воде, содержимое этого пакета нужно разбросать вокруг себя. Тогда акулы не смогут к вам приблизиться. Вот и все. Как видите, обращение со спасательным жилетом совсем несложно. Вообще же наш полет абсолютно безопасен, и вам, я думаю, не придется пользоваться этим жилетом. Будьте спокойны!— С этими словами она исчезла за дверью так же внезапно, как и появилась.

Я взглянул в иллюминатор. Первое, что увидел,— это помятая, вся в заплатах, металлическая плоскость крыла и бегущие по ней черные, поблескивающие в лучах солнца, струйки моторного масла. Моторы нашей «дакоты» давным-давно «дышали на ладан». Масло текло из-под капота правого мотора буквально из всех щелей и дыр, недостатка в которых не было. Под крылом самолета

* Туан — господин. В индонезийском языке множественные числа имен существительных образуются повторением слов, а пишутся со знаком возведения в квадрат. Например, господин — tuan, господа — tuan² или госпожа — njonja, дамы — njonja² и т. д.

расстилось покрытое белыми барашками волн безбрежное Яванское море. Самолет мог садиться только на землю.

Несколько слов о транспортных проблемах Индонезии.

Республика Индонезия — островное государство. Ее часто называют страной 3 тыс. островов. Но это далеко не точное определение. По официальному сообщению, опубликованному в местных газетах в 1962 г., в Индонезии насчитывалось 10 868 островов. Я указываю дату потому, что сейчас этих островов, может быть, значительно больше или меньше. Дело в том, что маленькие вулканического происхождения острова или коралловые острова быстро возникают и так же внезапно могут исчезнуть. Словом, Индонезия — это огромный архипелаг, многочисленные острова которого населены разноязычными народами. Единственная возможность общения между ними — морской и воздушный транспорт.

Все морские суда, совершавшие раньше регулярные рейсы между островами, принадлежали частной голландской компании КЛМ. Перед тем как убраться из Индонезии, колонизаторы вывели в метрополию весь каботажный флот, поставив тем самым молодую республику перед большим затруднением. Вся тяжесть перевозок между островами легла на воздушный флот и мелкие парусные суда «прау».

Но этих средств передвижения было явно недостаточно, поэтому «Гаруда» работала с большой перегрузкой, и ее старенькая материальная часть эксплуатировалась на износ. Для обновления же самолетного парка у государства средств не хватало.

Не менее сложная транспортная проблема и на самих островах. Узкоколейные железные дороги имеются лишь на Яве и Суматре. На всех остальных островах только шоссе и дороги.

В своем большинстве это очень хорошие дороги с твердым покрытием. Поэтому на островах развит автомобильный транспорт, полностью сосредоточенный в частных руках.

В городах Индонезии много легковых автомобилей. Только в одной Джакарте их более 200 тыс. Снабжение горючим и смазочными материалами сосредоточено в руках американских нефтяных компаний «Калтекс», «Станвак», англо-голландской «Шелл» и т. д.

Иностранные компании очень умело используют свою монополию для того, чтобы оказывать давление на правительство Индонезии. Незадолго до нашего приезда в Индонезию правительство республики рассматривало законопроект о национализации частных нефтяных компаний. И что же? По всей стране сразу не стало нефтепродуктов. Около бензозаправочных колонок образовались огромные очереди автомашин. Парализовалось все движение. Правительство вынуждено было отложить рассмотрение законопроекта, и тут же возникло изобилие бензина. Представители компаний опубликовали в газетах «разъяснения», в которых утверждали, что «трудности в снабжении горючим были обусловлены временной нехваткой танкерного флота».

Сейчас положение в нефтедобывающей промышленности Индонезии несколько изменилось. Организована индонезийская государственная компания «Пертамина». Она построила на Суматре небольшой нефтеочистительный завод и наладила выпуск нефтепродуктов для внутреннего рынка. Однако господствующее положение в нефтяной промышленности Индонезии по-прежнему продолжают занимать иностранные монополии, которые не заинтересованы в развитии нефтеперерабатывающих предприятий в этой стране. По этой причине, доведя годовой экспорт нефти до 763 млн. долларов (1972 г.), Индонезия в то же время вынуждена ввозить нефтепродукты из-за границы.

Транспорт в Индонезии, особенно городской, играет очень важную роль. Это можно объяснить тем, что в условиях жаркого и влажного климата длительная ходьба и вообще всякое физическое напряжение сказывается на сердце. Поэтому жители городов привыкли пользоваться транспортом даже на небольших расстояниях. Однако городской транспорт очень плохо организован. Даже в столице Индонезии с населением свыше 3 млн. человек нет ни трамвайного, ни троллейбусного, ни регулярного автобусного сообщения. Выручают бечаки, т. е. велорикши, которых здесь насчитывалось свыше 30 тыс.

Бечаки — это основной вид городского транспорта на Яве. Есть еще небольшие частные автобусы, маршрутные такси, но их сравнительно мало.

Труд бечаков — каторжный труд. Целыми днями они крутят педали своих колясок в поисках пассажиров. Ве-

Улица Чекраминато в гор. Джакарте. Бечаки — основной вид транспорта в большинстве городов Индонезии

локоляски бечаков рассчитаны на двух пассажиров, но нам нередко приходилось видеть, как они везли трех и даже четырех человек. В Джакарте это еще посылно бечакам — город расположен на равнине, а вот в Богоре или в Бандунге, где уклон улиц очень крутой, бечакам приходится очень тяжело. Говорят, что бечаки в среднем живут до 30—35 лет. Они преждевременно умирают из-за быстро прогрессирующего профессионального заболевания сердечно-сосудистой системы.

Нам, советским гражданам, воспитанным на непримиримости к эксплуатации человека человеком, такой вид транспорта не годился. Но вся беда в том, что сами бечаки и вообще индонезийцы не понимают высоких мотивов, которыми в этом случае руководствуются советские люди. Официальные лица даже высказывали нашим представителям нечто вроде протеста: не пользуясь услугами бечаков, мы тем самым лишаем их крайне нужного заработка. Сами же бечаки иногда думают, что у наших граждан не хватает денег на транспорт. Мы были свидетелями таких, например, уличных сенок. Идет с рынка

нагруженная покупками русская женщина, ее сразу же замечают два-три бечака. Сопровождая женщину, они предлагают свои услуги. Она отказывается. Бечаки не успокаиваются, буквально преследуя ее по пятам, в надежде, что она воспользуется предлагаемой услугой. Получив же окончательный отказ, они делают свой вывод:

— Руси банкрот! Русская обанкротилась, у нее нет денег,— говорят они и спешат предложить свои услуги другим пешеходам.

Кстати, огромная армия бечаков — это только дешевая рабочая сила. Велоколяски (педикебы) бечакам не принадлежат. Они арендуют их у более состоятельных людей, владельцев гаражей или магазинов, и большую часть своего мизерного заработка отдают хозяину за аренду коляски.

К счастью, индонезийская общественность уже начинает понимать, что бечаки — это тяжелое наследие колониализма. На некоторых островах этот вид транспорта запрещен решениями местной администрации.

Однако я слишком отвлекся от темы. Пора напомнить, что мы летим на север от Джакарты в сторону экватора.

Через час полета показали извилистые берега большого острова. Это о-в Банка — самый крупный из оловоносных островов Индонезии. Хорошо видны многочисленные следы горных разработок, какие-то плантации, кокосовые пальмы вдоль берегов и дорог, а также вблизи поселений, густые зеленые леса.

Наш самолет быстро снижается. Делаем круг над городом Панкалпинангом и приземляемся на гравийной взлетно-посадочной полосе, сооруженной на месте когда-то существовавшего здесь оловянного прииска.

После короткого отдыха вновь занимаем места в самолете и продолжаем полет над Яванским морем. Впереди замечаем сразу несколько островов. Над одним из них возвышаются высокие остроконечные горы. Это о-в Линга. Левее его видны крутые, покрытые каучуковыми деревьями берега о-ва Синкеп.

На Синкепе около 25 тыс. жителей, из них немногим более тысячи работают на оловодобывающих предприятиях. Остров входит в «долларовую зону», поэтому экономические трудности, характерные для страны, здесь малозаметны. Цены на продовольствие и товары широкого

потребления стабильные. Процвечают торговля и кустарные промыслы.

Рабочие, занятые в оловодобывающей промышленности, имеют свои небольшие сельскохозяйственные угодья, владеют мелкими лавочками, в которых торгуют младшие члены семьи. Многие жители острова занимаются также разнообразными кустарными ремеслами.

Рабочие поселки и села хорошо благоустроены. В домах служащих и технической интеллигенции созданы все удобства, включая «эр кондишен» — комнатные кондиционеры воздуха, позволяющие создавать в помещениях искусственный климат.

В Дабо — единственном городе Синкепа — два театра, небольшая гостиница, почтамт и клуб местной интеллигенции. Все предприятия и населенные пункты связаны хорошими дорогами. Улицы Дабо асфальтированы. Здесь есть причалы для небольших судов, регулярно совершающих рейсы в Сингапур и на другие острова (Бинтан, Большой Каримун, Банка и др.).

Сельское население острова занято в основном на каучуковых плантациях. Для внутреннего потребления на острове имеются небольшие плантации кокосовых пальм, бананов, ананасов, папайи (дынного дерева) и других тропических растений. Из продуктов сельского хозяйства на остров завозят только рис.

Население острова состоит в основном из китайцев. Индонезийцы составляют не более 10%. Европейцев всего 2—3 человека.

Самолет приземлился на какой-то пустырь и подрулил к одиноко стоящему небольшому домику аэровокзала. Нас любезно встретили руководители компании «Синкеп» и представители местной гражданской и военной властей.

Инженер Нью, директор компании «Синкеп», подойдя к нам, сказал, что мы первые советские люди, прибывшие на их остров.

Между нами и встречающими сразу же установились дружественные отношения, и мы, устроившись в глубоких плетеных креслах, непринужденно беседовали, пока сопровождающий нас мистер Ван-Беегин был занят выполнением необходимых формальностей, связанных с нашим прибытием на остров.

Пока мы знакомились со встречающими, к крыльцу лихо подкатил новенький голубой «фольксваген», за ру-

лем которого сидела европейская дама. Вместе с ней приехала ее подруга и две хорошеньких смуглых девочки. Оказалось, что это жены и дети встречавших нас руководителей компании «Синкеп».

Обе дамы были по национальности голландки, но они совершенно свободно говорили по-индонезийски. Потом мы узнали, что их мужья получили образование в Голландии и что там, в Голландии, они вышли замуж и вместе со своими супругами покинули родные края и теперь живут здесь постоянно.

В период колониального господства администрация голландской Ост-Индии проявляла своеобразную заботу о своих соотечественниках. Власти систематически проводили в метрополии вербовку девушек-сирот и отправляли их в колонии. Их соблазняли возможностями счастливых бракосочетаний с разбогатевшими плантаторами и беззаботной жизнью в колониях. Но не все девушки находили здесь семейное счастье со своими соотечественниками. Многие из них, выйдя замуж за богатых индонезийцев или китайцев, навсегда оставались в колониях, отвергнутые от «добропорядочного» западноевропейского общества из-за его предрассудков.

Самолет, на котором мы прилетели, должен был следовать дальше, на о-в Бинтан, но с ним что-то случилось, и мистер Нью, по совместительству исполнявший обязанности представителя «Гаруды», не дождавшись его отлета, пригласил нас занять места в ожидавших автомашинах, и мы двинулись в город Дабо.

В пути мы рассказали мистеру Нью о наших волнениях во время полета. Ведь предсказание о неизбежной поломке самолета все же сбылось.

Мистер Нью искренне рассмеялся.

— Что вы, — воскликнул он, — с нашей «дакотой» ничего особенного не случилось! Мы уже давно привыкли к таким «поломкам». Через день-два этот самолет без всякого ремонта продолжит свой путь на остров Бинтан. Там он тоже «испортится» и вернется к нам на шестые сутки. Здесь опять задержится «по техническим причинам», и только через 7—10 дней, после вылета из Джакарты, вернется снова в столицу.

— Это почему же? — спросили мы.

— Все дело в суточных, — пояснил мистер Нью. — Находясь у нас и на острове Бинтан, в зоне малайского дол-

лара, экипаж самолета получает их в твердой валюте. Вот он и стремится задержаться здесь как можно дольше, чтобы получить побольше долларов.

Впоследствии мы убедились, что мистер Нью был прав. Когда через семь дней нам нужно было возвращаться в Джакарту, то «неисправный» самолет был наготове и стартовал по первой же просьбе мистера Нью.

Пока шел этот разговор, мы мчались по отличному шоссе, проложенному по живописной холмистой местности. Вскоре показались разбросанные по холмам коттеджи — бунгало. Машины остановились у одного из них.

— Это гостиница,— сказал мистер Нью,— здесь вы будете жить, а позаботится о вас бунг* Дан.— А вот то здание — наш клуб,— продолжал мистер Нью, указывая на большой, похожий на гараж, дом, почти полностью скрытый под огромным развесистым фикусом, по стволу которого причудливо извивалась толстая лиана.— Если захотите выпить рюмку виски, поиграть на бильярде или посмотреть кинофильм, приходите в наш клуб,— любезно пригласил он.— Только прошу вас,— как бы вспомнил о чем-то мистер Нью, скользнув быстрым взглядом по нашим рубашкам-распашонкам и по измятым хлопчатобумажным брюкам,— наденьте вечерние костюмы и будьте при галстуках. У нас такие правила.

На этом и закончилось наше первое знакомство с мистером Нью. Но прежде чем оставить нас на попечение бунга Дана мистер Нью извлек из кармана объемистый бумажник и, шелестя новенькими ассигнациями, сказал:

— Я получил указание из Джакарты принять все расходы, связанные с вашим пребыванием на острове, за счет наших оловодобывающих предприятий. Сколько вам нужно на карманные расходы?

Вопрос застал нас врасплох. Мы могли расходовать деньги только в пределах полагававшихся нам командировочных. Однако сюда, на остров Синкеп, мы не могли взять с собой рупии. Они здесь не имели хождения. А кое-какие расходы все же предстояли. Мы назвали весьма скромную сумму.

— Так мало?!— удивился мистер Нью.— Да берите сколько хотите! Нам это ничего не стоит. Все затраты, связанные с обслуживанием гостей, будут отнесены на

* Бунг — по-индонезийски слуга (дословно — брат).

себестоимость олова. И, поверьте мне, оно от этого на лондонской бирже не вздорожает.

Мистер Нью не привык видеть людей, которые отказывались от денег. Но мы, к великому его огорчению, все же настояли на своем и сверх положенных нам суточных денег не взяли.

Забегая вперед, скажу, что мы уезжали обратно раньше на один день, чем рассчитывали, и поэтому возвратили мистеру Нью оказавшуюся в излишке сумму денег, чем окончательно вывели его из равновесия.

— Поверьте мне,— сказал он,— у нас часто бывают иностранные гости, но никто из них никогда не отказывался от денег. Ведь эти деньги нам абсолютно ничего не стоят.

Мы, конечно, не могли согласиться с мистером Нью, что деньги ничего не стоят для Индонезийской республики. Каждая рупия доставалась молодому государству буквально потом и кровью его трудового народа. Вот почему нельзя было без боли видеть, как сорили здесь деньгами направо и налево всякого рода иностранные «советники» и «консультанты».

К сожалению, многие государственные чиновники и местная национальная буржуазия в Индонезии привыкли смотреть на государственный бюджет как на свой личный карман и используют служебное положение в целях обогащения.

В поездках по стране я встречался с людьми из различных слоев индонезийского общества. В откровенных беседах молодые государственные служащие высказывались не раз, что пределом их желаний является: хорошо оплачиваемая должность, красивая жена, персональный государственный или личный автомобиль и свое собственное бунгало. Этими настроениями умело пользуются представители западных капиталистических государств, добивающиеся всевозможных выгод и привилегий в своих коммерческих сделках с Индонезией. Нам рассказывали, например, что один влиятельный чиновник в Джакарте имел восемнадцать собственных легковых автомобилей, полученных в «подарок» от различных иностранных фирм за разного рода услуги.

Но вот все «финансовые дела», к нашему облегчению, урегулированы и любезные хозяева, наконец, оставили нас на попечение заботливого Дана.

Дан был в полном смысле незаменимым человеком. Он вел в гостинице все финансовые дела, прекрасно готовил самые разнообразные блюда, был одновременно официантом, судомойкой, прачкой, экспедитором и снабженцем. Все хозяйство небольшой гостиницы, рассчитанной на проживание 8—10 человек, держалось на нем.

Накормив нас завтраком или обедом, Дан садился на свой старенький велосипед и мчался куда-то за новой снедью. Он был худощав, очень подвижен и по натуре веселый человек. С ним нередко приключались всякие истории.

Как-то во время ужина к нам в комнату, ярко освещенную электрическим светом, влетел большой жук. Он был похож на нашего майского жука, но размером с кулак. Это чудовище летало по комнате, производя невероятный шум, билось о стены и окна, потом внезапно исчезло.

Дан, как обычно, прислуживал за столом. И вдруг мы обратили внимание, что с ним происходит что-то неладное. Он неожиданно смолк. Улыбка исчезла с его побледневшего лица. Руки его тряслись, а на лбу выступили крупные капли пота. Подавая на вытянутой руке блюдо с очередной снедью, он стоял, отчаянно балансируя на одной ноге, а вторую как-то странно вытянул в сторону. Так он стоял, как окаменевший, до тех пор, пока наш товарищ не принял от него предлагаемое блюдо. И только тогда Дан встрепенулся, отчаянно тряхнул ногой и выбросил из штанины злополучного жука. Мы быстро пригнули головы, боясь получить удар летающего «бронированного кулака». Но это «чудовище» нашло, наконец, открытую створку окна и покинуло нас так же внезапно, как и появилось.

Это был великолепный экземпляр жука-геркулеса из семейства так называемых дупляков, которые достигают 15—16 см в длину и являются великанами среди жуков, населяющих нашу планету. Они называются дупляками потому, что днем держатся в дуплах деревьев, в гнилой древесине, под сухой листвой и в тому подобных убежищах. Ночью жуки-геркулесы, как и все дупляки вообще, которых насчитывается на Земле свыше 500 разновидностей, покидают свои убежища и совершают длительные полеты в поисках пищи. Почти все дупляки распространены только в жарких тропических странах, но и

в наших широтах нередко встречается один из представителей этой группы насекомых-великанов, жук-носорог, достигающий в длину 25—35 мм.

Некоторые разновидности дупляков причиняют большой вред плантациям кокосовых пальм, пробуравивая в стволах многочисленные ходы. Такие «дырявые» деревья во время бури легко ломаются и гибнут.

На другой день после официальных визитов мы осмотрели механический завод и обогастительную фабрику, на которой идет окончательная доводка оловянных концентратов. Эти предприятия расположены в Дабо неподалеку от морского порта. Здесь же, на их территории, находится и управление компании «Синкеп».

Мистер Нью ждал нас в своем кабинете, обставленном шкафами с книгами преимущественно по горному делу. На небольших низеньких столиках были разбросаны стопки иностранных каталогов и технических журналов. Среди них был также «Ньюс уик», самый реакционный журнал, издающийся в США специально для стран Океании и Юго-Восточной Азии.

Стены кабинета мистера Нью были увешаны всевозможными графиками и диаграммами, на которых красные жирные линии стремительно уходили вверх, свидетельствуя об успешных делах возглавляемых им предприятий.

В кабинете было светло и жарко. Мы обратили внимание на то, что во всех книжных шкафах горели зажженные электрические лампочки. Оказывается, это дань влажным тропикам. Электрические лампочки горят здесь не только в книжных шкафах, но и в шкафах для одежды. Без них книги и одежда быстро покрываются плесенью и разрушаются.

Перед тем как отправиться на предприятие, мистер Нью коротко рассказал о компании «Синкеп», предупредительно извинившись, что сведений о запасах олова и о себестоимости продукции он сообщить нам не уполномочен. Мы узнали, что добыча олова в промышленных масштабах на о-ве Синкеп началась в 1895 г. Тогда было добыто 950 т олова в концентрате. В дальнейшем добыча олова возрастала и достигла в 1941 г. максимального уровня — 2888 т. Всего на Синкепе добыто свыше 40 тыс. т олова в концентрате.

На острове двенадцать оловодобывающих предприятий,

в том числе три драги, один землесосный снаряд и восемь карьеров с гидравлическими установками. За год предусматривалось переработать 7482 тыс. куб. м горной массы и добыть 1600 т олова.

Наиболее крупными предприятиями о-ва Синкеп как по объему переработки горной массы, так и по добыче оловянных концентратов, являются драги. Добыча олова и переработка горной массы тремя драгами составляет около 80% годовой добычи всех действующих предприятий острова.

— Раньше на острове работали четыре драги, — сказал мистер Нью, — но в 1958 г. мы решили отбуксировать одну из них на остров Белитунг. На полпути в понтоне драги открылась течь. Драга накренилась, опрокинулась и затонула.

Драги работают продольными ходами. Иными словами, они передвигаются не поперек, а вдоль реки, обычно снизу вверх, от устья рек к их истокам. Лишь одна драга, действующая на месторождении «Серганг», отрабатывает россыпь, двигаясь в обратном направлении, сверху вниз, т. е. по направлению к морю. Пласты пустой породы на дражных полигонах, как правило, не снимаются. Зато в значительных объемах ведутся подготовительные работы по очистке полигонов от леса, по созданию водоудерживающих дамб и водоемов для сбора воды, необходимой для обогащительного оборудования, смонтированного на драгах.

В верховьях речных долин и в притоках разведаны небольшие оловоносные россыпи, где мощность пустых пород не превышает пяти метров, а гидрогеологические условия благоприятны для раздельной добычи. Такие россыпи на острове отрабатываются старателями.

В россыпях Синкепа кроме касситерита содержится значительная примесь монацита, рутила и ильменита — минералов, содержащих редкоземельные элементы и титан. Все эти компоненты попутно извлекаются, и из них готовятся промышленные монацитовые, ильменитовые и рутиловые концентраты.

Резервные запасы олова в россыпях о-ва Синкеп оценивались до войны в 40 тыс. т, в 1947—1948 гг. — 37,8 тыс. т. В настоящее время они составляют около 10 тыс. т.

Снижение запасов олова заставляет руководителей компании «Синкеп» обращать особое внимание на поиски

россыпей, пригодных для дражных разработок. Но, судя по всему, на острове таких россыпей становится все меньше, поэтому и появилась нужда осваивать россыпи о-вов Большой Каримун и Кундур, где олово никогда не добывалось.

Наша поездка по острову началась с осмотра центральных ремонтно-механических мастерских. Мы увидели на небольшом, затеряншемся в тропиках островке прекрасное предприятие, оснащенное современным оборудованием. В цехах был идеальный порядок, просторно, светло, чисто. Готовая продукция и сортовой металл аккуратно разложены на стеллажах, покрашены. Отходы металла собраны в специальные короба и ящики.

К нашему удивлению, на этом большом и сложном предприятии, кроме мистера Нью, не было ни одного дипломированного инженера. Производством руководили люди, выдвинутые на руководящие должности из числа квалифицированных рабочих.

Массовое выдвижение рабочих на ответственные должности являлось вынужденной мерой, вызванной тем, что из страны были изгнаны колонизаторы, занимавшие прежде эти посты. И все же трудно было представить крупное многоотраслевое производство без квалифицированных инженерных кадров.

— После того как голландцы убрались восвояси, — сказал начальник мастерских, симпатичный пожилой человек, — нам трудно стало вести дела на предприятии. Но прошло немного времени, и мы доказали на деле, что можем обойтись без услуг колонизаторов.

— У нас немало опытных рабочих, — вмешался в разговор мистер Нью, — многие литейщики, токари, сварщики, слесари трудятся здесь всю жизнь. Они в свое время учились у своих отцов, а сейчас передают свои знания детям. Такие рабочие знают дело лучше инженера.

Западная пресса нередко изображает народы, освободившиеся от колониализма, дикарями в набедренных повязках. Очень хотелось бы показать таким писакам этих «дикарей», с которыми нам довелось познакомиться на предприятиях мистера Нью.

Закончив осмотр мастерских, мы направились на центральную доводочную (обогащительную) фабрику. Сюда поступает концентрат со всех приисков, где разработка россыпей производится драгами, землесосными снарядами

или гидравлическими установками. На приисках оловосодержащие пески во избежание больших потерь металла обогащаются не полностью. Такие оловянные концентраты не соответствуют промышленным кондициям. Они доставляются на центральную обогатительную фабрику, где и доводятся до товарных кондиций. Готовый концентрат просушивается и вновь поступает в обработку, в процессе которой из него извлекаются ценные примеси (ильменит, монацит, циркон). Эти минералы выделяются из оловянных концентратов на особых машинах, которые называются электромагнитными и электростатическими сепараторами. Само название этих машин говорит о принципе, на котором основывается их работа.

Готовый оловянный концентрат затаривается в мешки. Содержание олова в нем исключительно высокое — 70—72%.

Оловоплавильного завода на острове нет. Концентраты вывозятся в Сингапур. Ильменитовые, монацитовые и цирконовые концентраты пока сбыта не находят.

После доводочной фабрики мы осмотрели драгу «Серганг». Она работала в 7 км от Дабо. Дорога к ней проложена среди невысоких холмов, покрытых густой тропической растительностью. На пути нам встречались постройки типа стандартных щитовых бараков. Возле них росли бананы, папайя, зеленели аккуратные гряды ананасов, маниоки и овощей. Здесь жили горнорабочие.

Драга «Серганг» оказалась ветхим сооружением. Она построена в Голландии в 1927 г. В 1957 г. драга переоборудована новыми черпаками емкостью по 250 л.

Драги, по-индонезийски «капал керук», представляют собой плавучие обогатительные фабрики. Размерами с трехэтажный дом, они размещаются на стальных плоскодонных понтонах. В передней части драги — мощная черпаковая цепь, с большими полукруглыми ковшами, такими же примерно, как у наших речных землечерпалок.

Этими ковшами, опускающимися на глубину до 30 м, зачерпывается оловосодержащий грунт, который непрерывно подается в самую верхнюю часть драги, где и разгружается в приемный бункер. Из бункера грунт поступает в большую вращающуюся стальную перфорированную бочку — дезинтегратор, внутри которого бьют мощные фонтаны воды. Здесь образуется пульпа, представляющая собой смесь мелкого грунта с водой. Все

крупные частицы грунта (больше 20 мм) выкатываются из бочки и через специальный лоток сбрасываются в отвал. Пульпа же направляется самотеком на вертикальные отсадочные машины, где и происходит накопление тяжелых частиц, состоящих из касситерита и других тяжелых минералов. Все легкие частицы грунта уносятся водой по желобам и сбрасываются далеко за кормой драги. Полученный оловянный концентрат во влажном состоянии отправляется на центральную обогатительную фабрику.

Передвигается драга с помощью лебедок, системы выносных якорей и тросов. А чтобы драга могла плавать в небольших речках, сооружаются намывные подпорные плотины. Для возведения плотин и дамб используются средства гидромеханизации и бульдозеры. Откосы плотин и стенки карьеров укрепляются хворостом.

Иногда драга ведет раздельную выемку грунта — «торфов» и «песков», причем при отработке верхних непродуктивных горизонтов грунт сбрасывается в хвостовой отвал, минуя технологический процесс обогащения. Это достигается с помощью стального желоба длиной 7—9 м, который вдвигается в дражную бочку до завалочного люка. Поступающая на него порода потоком воды выносится по желобу (галечный лоток) в отвал.

Характерная особенность драг, работающих на острове, — отсутствие на них стакерных устройств *. Это объясняется тем, что все они являются драгами морского типа и отчасти тем, что состав продуктивных отложений характеризуется преобладанием мелких частиц (частицы размером менее 20 мм составляют 85—90 %).

Принятая схема обогащения на драгах обеспечивает получение концентрата с содержанием 60—65 % олова. Последующая доводка концентрата до 70—72 % по содержанию олова и сушка идут, как уже говорилось, на центральной обогатительной фабрике.

Извлечение олова из россыпи составляет приблизительно до 70 %. Потери олова объясняются смыванием очень мелких зерен касситерита и слипанием их с глиной в так называемых глинистых окатышах, образующихся при

* Стакерное устройство представляет собой выносной ленточный транспортер, применяющийся для распределения отвалов от работающей драги.

Речные (долинные) россыпи разрабатываются на о-ве Синкеп драгами. В самом центре острова работает драга «Рассеп», показанная на этом снимке

выходе из дражной бочки. Чтобы не допустить образования окатышей, устанавливаются дополнительные гидромониторы, которые сильной струей воды должны разбивать глинистые комочки.

Драга «Серганг» в день нашего приезда не работала. Ее готовили к капитальному ремонту. Рядом был осушен глубокий котлован, на дне которого виднелись ровные штабеля деревянных брусьев — будущих опор, на которые «сядет» драга.

Нам объяснили, что, как только все приготовления будут закончены, котлован заполнят водой, драга сделает в дамбе проход, войдет в этот своеобразный док и завалит проход грунтом. Затем из котлована выкачают воду и драга окажется на сухом месте. Так здесь поступают, когда нужно капитально отремонтировать подводную часть дражных понтонов.

Затем мы осмотрели один из участков гидравлических разработок. На дне небольшого котлована были установлены две помпы. Одна нагнетала воду для подачи к гидромониторам, т. е. к водяным пушкам, другая — подавала пульпу (водно-грунтовую смесь) в промывочные приборы, установленные на борту котлована. Весь забой обслуживали двое рабочих. Один управлял гидромонитором, второй следил за насосами.

— Это старатели,— пояснил мистер Нью.— Нам невыгодно обрабатывать небольшие, хотя иногда и очень богатые участки. Здесь негде развернуться мощным драгам. Поэтому мы такие участки сдаем старателям, предоставляя на прокат механизмы.

Старательская добыча олова здесь очень выгодное дело, и желающих вступить в старательские артели, как нам сказал мистер Нью, очень много.

Еще в 1958 г. индонезийское правительство полностью монополизировало добычу олова в стране, сосредоточив эту важную промышленную отрасль в руках государства. Но на о-ве Синкеп, к нашему удивлению, работало довольно мощное частное оловодобывающее предприятие. Оказалось, что руководители компании «Синкеп» действовали в данном случае по своей личной инициативе, стремясь улучшить показатели по оловодобыче за счет довольно значительной квоты старательских артелей.

Промывка оловосодержащих песков здесь производится не на шлюзовых промывочных приборах, как это делается старателями у нас, а на механических конусных восьмикамерных отсадочных машинах «Джиг».

Геологическое строение оловянных россыпей однообразно и несложно. Их протяженность от 10 до 15 км, ширина достигает 80—250 м, а оловосодержащий пласт залегает на глубине до 30 м. Пласт оловосодержащих песков — «какса» — лежит на глинистом основании из разрушенных коренных пород. «Плотик», т. е. ложе песков, представлен каолиновыми глинами (кора выветривания гранитов) или мелкой дресвой разрушенных (сильно выветрелых) коренных пород.

Запасы россыпных месторождений олова подсчитываются в Индонезии на всю массу рыхлых отложений, в которые включается верхняя пачка пустых пород. Среднее содержание олова составляет максимум 250—500 г в 1 куб. м, тогда как в самом продуктивном горизонте оно нередко достигает 10 кг и более. Речные отложения долин сильно обводнены тропическими дождями, которые здесь в отличие от других островов выпадают круглый год. Вследствие сильной сглаженности поверхности островов речные долины расположены невысоко над уровнем моря, поэтому продуктивный горизонт россыпей почти всегда залегает ниже нулевой отметки, т. е. ниже современного уровня моря. Раздельная отработка продуктивных

Так выглядят гидравлические разработки россыпей на островах Малайского архипелага

песков в этих сложных гидрогеологических условиях из-за обильного притока грунтовых вод сопряжена с огромными трудностями и практикуется редко.

Долинные и морские отложения россыпей состоят из мелкого песка и глины, что особенно благоприятно для работы драг, землесосных снарядов и гидравлических установок.

Гидравлические разработки ведутся на небольших по запасам месторождениях. Их производительность 130—170 тыс. куб. м горной массы в год. Глубина разработок колеблется от 4 до 12 м. Вода к гидромониторам подается насосными установками под давлением 5—6 атм. Работы нередко ведутся с вторичным использованием воды, которая после прохождения через промывочные приборы вновь стекает в водозаборный котлован.

Толща рыхлых наносных отложений, представленная песчано-глинистыми продуктами выветривания гранитов, легко поддается размыву, что обуславливает сравнитель-

но небольшой расход воды — от 12 до 15 куб. м на 1 куб. м горной массы.

Из гидравлического разреза пульпа идет на обогатительные установки, смонтированные на борту карьера.

Особый интерес на гидравлических разработках представляет обогатительная установка, выполненная в виде конусной восьмикамерной отсадочной машины «Локхорст-Джиг». Ее производительность, по словам руководителей компании, до 25 куб. м породы в час. Однако, по официальным данным, производительность одной машины не должна превышать 10—12 куб. м в час, потому что перегрузка снижает извлечение касситерита.

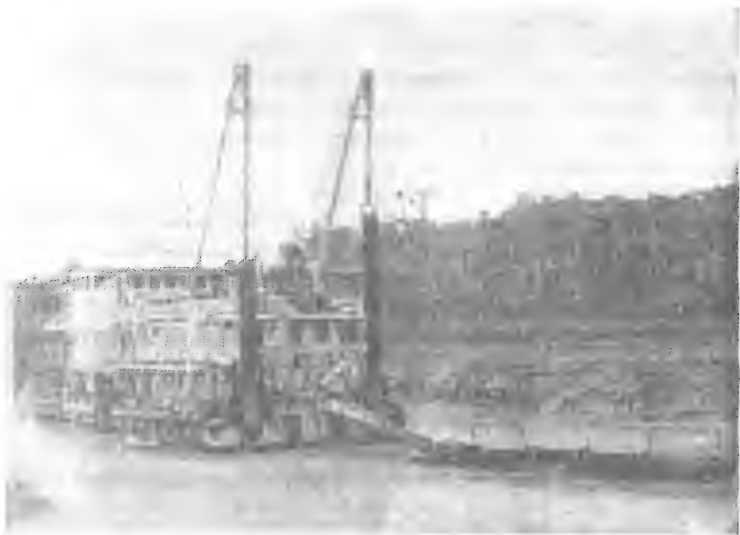
Нам удалось побывать на всех оловодобывающих предприятиях компании «Синкеп», в частности на драге «Рас-сеп», работающей в самом центре острова, и на драге «Джунг», интересной тем, что она на своем борту имеет собственную силовую электрическую установку, состоящую из трех дизель-генераторов по 450 квт каждый; ознакомились с земснарядом «Салаяр» и гидравлическими установками.

После осмотра старательских разработок мы направились напрямик через густые заросли высоких трав на дорогу к автомашинам. По пути нам встречалось много дикорастущих ананасов. Они немного меньше культурных ананасов, но по вкусовым качествам почти от них не отличаются. Оказывается, здесь когда-то была плантация ананасов, и на этом месте разделявались снятые плоды.

Как нам пояснил мистер Нью, при подготовке ананасов к консервированию плоды очищаются от жесткой колючей кожуры. Срезается и украшенная пучком зеленых листочков макушка плода. Если последняя упадет свежим срезом на влажную почву, то прорастает, и через некоторое время здесь можно сорвать новый созревший плод.

— Советую вам, — сказал он, — проверить это у себя дома. Когда вернетесь к себе на родину и вам попадетсЯ свежий ананас, сделайте точно так же. Ровно через семь месяцев у вас в комнате созреет новый ананас.

На острове мы встречали много интересных растений. На месторождении Букит-Туманг, например, в заброшенных разведочных канавах встретили насекомоядное растение типа непентес. Оно похоже на наши вьюны. Его гибкие стелющиеся стебли увешаны узкими длинными

Земснаряд на разработке россыпей

листьями с крупными пустотелыми кувшинчиками. Крышечки кувшинчиков всегда открыты, но стоит только насекомому проникнуть в кувшинчик, как крышечка сразу же закрывается и насекомое оказывается в плену у растения. Внутренние стенки кувшинчиков имеют железы, выделяющие фермент и муравьиную кислоту. По краям горловины расположены растительные клетки, выделяющие нектар — сладкий сок. Нектар привлекает насекомых. Попадая в ловушку, насекомое гибнет и переваривается, а продукты переваривания усваиваются стенками кувшинчика. Непентес растет на почвах, бедных усвояемыми соединениями азота. Поэтому оно использует насекомых как основной источник азотистого питания.

В тот же день мы ознакомились с месторождением Букит-Туманг, которое находится вблизи пос. Райа и является единственным коренным рудным месторождением олова, известным на этом острове.

Месторождение представляет собой большое поле оруденелых кварцевых жил мощностью от 5 до 50 см, за-

легающих среди гранитов. Они прослеживаются по простиранию на 50—100 м и более.

Оруденение представлено вкраплениями вольфрамит, касситерита и сульфидных минералов (арсенопирит, пирит). Почти все рудные жилы выработаны старателями на глубину до 3—4 м. Нижняя (по склону горы) часть рудного поля отработана на глубину 10—12 м как россыпь. Касситерит в россыпи и в рудных жилах сравнительно крупный (до 10 мм). Месторождение открыто еще в 20-х годах, но полностью не разведано.

Побывали мы и на электростанции, расположенной вблизи Дабо. На ней тоже образцовый порядок. Энергию давали четыре мощных дизельных агрегата по 1000 квт каждый. Она шла от них к драгам и на другие предприятия по высоковольтным линиям.

Возвращаясь в Дабо, мы обратили внимание на то, что на острове совсем не видно диких животных.

— Водятся ли они здесь? — спросили мы своих спутников.

— Да, конечно, — сказал мистер Нью, — но их немного. Встречаются обезьяны, дикие кабаны, реже крокодилы. В прошлом году наши рабочие забросили удочки прямо с драги и поймали двух больших крокодилов.

Оказывается, крокодилов здесь ловят... удочками. Берут крепкий шнур со стальным поводком и большим крючком на конце, на крючок насаживают обжаренный кусок кабаньего мяса или курицу и забрасывают эту «снасть» в водоем, где замечены крокодилы, и, как правило, добыча обеспечена.

Крокодилов в Индонезии усиленно истребляют главным образом потому, что высоко ценятся их шкуры. Из них шьют портфели, дамские сумочки, обувь. Выделанную шкуру небольшого крокодила можно было в то время купить в Джакарте за 10—15 тыс. рупий. Это очень дорого, если учесть, что месячный заработок рабочего и мелкого служащего составляет не больше 800—1000 рупий.

В Дабо мы вернулись засветло и решили пройтись по городу. Первым зданием, которое встретилось на пути, была почта. Близ нее на широкой зеленой площади с огромным фикусом посредине было нечто вроде спортивного городка. Здесь школьники играли в волейбол. Затем мы увидели прекрасный теннисный корт, окруженный вы-

сокими слоновыми пальмами. Покрытые белым гравием дорожки были обсажены красивыми веерными пальмами и кустами лиан, усыпанными яркими темно-фиолетовыми, желтыми и красными цветами.

Изумрудная зелень низко подстриженных газонов, чистенькие белые пешеходные дорожки и обилие ярких цветов красиво сочетались с кирпично-красным цветом латеритной * почвы и с холмистой местностью, создавая живописную, непривычную для наших глаз картину сказочного тропического царства. Мы с удовольствием бродили по дорожкам, встречая на каждом шагу все новые и новые интересные, незнакомые нам растения.

Среди газонов, на лужайках и по обочинам дорог произрастало много карликовых (стелющихся) мимоз, издали очень похожих на клевер, которые привлекли наше внимание своими пышными цветами-шариками и чрезвычайно острой чувствительностью листьев. Стоило только прикоснуться чем-либо к одному из листочков, как моментально все листья свертывались и как бы увядали. Если пройти по лужайке, заросшей такой мимозой, то остаются отчетливые отпечатки следов, которые сохраняются довольно долго.

Незаметно мы вошли в самые густонаселенные китайские кварталы Дабо.

Все города Юго-Восточной Азии имеют свой особый колорит, создаваемый тесным примыканием друг к другу двухъярусных полужилых, полукоммерческих строений, нижние этажи которых отведены под магазины, парикмахерские, ресторанчики, мастерские и т. п.

Нас сразу же окружила стайка ребят, которые неотступно следовали за нами до самого берега моря. У нас оказались сувенирные значки, и к огромной радости детей мы наделили их эмблемами Московского всемирного фестиваля молодежи, Выставки достижений народного хозяйства СССР, советских искусственных спутников Земли и др.

Те, что постарше, сразу сообразили, что мы из Советской России. Они с удивлением спрашивали нас:

— Саудара, саудара дари руси? (Вы из России?)

* Латеритные почвы — красноземы, образующиеся в тропических областях вследствие химического выветривания, сопровождающегося накоплением в почве окислов железа, что и придает ей красный цвет.

Получив удовлетворительный ответ, ребята стремглав бросились бежать домой. А когда мы возвращались в гостиницу, почти все население Дабо уже знало о том, что на остров прибыли люди из Советского Союза. Взрослые, как и дети, стремились выразить нам и нашей стране свои дружеские чувства.

В гостиницу мы вернулись вечером. Быстро наступила тропическая ночь.

Около гостиницы нас уже ждали гостеприимные хозяева. Мистер Нью пригласил нас в клуб, где собралась почти вся интеллигенция острова. Но вспомнив, что без вечерних костюмов появляться в клубе нельзя, а у нас с собой их не было, мы вежливо отказались. Узнав об этом, мистер Нью пошел на уступки и разрешил нам, в порядке исключения, нарушить установленный этикет.

В клубе было человек пятнадцать-двадцать. До начала киносеанса царило веселое оживление. Некоторые члены клуба успели «пропустить» по рюмочке «Уайт Хорс» («Белая лошадь») или «Блек энд уайт» («Черное и белое»), а проще говоря шотландского виски. Нас они развлекали, пытались научить игре на американском бильярде (тремя шарами), изощрялись в показе хитроумных фокусов, на которые они были весьма горазды.

К немалому удивлению, мы узнали, что на острове почти все знают русские слова: «давай-давай» и «водка». А некоторые еще — «икра» и «спутник». Впоследствии мы убедились, что эти русские слова известны всюду. По всей вероятности, они распространились через наших моряков торгового флота, доставляющих на своих кораблях русские товары во все порты мира.

На этом и закончилось наше турне по острову. Утром следующего дня был назначен отъезд на о-в Бинтан.

Когда мы узнали, что без официального разрешения военных и гражданских властей, находящихся на о-ве Бинтан, нельзя совершить поездку на о-в Большой Каримун, то восприняли эту новость с удовлетворением. Появилась возможность увидеть гораздо больше, чем намечалось первоначальной программой нашего пребывания на островах архипелагов Риау и Линга.

Правда, мы знали, что оловодобывающих предприятий на Бинтане не увидим. Зато этот остров хорошо известен своими богатейшими ресурсами алюминиевого сырья — высококачественными бокситами. Нам, горным инженерам, такие месторождения посмотреть тоже не мешало.

Мы знали также, что на о-вах Бинтан, Линга, Селайнар, Батам и других более мелких островах архипелагов Риау и Линга известны многочисленные рудопроявления олова и находки оловянного камня в речных и прибрежных морских отложениях. Все эти острова имеют сходное с о-вом Синкеп геологическое строение, а расположены они в наиболее перспективной центральной части прослеживающегося в направлении на юг Малайского оловоносного пояса и на незначительном расстоянии от богатейших оловоносных районов Малайзии.

Прямыми поисково-разведочными работами здесь еще в 20-х годах нашего века были выявлены и разведаны многочисленные, но бедные по содержанию и небольшие по размерам оловянные россыпи. На о-ве Бинтан такие россыпи обнаружены в самой западной его части (вблизи города Менгкило и около мыса Бату-Бесар). На о-вах Батам, Линга, Суги, Ремпанг, Томбол, Булан и других признаки олова установлены повсеместно, но промышленных концентраций пока не выявлено. Все эти острова изучены и опойсканы пока еще недостаточно.

При пересезде на о-в Бинтан море было удивительно

спокойным. Наше судно «Дабо» шло метрах в ста от живописных, заросших буйной растительностью берегов, а мы стояли на открытой палубе и не могли налюбоваться этой картиной.

«Дабо» шло вперед, вспенивая стальным форштевнем спокойную гладь моря. По мере приближения к о-ву Линга панорамы, как в калейдоскопе, сменялись одна другой, раскрывая перед нами всю прелесть маленьких островов тропического архипелага.

Особенно живописны высокие скалистые берега о-ва Линга, сплошь покрытые плантациями каучуковых деревьев. Поверхность острова гористая. Отдельные островконечные скалистые вершины гор в центре острова возвышаются на 1000—1200 м. Из-за них остров имеет несколько мрачный вид. Зато совсем по-другому выглядели расположенные вблизи Линга небольшие островки, заросшие по берегам мангровой растительностью и пальмами.

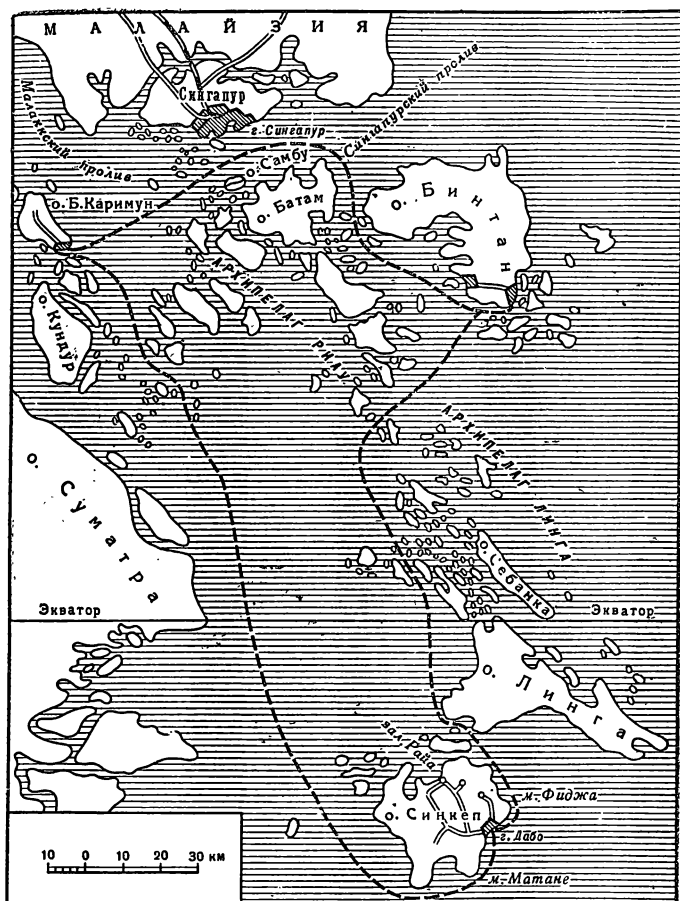
Любуясь островками, мы обратили внимание на то, что кокосовые пальмы росли только вблизи воды — на узкой береговой кромке, а также вдоль дорог и около зданий.

— Это объясняется тем, — сказал сопровождавший нас мистер Ван-Беегин, — что вдоль дорог и около жилья кокосовые пальмы высаживаются человеком, а на берегах островов они вырастают сами. Вот взгляните сюда и вы все поймете, — и мистер Ван-Беегин указал за борт корабля.

Мы увидели далеко протянувшуюся широкую полосу белой пены, в которой то тут, то там виднелись пожелтевшие широкие листья и огромные стебли бананов, щепки, какие-то плоды и в том числе кокосовые орехи. Некоторые кокосы уже проросли и из них, как из проросшего гороха, выступали ярко-зеленые, совсем непохожие на пальмовые широкие листья. Присмотревшись, мы заметили, что кокосов в море плавало довольно много.

Оказалось, что белая пенистая полоса как бы отмечала собой фарватер морского течения. Это течение и несло с собой древесные обломки и плоды различных растений. В непогоду ветер и волны выносят все это на отлогие песчаные берега. Там семена мангровых и кокосы быстро укореняются, образуя заросли по отлогим берегам островов.

Кокосы удивительно жизнеспособны. Они неприхотливы к почве и могут расти даже на затапливаемых со-

Острова архипелагов Риау и Линга

Пунктирной линией обозначен маршрут плавания на «Дабо»

ленной морской водой коралловых песках, на еще теплом вулканическом пепле. Энергия роста молодых побегов у них настолько велика, что они взламывают над собой даже толстую корку асфальта или бетона. Недаром проросший кокосовый орех являлся эмблемой индонезийских бойскаутов, символизирующий собой непреодолимую силу всего растущего, молодого, нового.

Увлечшись созерцанием живописных берегов и оживленной беседой со спутниками, мы совсем позабыли, что наше судно приближается к экватору. Вспомнив об этом, устремились в штурманскую рубку, где помощник капитана «Дабо», вооружившись циркулем и линейкой, вычерчивал пройденный судном путь. До встречи с экватором оставалось еще не менее 20 миль.

У моряков есть обычай окунать в воду новичков, впервые пересекающих экватор.

— Любопытно, кто же будет Нептуном, морским владкой, и из кого будет состоять его свита?— спрашивали мы друг друга.

Интересно заранее было все разузнать и быть готовым к этой процедуре. С такими мыслями мы отправились осматривать корабль, в надежде увидеть тайные приготовления. Корабль был не более 10—12 м в длину и имел только одну палубу. Поэтому мы быстро закончили обход, но ничего из интересовавшего нас не заметили — все матросы были заняты своим будничным делом.

Мы обратили внимание на то, что с кормы судна были спущены два лага. Один обычный, вращающийся, отсчитывал скорость судна и пройденный им путь, а другой неподвижный, отнесенный от борта на тоненьком бамбуковом шестике, чем-то напоминал обыкновенную удочку.

— Это и есть удочка,— пояснил один из матросов,— так мы всегда ловим рыбу. На конце двухсотметровой бичевы есть толстая проволока, к ней прикреплен большой «акулий» крючок. На крючок насажен лоскут обыкновенной белой материи. Вот увидите, какую мы поймем барракуду!

Матрос оказался интересным человеком. Внешне он не был похож на остальных членов экипажа «Дабо». Выше ростом, коренаст и смугл. Его круглое, широкоскулое лицо украшала черная окладистая борода, а голову — такие же черные вьющиеся волосы.

Мы узнали, что родом он с о-ва Калимантан, происходит из какого-то малоизвестного даякского * племени.

Вдруг матрос оживился и, показывая на горизонт, закричал:

* Даяки — общее название малочисленных народов, населяющих глубинные части о-ва Калимантан,

— Буайа, буайа! Бесар буайа! (Крокодил, крокодил! Большой крокодил!)

Действительно, на горизонте отчетливо вырисовывалось наполовину скрытое под водой туловище огромного крокодила. Хорошо была видна длинная, обращенная на запад морда с приподнятыми ноздрями и глазами, покатая широкая спина, украшенная твердыми наростами, и длинный, с глубокими зазубринами хвост.

Сходство с крокодилом было поразительное. Но это был не крокодил, а... остров. Он так и называется: Буайа.

Индонезийцы метко подбирают названия островов. О-в Бинтан, например, куда мы держали свой путь, в переводе означает месяц. И он действительно имеет серповидную форму.

Не успели мы насмотреться на о-в Буайа, как наш добровольный гид привлек внимание к другому острову, которых в этой части архипелага множество. На этот раз, показывая на ничем неприметный островок, он сказал:

— Вот здесь упала «Королева Кашмира». Вы знаете, что с ней было?

Да, мы знали. «Королева Кашмира» — четырехмоторный самолет индийской авиатранспортной компании «Эр Индия», на котором в 1955 г. летела в Бандунг на первую конференцию солидарности стран Азии и Африки правительственная делегация Китайской Народной Республики. Империалистов не устраивала перспектива сплочения развивающихся государств, освободившихся от колониального гнета. Во время промежуточной посадки в Гонгonge засланные с Тайваня агенты подкупили аэродромных служащих, охранявших самолет, и заложили в «Королеву Кашмира» мину замедленного действия. Механизм взрывателя сработал в тот момент, когда самолет находился в воздухе. Произошла воздушная катастрофа.

Вскоре мы опять вспомнили про экватор и поднялись в штурманскую рубку, чтобы проверить по карте наше местоположение. Как раз в этот момент — 30 апреля 1962 г. в 17 час. 30 мин. по местному времени — мы были на экваторе. На судне все было по-обыденному. Ни Нептуна, ни купели, как это полагается по традиции при пересечении экватора...

Объясняется это просто. Наши спутники и команда «Дабо» — коренные жители экватора. Они здесь роди-

лись, здесь живут и иной раз пересекают экватор по 2—4 раза в день. Какие уж тут церемонии?

Разочарованные равнодушием окружающих, мы все же нашли выход из положения. Кто-то из нас предложил сфотографироваться по очереди на капитанском мостике так, чтобы за спиной была невидимая линия экватора, которая, кстати, проходит здесь как раз через северную оконечность о-ва Линга.

Если бы мы подошли к экватору на полчаса позже, то были бы лишены и этой возможности, так как ровно в 18 час., как обычно, наступила темная тропическая ночь. После этого, немного полюбовавшись яркими южными звездами, мы отправились в кают-компанию, предвкушая удовольствие познакомиться с кулинарным искусством корабельного кока. Но вдруг услышали громкие возгласы доносившиеся с кормы:

— Икан! Икан! (Рыба! Рыба!)

Спешим на корму и видим извивающуюся на палубе большую, около метра длиной, серебристую рыбу. Это был великолепный экземпляр барракуды — родной сестры наших речных щук. Барракуда тотчас же была отправлена в камбуз.

На экваторе ночное небо совсем иное, чем в северных широтах. Полярная звезда там всегда за горизонтом, но хвост созвездия Большой Медведицы все же виден внизу над самым горизонтом. Правда, мы плыли уже в северном полушарии, и полярная звезда теоретически должна была быть где-то на линии горизонта. Однако из-за постоянной темной мглы звезды над самым горизонтом в тропиках не видны. Зато отчетливо видно почти в зените ромбическое созвездие Южный крест. Самая верхняя и яркая в нем звезда по-индонезийски называется Мадура. Эта Мадура и является путеводной звездой здешних мореплавателей. Направление на нее соответствует точному направлению на юг.

Климат в экваториальных широтах Азии значительно лучше, чем в более высоких. Здесь постоянно дуют или пассаты, или муссоны, но и в том и в другом случае ветры дуют с моря и приносят много влаги, поэтому в этой части островов Малайского архипелага нет столь выраженного различия между сезоном тропических дождей и засушливым сезоном. Тропические кратковременные ливни здесь орошают почву буквально каждый день,

а температура воздуха постоянна. И днем и ночью, и зимой и летом здесь всегда тепло, температура постоянно удерживается на уровне 26—28°C. Ветры приносят с собой не только влагу, но и освежающую прохладу. Поэтому на самом экваторе тропический влажный климат не столь изнурителен.

На о-в Бинтан мы прибыли в канун Первого Мая.

Судно пришвартовалось в порту рядом с огромным кораблем под японским флагом. На берегу возвышались ажурные стальные мачты перекинутой на соседний остров подвесной канатной дороги, виднелись горы бокситовой породы.

Бинтан — царство бокситов. Об этом свидетельствовали штабели бокситовой руды и висевшие на стальных канатах наполненные рудой вагонетки. Стены построек были припудрены кирпично-красной пылью бокситов и даже вода за бортом нашего «Дабо» была мутной от красноватого ила.

Вскоре к причалу подошла легковая автомашина. Вышедший из нее средних лет мужчина представился. Он оказался директором бокситовых рудников.

— У нас в Танджунг Пинанге, — сказал директор, — сегодня большой парад в честь Первого Мая. — Вы должны поехать с нами на праздник, мы вас ждали.

Вскоре мы уже мчались со скоростью, с какой могут ездить по проселочным дорогам только виртуозные индонезийские шоферы. В пути нам встречались небольшие, опустевшие по случаю праздника поселки, а на пологих склонах холмов то тут, то там виднелись обширные ананасные и каучуковые плантации.

За полчаса мы пересекли весь остров с востока на запад и на высоких холмах мыса Пинанг увидели утопающий в зелени город. Это и был Танджунг Пинанг — в то время административный центр провинции Риау*, охватывающей одноименный архипелаг, значительную часть северо-восточной Суматры и о-ва Натуна в Южно-Китайском море.

Город, за исключением примыкающих к порту торговых (китайских) кварталов, состоит в основном из живописно разбросанных по холмам аккуратных особняков, окружен-

* Теперь административный центр провинции Риау — гор. Паканбару на о-ве Суматра.

ных газонами и цветами. На чистеньких асфальтированных улицах оживленно. Встречались толпы нарядно одетых людей. Из уличных репродукторов доносились мелодии военных маршей.

Мы подъехали к большому одноэтажному зданию местной военной администрации, рядом с которым была сравнительно небольшая зеленая лужайка, окруженная со всех сторон цветущими кустарниками. Нас провели через полицейское оцепление к трибуне. Здесь мы были представлены военным руководителям провинции и приглашены на место, отведенное для почетных гостей.

Напротив трибуны выстроились невооруженные ополченцы, одетые в новенькую униформу.

Прозвучала команда «Смирно!», и мы увидели, как из-за застывших в строю ополченцев вышли бойскауты: две девочки и два мальчика. Девочки на вытянутых руках несли аккуратно сложенный большой красно-белый государственный флаг республики Индонезия, а мальчики сопровождали их, отдавая салют. Бойскауты подошли к установленному в центре площади высокому флагштоку, прикрепили полотнище к тонкому линю. Оркестр заиграл государственный гимн, под звуки которого флаг стал медленно подниматься.

Мы часто обращали внимание на то, как в Индонезии почитают государственный флаг. Около государственных учреждений установлены стальные флагштоки, и каждое утро, как на корабле, в начале рабочего дня поднимают на них государственные флаги, а в конце работы опускают.

После церемонии подъема флага прозвучала команда. Все стоявшие в строю широко расставили ноги и заложили руки за спину. Так принято в индонезийской армии стоять в положении «вольпо».

С короткой речью выступил военный губернатор.

Воспользовавшись перерывом, мы подошли к нему и попросили короткой аудиенции. Он охотно согласился принять нас сразу же после военного парада.

В ожидании аудиенции мы получили возможность немного осмотреться. С площади хорошо была видна бухта и расположенный у входа в нее небольшой островок. В бухте было много рыбацких судов — китайских джонок, а немного поодаль стояло около десятка больших кораблей, украшенных по случаю праздника яркими флажками.

Танджунг Пинанг — небольшой и компактный город. Его главная улица довольно круто спускается к морскому порту. Она застроена характерными для торговых китайских кварталов двухэтажными зданиями с массой магазинов, мастерских и других коммерческих предприятий, разукрашенных аляповатыми вывесками на индонезийском, английском, китайском, бирманском и других языках, захудалых лавчонок с громкими названиями «Токо Париж», «Токо Ява», «Токо Гонконг», «Токо Сингапур» и т. д. («токо» — по-индонезийски магазин).

На морском берегу много свайных построек. Они утопают в зелени кокосовых пальм, манго и рамбутана. Когда мы проезжали вдоль берега, как раз было время отлива. Море далеко отступило, обнажив причудливые корни мангровых зарослей и каменистое дно прибрежных отмелей.

Во время отлива море уходит на 200—300 м от берегов. В небольших углублениях морского дна остается немало мелких рыбешек, креветок, крабов. Жители прибрежных селений часто собирают эти дары моря.

На обратном пути к ожидавшему нас в порту «Дабо» мы опять проезжали мимо каучуковых и ананасных плантаций. Ряды невысоких молодых еще каучуковых деревьев иногда чередовались с ровными рядами растущих между ними ананасов.

Сопровождавшие нас индонезийцы рассказали, что ананасы, выращиваемые на о-ве Бинтан, славятся особенным ароматом и отличным вкусом. Они пользуются большим спросом в Сингапуре, поэтому экспорт ананасов, ананасных соков и консервов представляет не менее важную статью в экономике острова, чем экспорт каучука или бокситов.

Мы попросили наших спутников показать бокситовые разработки, расположенные буквально у дороги. Везде, где бы мы ни проезжали, под колесами автомобиля были только бокситы. Они представляют собой продукт латеритного выветривания алюминийсодержащих горных пород, и бокситовая руда состоит в основном из богатого окисью алюминия глинистого вещества, имеющего кирпично-красную окраску.

Пыль на дорогах имела такую же окраску, поэтому наши белые рубашки, наши руки и лица вскоре приобрели густой красный «загар», который, как потом оказалось, очень трудно отмывается.

Добываются бокситы на о-ве Бинтан очень просто. Бульдозер срезает верхний слой (от 0,2 до 1 м) почвы и обнажает руду, мощность пластов которой до 2—3 м. Затем пускается в ход экскаватор.

В порту небольшая обогатительная фабрика, но обогащать бокситы на ней почти не приходится. Фабрику используют главным образом для сушки руды, что бывает необходимо во время дождливой погоды.

Ежегодно с о-ва Бинтан вывозится, главным образом в Японию, свыше полумиллиона тонн прекрасной бокситовой руды.

Обладая огромными запасами бокситов, Индонезия не имеет заводов для их переработки в алюминий. Руда вывозится, алюминий и изделия из него ввозятся в страну. На этом государство теряет значительные суммы.

В дальнейший путь мы отплыли еще засветло. Долго стояли на палубе и любовались панорамой живописных островов и островков, открывавшихся взору после каждого поворота.

Вскоре прошли мимо Танджунг Пинанга и взяли курс на север, на Сингапур.

Судно приблизилось к о-ву Ремпанг и долго шло вблизи его живописных берегов. Этот небольшой и ничем неприметный остров тогда не привлек нашего внимания. Лишь позднее я узнал, что на этом острове учепы в 1972 г. обнаружили неизвестные ранее племена, которые называют себя по имени речушек, где они живут испокон веков, по названиям деревьев и животных. Племена эти малочисленны, стоят на очень низкой ступени развития, и некоторые находятся на грани вымирания.

«Доктор Зулкарани, рассказывая о племени хутан,— писал в „Правде“ М. Догмацких*,— говорит, что люди этого племени только полгода назад начали строить жилища — несколько столбов, вкопанных в землю и покрытых сверху пальмовыми листьями. До последнего времени хутаны, проводя жизнь в лесу и болотах, где они ищут себе пропитание, на ночь устраивались спать на деревьях. Вся жизнь этих людей связана с лесом, может, потому и само название их означает „лес“. Они не знают письменности и ремесел.

* «Правда», 21 февраля 1973 г.

Самое удивительное состоит, пожалуй, в том, что остров Ремпанг находится в двух-трех часах езды на катере от города Танджунг Пинанг на Бинтане, где приземляются современные самолеты».

Добавлю, что на о-ве Ремпанг, длина которого не больше 30 км, а ширина 10 км, есть четыре крупных населенных пункта — города Сембуланг, Серангунг, Танджунг Джата и Аирнанти — и что с его берегов ночью хорошо видны яркие электрические огни Танджунг Пинанга и Менгкило (о-в Бинтан).

В своем большинстве народы, населяющие Индонезию, стоят на высокой ступени развития, имеют древнюю историю, самобытную культуру, которыми справедливо гордятся. Ведь первые государственные образования начали формироваться на территории современной Индонезии еще во II—V вв. н. э. (государства Тарума и Калинга на Яве, Малайю и Шривиджайя на Суматре и др.).

Однако на некоторых островах в труднодоступных местах встречаются и сейчас небольшие племена, все еще живущие в каменном веке. Это не только жители о-ва Ремпанг, о которых сказано выше, но и папуасские племена Ириан-Джая (Западного Ириана), и даякские племена в джунглях Калимантана.

Многие острова Индонезии еще плохо изучены, и ученым о них почти ничего не известно.

МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ — БОЛЬШОЙ КАРИМУН

Тихой звездной тропической ночью с первого на второе мая «Дабо» медленно проходило траверз Сингапура. Натруженно попыхивая своим стареньким дизелем, судно настойчиво продвигалось вдоль экватора на запад, в сторону одного из многочисленных островков архипелага Риау.

Обычно «Дабо» совершало регулярные прямые рейсы между о-вами Синкеп и Сингапур, редко заходя на Бинтан. Но на этот раз пожилому капитану «Дабо» пришлось вести свое судно мимо оваянного морской романтикой Сингапура.

Лавируя между многочисленными, заросшими буйной растительностью островками, наше судно иной раз проходило совсем недалеко от залитой яркими электрическими огнями «обетованной Земли».

В качестве гида в этой поездке нас сопровождал представитель управления государственных оловодобывающих компаний Индонезии мистер Ван-Беегин, человек уже немолодой, молчаливый, спокойный и уравновешенный. Отец у него был голландец, а мать — индонезийка. Отцовская (голландская) фамилия в прежние времена давала Ван-Беегину кое-какие привилегии, но после изгнания колонизаторов из Индонезии лица с голландскими фамилиями здесь стали не в почете. Когда-то мистер Ван-Беегин был управляющим одного из приисков — фигура влиятельная. Сейчас он занимал в Джакарте скромный пост.

В обязанности мистера Ван-Беегина входило не только быть гидом, но и заботиться о нашем быте: обеспечивать жильем, транспортом.

О-в Большой Каримун расположен в узком пространстве между громадой о-ва Суматры и полуострова Ма-

лакка, в том самом месте, где кончается Сингапурский и начинается Малаккский пролив.

Находясь в непосредственной близости от Малайзии и Сингапура, Большой Каримун является своеобразным форпостом республики Индонезия на ее границе с этими двумя странами. Нас этот остров интересовал как один из немногих, все еще остающихся в резерве оловоносных островов Индонезии.

Лет сорок назад в его недрах голландские колонизаторы выявили промышленные запасы олова, сосредоточенные в богатых аллювиальных и морских россыпях. Индонезийская государственная оловодобывающая компания «Синкеп» готовилась в 1962 г. приступить к разработкам этих россыпей. Однако без иностранной материальной и технической помощи ей это было не под силу. Поэтому руководители компании стремились заинтересовать экономически развитые страны оловянными месторождениями Большого Каримуна. Первым побывать здесь довелось нам, советским специалистам. Мы были и первыми советскими людьми, посетившими этот маленький остров.

Попад в самую экзотическую часть азиатских тропиков, мы с огромным интересом наблюдали за окружающим.

Траверз Сингапура — один из наиболее оживленных участков перекрещивающихся морских путей, а сам Сингапур — очень важный портовый, торговый и промышленный центр Юго-Восточной Азии. Здесь же расположен оживленный международный аэропорт, которого не минует ни один пролетающий вблизи самолет.

Имея статут открытого города и свободного порта, Сингапур обладает огромной притягательной силой для всякого рода коммерсантов и международных дельцов. В Сингапуре свили себе гнезда всевозможные международные коммерческие и торговые компании, банки, картели и синдикаты, и город превратился в своего рода гигантского экономического спрута, опутывающего своими губительными щупальцами молодые развивающиеся страны Юго-Восточной Азии.

Сингапур — мировой центр нелегальной торговли наркотиками и контрабандной торговли. Здесь можно купить буквально все начиная от незначительных безделушек, изготавливаемых в любой стране мира, до крупных партий

современного оружия любого калибра и системы. Правительство принимает энергичные меры по борьбе с контрабандой и нелегальной торговлей наркотиками, но эффективность этих мер пока незначительна.

Однако Сингапур не только портовый и торговый город. Он — столица независимого государства, республики Сингапур, расположенной на одноименном острове с территорией в 700 кв. км. Суверенитет этого молодого государства в значительной мере ограничен: на его территории все еще находятся крупные английские военные базы. Население республики Сингапур составляет около 1,5 млн. человек.

В Сингапуре развиты не только торговля, но и промышленность. Здесь имеются крупные предприятия легкой промышленности, работающие на дешевом привозном сырье, судоремонтные и машиностроительные заводы, крупный оловоплавильный завод, вырабатывающий до 60 тыс. т олова в год, фабрики по переработке каучука, кож, сизаля, копры, пряностей, фруктов и т. д. Поэтому в Сингапуре довольно значительную часть населения составляет промышленный пролетариат. Профсоюзные объединения портовых и строительных рабочих участвуют в политической жизни республики.

Как и во всяком капиталистическом государстве, в Сингапуре очень резко выражен контраст между роскошью власти имущих и нищетой большинства населения.

Напротив Сингапура расположен индонезийский о-в Самбу. На нем тоже вырос свой маленький «сингапурчик», являющийся местным центром англо-голландской нефтяной компании «Шелл». От Самбу до Сингапура рукой подать. На моторной лодке пятнадцать минут езды.

Но вот Сингапур позади, и мы решили последовать примеру наших индонезийских спутников, которые располагались ко сну на открытой палубе.

Перед сном навести капитана «Дабо». Он и двое индонезийцев склонились над транзисторной радиолой, пытаясь настроить ее на волну Сурабаи или Джакарты. Но это им не удавалось. Мощная радиостанция Сингапура заглушала эфир какофонией джаза. Вскоре из репродуктора вырвался отчетливый голос диктора сингапурского радио. Он сообщил, что минувшим днем в городе Танджунг Пинанге (о-в Бинтан) на военном параде в честь Первого Мая присутствовали в качестве почетных гостей

советские граждане. Сообщение соответствовало действительности. Неожиданным было только то, что сингапурское радио проявило интерес к нашим скромным персонам, и то, что сумело очень оперативно добыть информацию.

Это краткое сообщение сингапурского радио почему-то напомнило нам о русских эмигрантах, выброшенных революционными событиями с родной земли, и о так называемых перемещенных лицах. Они, оказавшись в конце второй мировой войны в американском секторе оккупации Германии, поверили лживой пропаганде о неизбежном жестоком возмездии и не пожелали возвратиться на родину. Судьба разбросала их по всему миру, на безрадостное существование вдали от родины, друзей, родных и знакомых.

Некоторые из них искренне раскаиваются и ищут пути возвращения на родину, другие замкнулись и безропотно несут горькую долю. Как-то нам попался на глаза любопытный счет из Сингапура. На официальном бланке магазина типографским способом по-русски было написано:

«Наилучший мужской и дамский портной „Париж“ — шелковый магазин.

17 Стамфорд Стрит
Дом Капитола,
Сингапур, 6.

Всегда имеется большой выбор „индиго“, „бостон“, „габардин“, ковров, покрывал, индусских шелков, панбархата, мужского и дамского нижнего белья, мужских костюмов, нейлоновых и репсовых рубашек, нейлоновых чулок.

Магазин индусский, хоть и говорим по-русски. Просим зайти и убедиться самим».

После прочтения этого рекламного опуса сразу представилась расторопная, угодливо-полусогнутая фигура дореволюционного русского приказчика с зализанным пробором на голове и с лихо закрученными усиками...

Отягощенные массой впечатлений минувшего дня, мы наконец расходимся по своим каютам и быстро засыпаем.

На экваторе все дни похожи один на другой. С утра обычно бывает ясно или слегка облачно, после полудня — короткий проливной дождь и к вечеру опять ясно. И так каждый день, как по расписанию.

Новый день застал нас уже вблизи конечной цели пути. Море было удивительно спокойным. Как-то странно было видеть на этом чистом фоне темные силуэты больших двухмачтовых шхун под зловещими черными парусами. Эти шхуны невольно воскрешали в памяти рассказы о пиратских кораблях. Казалось, что вот-вот на одной из мачт развернется черный с белым черепом флаг и прогремит роковой пушечный выстрел. Эти шхуны действительно были не столь уж безобидны. Многие из них принадлежали не рыбакам, а контрабандистам.

Во время пребывания в Индонезии мы постоянно ощущали трудности обстановки в молодой республике, которые поддерживаются и углубляются постоянным и бесцеремонным вмешательством империалистических государств во внутренние дела страны. Во многих районах в 1962 г. активно действовали вооруженные банды террористов. Ими командовали продавшиеся империалистам генералы. Террористов щедро снабжали оружием, боеприпасами и долларами многочисленные явные и неявные резиденты империалистических разведок.

Кто знает, может быть, встреченные нами в Сингапурском проливе шхуны везли в своих трюмах совсем не мирный груз, а очередную партию боеприпасов и оружия для террористов. Для подобных предположений было достаточно оснований.

Двумя месяцами раньше нам довелось путешествовать по Яве. В «Джаватан геологии» в Бандунге сопровождавшему нас индонезийцу была вручена небольшая дорожная карта, на которой значительная часть территории этого острова обозначалась занятой террористами. Выезжать из Бандунга в восточном направлении разрешалось только днем. На дорогах Явы часто встречались военные патрули.

В стране ощущалась постоянная нехватка продовольствия, падала покупательная способность рупии, цены на промышленные товары первой необходимости и на продовольствие неудержимо росли. На этих трудностях богачей местная буржуазия. Одним из способов легкого обогащения являлась контрабандная торговля. Вывозят контрабандным путем все: каучук, кожи, копру, сизаль, пряности и даже оловянные концентраты. Благо, что в Сингапуре покупают все и платят твердую валюту. Ввозят же контрабандно в Индонезию не крайне необходимые

продовольствие и товары широкого потребления, а главным образом предметы роскоши, на которые большой спрос у местной буржуазии.

Чтобы как-то противостоять подрывным действиям и предотвратить инфляцию, индонезийское правительство время от времени проводило своеобразные денежные реформы. Оно объявляло, например, что денежные купюры достоинством в 500 рупий и выше считаются недействительными. У трудового населения страны, еле-еле сводящего концы с концами, таких денег, да еще в таких крупных купюрах, никогда не бывает. Подобные денежные реформы в основном затрагивали интересы буржуазии. Вот почему она стремится вложить свои деньги в иностранные банки, в ценности или перевести рупии в иностранную валюту.

В 1962 г. Индонезия была наводнена бумажными рупиями. Каких только банкнот ни видели мы в обращении: с попугаями, с буйволами, с райскими птицами, с видами чайных плантаций, рисовых полей, со шхунами, прау* и джонками, с бананами, плодами хлебного дерева и т. д. Разменной же монеты почти совсем не было. Она не находила применения, ибо наименьшей единицей стоимости товаров являлась целая рупия. Не без труда удалось раздобыть несколько алюминиевых монет для коллекции.

Контрабандная торговля в Индонезии процветает главным образом в пограничных районах. В лабиринтах островов архипелага Риау, расположенных в 5—10 км от Малайзии и Сингапура, малочисленным пограничным сторожевым катерам очень трудно охотиться за контрабандистами. Для того чтобы в какой-то мере предотвратить контрабанду и тем самым снизить наносимый государству ущерб, индонезийское правительство в порядке особого исключения и ввело на островах архипелагов Риау и Линга твердую валюту — малайский доллар. Но и эта крайняя мера не помогла. Контрабанду стали вывозить с более отдаленных островов, расположенных за пределами этой внутренней «долларовой зоны».

О масштабах, которых достигла контрабанда, можно судить хотя бы по такому факту. Во время нашего путешествия в индонезийских газетах освещался громкий

* Прау — небольшие парусные суда.

процесс группы военных моряков из Сурабаи, которые, получив от правительства на противовоздушную оборону флота 14 млн. рупий, закупили на эти деньги на о-вах Пряностей копру и контрабандно реализовали ее в Сингапуре, положив себе в карман кругленькую сумму в долларах.

Вскоре мы и сами убедились в том, что контрабанда действительно процветает. На наш корабль были погружены мешки с оловянными концентратами, изъятые накануне с одной «рыбачей» шхуны. Концентраты, похищенные на о-ве Белитунг, контрабандисты пытались доставить в Малайзию.

Нам рассказывали, а позднее мы и сами читали в советской и зарубежной прессе, что в экваториальных широтах Азии, где-то возле Калимантана и Филиппин, все еще орудуют настоящие морские пираты, которые грабят мелкие торговые суда и даже нападают иногда на большие пассажирские пароходы.

«Сообщения о контрабандистах часто мелькают на страницах местных газет,— писал в «Правде» Л. Демин.— Индонезийские власти и общественность не скрывают глубокой тревоги в связи с большим распространением контрабанды, коррупции и иных злоупотреблений, подрывающих экономику страны... Дельцы-контрабандисты нередко пользуются попустительством и прямой помощью некоторых влиятельных лиц. Министр иностранных дел Адам Малик в одном из своих выступлений признал, что из-за широких размеров контрабанды Индонезия теряет значительную часть своих валютных доходов» *.

На горизонте уже четко вырисовывается двугорбый силуэт о-ва Большой Каримун. Но мы продолжаем любоваться морскими далями, парусниками, шхунами, джонками и то и дело выпрыгивающими из воды какими-то полуплывающими, полуплывающими рыбешками. Эти рыбешки, внешне похожие на змей, выпрыгивали из воды у самого носа «Дабо». Опираясь на хвост и быстро-быстро ударяя им о поверхность воды, они стремительно убегали от судна метров на двести-триста и погружались в морские волны.

Мы не могли увидеть эту рыбу вблизи, но матросы сказали нам, что она похожа немного на барракуду или

* «Правда», 23 июня 1967 г.

Гор. Танджунг Балаи на о-ве Большой Каримун. Вдоль берега протянулись плотные ряды свайных построек

макрель, имеет узкое вытянутое тело, голову с длинными клювоподобными челюстями и на конце хвоста симметрично расположенные плавники, напоминающие оперение стрел. Судя по всему, это были сарганы из семейства щукомакрелевых, встречающиеся во многих тропических морях и обычно спасающиеся от преследования дельфинов и других хищных обитателей моря бегством под водой. Щукомакрель имеет промысловое значение.

Встреченные шхуны представляли собой довольно живописное зрелище. Особенно красочно выглядели большие трехмачтовые суда с переполочными парусами, похожими на крылья каких-то фантастических драконов или на плавники гигантских сказочных рыб.

Увлечшись наблюдениями за жизнью моря, мы не заметили, как поравнялись с островом. Подойдя к Большому Каримуну с юго-восточной стороны, «Дабо» миновало мыс Рамбут и бросило якорь в полуторастах метрах от набережной гор. Танджунг Балаи, название это в

переводе на русский означает мыс-дом. Вблизи стояли четыре таких же небольших судна. Два из них под красно-белым индонезийским флагом, а два других — под флагом Сингапура. Несколько ближе расположилась целая флотилия двухмачтовых шхун с зарифленными парусами. То там, то здесь сновали бойкие джонки с раздвоенной широкой кормой, на которой, стоя во весь рост, ловко орудовали длинными веслами пожилые гребцы. Они, громко крича, предлагали свои услуги пассажирам.

На берегу видны плотные ряды свайных построек, а несколько поодаль — два-три больших белых административных здания. На небольшой площади, окруженной пальмами, толпились празднично одетые люди. Доносились громкие звуки бравурной музыки.

— Почему на площади народ? — спросили мы Ван-Беггина. — Ведь сегодня второе мая, и по индонезийскому календарю это рабочий день.

Вразумительного ответа не последовало. Только потом, когда мы сошли на берег, выяснилось, что в день Первого Мая здесь не успели «охватить воспитанием детей» и специально для них повторяют всю первомайскую церемонию сегодня. Такая необычная забота о воспитании подрастающего поколения нас тронула.

Вскоре к борту подошла одна из джонок, и все пассажиры поспешили сойти на берег. Нам, как иностранцам, прежде всего необходимо было нанести визит местным военным властям. В здании портовой таможни нас принял военный комендант, очень любезный морской офицер, недавно переведенный с ирианского фронта сюда на отдых.

Индонезия в 1962 г. находилась на военном положении и готовилась силою оружия воссоединить с республикой тогда все еще удерживаемый голландцами Западный Ириан. Между индонезийскими и голландскими морскими силами в Церамском (Серамском) море происходили частые кровопролитные стычки, а на самом Западном Ириане шла в то время настоящая партизанская война, в которой принимали участие и индонезийские десантные части.

Мы были далеко от места этих событий, но постоянно ощущали проявление горячих патриотических чувств индонезийского народа. А вот здесь, на маленьком островке, затеряншемся среди тысячи себе подобных, встретили, наконец, и живого участника этих событий.

Комендант был прекрасно осведомлен о той огромной помощи и поддержке, которую активно и постоянно оказывает наша страна всем борющимся за освобождение от колониализма народам и, в частности, о заключенных к тому времени соглашениях о экономическом и техническом сотрудничестве между Индонезией и СССР. Поэтому наша встреча была очень теплой.

Обменявшись за стаканом молока со льдом обычными в этих случаях любезностями, мы вкратце изложили программу нашего пребывания на подопечном коменданту острове и, получив заверения в полном содействии успеху нашей скромной миссии, тепло и сердечно распрощались.

Танджунг Балаи заселен в основном китайцами. Первое, что бросилось нам в глаза,— это отсутствие бечаков, так характерных для городов на Яве. Транспортная проблема в Танджунг Балаи решена за счет достаточного количества современных такси, разукрашенных на уровне ручек крупными красно-белыми квадратами.

Городские улицы очень узкие. Они застроены вплотную примыкающими друг к другу двухэтажными домиками. Нижние этажи домиков заняты под магазины, мастерские или харчевни. Вторые же этажи предназначены для жилья. Там размещается семья хозяина дома либо комнаты сдаются в наем. Почти всегда с противоположной фасаду стороны дома имеются небольшие дворики с хозяйственными пристройками.

Для нас было странным видеть в этом небольшом городке такое множество магазинов и мастерских. Но больше всего нас поразило обилие портных, парикмахеров, зубных техников и дантистов. Почти через каждые два-три дома на нас глядели с вывесок страшные оскалы человеческих челюстей. Можно было подумать, что все население Танджунг Балаи с самого младенческого возраста пережевывает пищу только вставными челюстями.

Но все эти многочисленные техники и дантисты, как, впрочем, и другие предприниматели, почти не имеют клиентов. Магазины редко посещают покупатели. Хозяева этих заведений существуют за счет других доходов. Они занимаются рыбным промыслом, работают на каучуковых плантациях, посредничают в торговле жителей Суматры и других островов с Малайзией и Сингапуром.

В магазинах обилие самых разнообразных товаров, но цены на них, как правило, «резиновые» и не вздумайте платить за вещь именно ту цену, которая обозначена на

витрине. Над вами будут погом смеяться. За любую вещь предлагайте сначала не более десятой части обозначенной цены. Торгуйтесь с продавцом не спеша и как можно энергичнее, и вы купите нужную вам вещь за полцены. При этом вы доставите огромное удовольствие самому продавцу, внося разнообразие в его скучные обязанности. Он долго будет вспоминать такого хорошего покупателя.

Мы были удивлены не только обилием товаров в магазинах на этом маленьком острове, но и широким их ассортиментом. Здесь можно было купить готовую одежду из Англии, ФРГ, Швеции, Канады, Сингапура; самые современные часы швейцарских фирм на 77 и 102 рубиновых камнях, модные рубашки «мамбо» с ярко разрисованной во всю спину головой тигра или льва и многое, многое другое.

Но самым повышенным спросом на острове пользуются «тропикал сандал» — тропические сандалии — сингапурские, гонконгские, очень прочные и дешевые индонезийские. Это самая распространенная, самая практичная, самая гигиеничная для здешних мест и самая дешевая обувь. Она делается из резиновой литой или микропористой подошвы с двумя вставными, тоже резиновыми ремешками. Ремешки прикрепляются к сандалиям так, что проходят между первым и вторым пальцами ног. Поэтому сандалии можно носить только на босую ногу. Ноги хорошо проветриваются и не потеют, что имеет большое значение в условиях влажного жаркого климата.

При обильном потовыделении очень трудно уберечься от широко распространенных в тропиках кожных грибковых заболеваний. Если не удалось от них уберечься, то единственный способ излечиться от этих неприятных болезней — скорее выехать в высокие широты.

Грибковые кожные заболевания — настоящий бич влажных тропиков. Племена и народы, испокон веков населяющие острова Малайского архипелага, хорошо приспособились к условиям жизни в изнуряющем климате жарких и влажных тропиков. Чтобы предохранить себя от грибковых кожных заболеваний, они всегда стремились как можно лучше «проветриваться» и поэтому ходили почти нагими. Даже когда на острова проникла европейская цивилизация, они продолжали ходить полуобнаженными. Эту естественную потребность жителей тропиков

ходить полунагими туристы из Европы и США объясняли по-своему; в журналах и газетах печатались «экзотические» снимки и оскорбительные для индонезийцев высказывания о якобы очень низком культурном уровне народов этой «дикой» страны, что вызывало возмущение со стороны индонезийской общественности. Дело дошло даже до того, что специальным правительственным указом женщин обязали носить кофточки.

Однако в домашней обстановке простые люди в городах и деревнях не очень-то придерживаются предписанных правил, и женщины в интересах своего здоровья предпочитают ходить обнаженными до пояса.

Привычка индонезийских женщин носить своих детей верхом на бедрах выработалась также под влиянием климата. Детские ножки разъединяются и не потеют. В условиях тропического климата нельзя пеленать детей, а взрослым — спать на мягких постелях, пользоваться пуховыми подушками.

Очень практичными и гигиеничными являются тростниковые циновки и плетеная мебель. В изготовлении этих предметов индонезийцы достигли высокого мастерства.

Европейцы тоже сумели приспособиться к здешнему климату. Они по 3—4 раза в день принимают душ, причем один раз обязательно с марганцовкой. Спят они на жестких постелях с «дач вайф» — «голландской женой», так в шутку называют небольшой твердый валик, напоминающее того, что бывает у наших кушеток. Перед сном этот валик зажимается между колен, что способствует проветриванию тела и предотвращает появление пота и, следовательно, грибковых заболеваний кожи.

В богатых гостиницах и домах, принадлежащих европейцам, в последнее время спальни оборудуются установками кондиционирования воздуха. Для индивидуального пользования очень удобны небольшие аппараты, размером с радиоприемник, вставляемые в форточку окна. Они создают и автоматически поддерживают в комнате заданный «климат».

После прогулки по городу мы возвратились к портовому причалу. Здесь нас уже дожидался мистер Ван-Беегин с автомашинами, нанятыми им для поездки к местам разведки оловянных россыпей.

Выехав из города и перевалив через небольшой холм, на котором то тут, то там виднелись чистенькие дома

государственных служащих и наиболее процветающих местных частных дельцов, минуем густые мангровые заросли. В них время от времени мелькают тростниковые хижины на сваях — жилища рыбаков. Дальше, до самого конца пути, ехали вдоль каучуковых плантаций, засажженных ровными рядами бразильской гевеи.

Гевея — дерево из семейства молочайных — не единственный каучуконос. Есть много разновидностей фикусов, которые тоже дают латекс — белый густой сок, из которого потом извлекают каучук. Однако бразильская гевея дает лучший каучук и плантации ее более продуктивны. Поэтому с тех пор, как англичане с большим трудом раздобыли семена гевеи у индейских племен, населяющих леса в бассейне Амазонки, и завезли сюда это растение, все другие каучуконосы вытеснены с плантаций.

Деревья гевеи достигают 30 м высоты. Они становятся продуктивными в возрасте 5—8 лет и непрерывно дают латекс до 30-летнего возраста, после чего вырубаются и заменяются молодыми насаждениями.

Крупные семена гевеи, похожие на каштаны, хорошо прорастают во влажной почве, поэтому возобновлять каучуковые плантации не составляет большого труда. Скорее наоборот, много труда затрачивается на борьбу с молодой «дикой» порослью, которая образуется из опавших семян.

Технология производства сырого каучука чрезвычайно проста. В химическом составе латекса, получаемого из гевеи, содержится до 60% воды, 34—37 каучука, 2—3 белков, 1,5—3,5 смол, 1,5—4,5 сахара и около 1% золы. Задача сводится к тому, чтобы вовремя сделать подсечку деревьев, быстро собрать латекс, очистить его от соринок и получить «отжать» от воды.

Каждое утро на стволах деревьев специальным ножом прорезаются в коре глубокие наклонные бороздки. Под бороздками проволокой или гибкой лозой прикрепляют небольшие глиняные или фарфоровые чашечки, в которые и стекает густой молочно-белый сок. Во второй половине дня рабочие обходят плантацию и сливают содержимое чашечек в ведра или бидоны.

Каждое дерево дает 200 г латекса в день. Эти дары природы свозятся на небольшие заводы для первичной обработки каучука. Там латекс процеживается, в него для быстрого сгущения добавляется немного уксусной

Бразильская гевея — ценный каучуконос

кислоты, после этого он разливается по большим железным противням, в которых быстро уплотняется в пластичную упругую белую массу. Плоские белые полотнища уже, по сути дела, готового каучука отжимаются от воды прокатыванием через узорчатые железные валки (с ребристой сетчатой поверхностью) и развешиваются для окончательной просушки.

Затем каучуковые листы проходят стадию копчения, после чего они приобретают тот воскопрозрачный цвет, каким мы привыкли видеть натуральный товарный каучук.

Мы были очень удивлены, когда узнали, что коптитесь каучук с единственной целью — спасти его от муравьев. Позднее сами убедились в том, что меры по предохранению каучука от этих прожорливых насекомых весьма необходимы.

Как-то возвратившись в Джакарту из очередной поездки по островам, я обратил внимание на то, что вдоль стенки встроенного платяного шкафа, в котором мы, уезжая, оставили свои вещи, появилась какая-то слегка колышущаяся желтая полоска. Присмотревшись, я увидел,

что эта полоска состояла из быстро передвигавшихся вверх и вниз очень маленьких желтых муравьев. Я решил проследить маршрут муравьев. Открыл дверку шкафа. Живая полоска протянулась по полке и исчезла под крышкой моего чемодана. Странно! Я хорошо помнил, что ничего съестного в чемодане не оставлял. Снял чемодан, открыл крышку: муравьиная живая дорожка огибает складки сложенной одежды и исчезает где-то внутри. Неужели, думаю, муравьи добрались до синтетики и питаются нейлоном? Приподнимаю белье, и на самом дне чемодана нахожу конверт, в котором и заканчивалась муравьиная «магистраль». В конверте хранилась небольшая полосочка каучука, взятого прямо с дерева из старого давно зарубцевавшегося надреза. Вот он-то да еще засушенная большая, размером с блюдце, ночная бабочка и привлекли сюда муравьев. Тело бабочки было съедено, по-видимому, уже давно, а каучука им хватило бы еще надолго.

С тех пор, покидая гостиницу, мы тщательно проверяли содержимое оставляемых чемоданов, не без основания опасаясь, что, вернувшись, мы не досчитаемся не только вещей, но и самих чемоданов. Сделанные из буйволовой кожи, они могли стать пищей для муравьев.

И все же эти желтые муравьи не враги, а друзья человека. Они выполняют в жилищах роль своеобразных чистильщиков-санитаров, уничтожая пищевые отходы и другие отбросы.

В Индонезии мы видели огромное множество разнообразнейших муравьев от крупных, размером с таракана, обитающих на лесных полянах, и рыжевато-белых, тоже крупных древесных муравьев, до мельчайших, еле видимых глазом, «домашних», которые добывали пищу в моем чемодане.

Но вернемся к добыче каучука.

Старые каучуковые деревья от ежедневной подсечки на протяжении 15—20 лет покрываются у основания ствола сплошной уродливой коркой. Это древесная «короста» простирается от самой земли до высоты предплечий человека среднего роста. Выше делать подсечку неудобно. Последующие желобки делаются всегда ниже предыдущих, т. е. на участке ненарушенной коры. Дойдя, таким образом, до самого основания дерева, начинают все сначала, но уже с другой нетронутой стороны ствола. Дву-

сторонние надрезы образуют на стволе рисунок, похожий на оперение стрелы, воткнутой в землю.

В конце концов на всей окружности ствола гевеи уже не остается живого места. Тогда вновь начинают наносить желобки в той же последовательности, но уже по однажды зажившим ранам. За время жизни одного дерева успевают сделать до 10 тыс. надрезов и получить до 2 тыс. кг каучука. При средней стоимости каучука на мировом рынке — 600 долларов за тонну — выходит, что одно дерево в год дает каучука на 40—50 долларов, при крайне низкой стоимости затрат — всего нескольких центов на дерево в год. Ясно, что это очень выгодно, и потому почти все мало-мальски пригодные земли на островах Малайского архипелага заняты под каучуковые плантации.

Огромное большинство каучуковых плантаций в Индонезии принадлежит частным лицам. Но есть и государственные. На о-ве Большой Каримун государственных плантаций нет. Здесь они принадлежат местным помещикам, которые постоянно проживают в Сингапуре и имеют на острове только своих доверенных лиц — управляющих. Управляющие сдают плантации по частям мелким арендаторам, которые рассчитываются каучуком. Собранный каучук отправлялся в Сингапур.

Большой Каримун всего 30 км в длину и 15 км в ширину. Площадь его 250 кв. км. Через весь остров проложено хорошее гравийное шоссе, и арендаторы, живя в Танджунг Балаи или в любом другом месте побережья, быстро добираются на велосипеде до своих участков.

У самого шоссе нам то и дело встречались живописные тростниковые хижины, в большинстве которых никто постоянно не живет — они служат временным пристанищем для многочисленных горожан — мелких арендаторов каучуковых плантаций. Здесь они укрываются от тропических дождей. Но в хижинах вполне можно жить постоянно. Рядом с ними растут кокосовые пальмы, бананы, папайи, рамбутан и кусты маниоки — все необходимое для жизни.

Маниока представляет собой кустарник из семейства молочайных, внешне похожий на кусты клещевины только с более узкими и тонкими листьями. У основания стебля находятся продолговатые крупные (до 0,5 м) и богатые крахмалом клубневидные корни весом до 15 кг.

Они в вареном и жареном виде употребляются в пищу, заменяя картофель. Из крахмала маниоки готовится крупа тапиока, являющаяся разновидностью саго. Из нее готовятся супы, каши и т. п.

Индонезийцы нетребовательны к пище. Если возле дома растут две-три кокосовые пальмы и несколько бананов, то семья с голоду не умрет. Кокосовые пальмы и многие другие тропические растения в экваториальных широтах плодоносят непрерывно. В нижней части кроны висят уже созревшие плоды, выше созревающие, еще выше только развивающиеся, над ними видны грозди цветов, над цветами бутоны. Плоды созревают на них, как на своеобразном живом конвейере.

Большие, с человеческую голову, кокосовые орехи по форме похожи на орехи лещины, т. е. наши лесные волошские орехи. Верхняя кожура их представляет собой защитную оболочку из толстых плохо сросшихся волокон, которые идут на изготовление грубых веревок, щеток, кистей и ковриков. Под этой толстой (3—4 см) внешней оболочкой находится крупный, размером с большой апельсин, собственно орех, заключенный в твердую скорлупу толщиной в 3—4 мм. Из скорлупы делается всевозможная посуда, пуговицы, гребешки и различная домашняя утварь.

На внутренней поверхности скорлупы находится самая ценная часть ореха — сладкое, белое, очень питательное маслянистое вещество, представляющее собой последнюю оболочку. Извлеченное из ореха и высушенное, оно имеет вид красновато-коричневых изогнутых лепешек, называемых копррой. Копра служит исходным сырьем для получения очень ценного кокосового масла. И, наконец, вся внутренняя часть ореха заполнена кокосовым молоком — сладковатой мутноватой на вид жидкостью.

Кокосовое молоко хорошо утоляет жажду. Из него изготавливаются всевозможные напитки. На вкус кокосовое молоко немного напоминает наш березовый сок. Пьют его сразу же из вскрытого ореха или же смешивая со льдом. Холодное оно намного приятнее.

Европейцы в жарких странах привыкли утолять жажду вездесущей кока-колой или оранжадом. При их отсутствии предпочитают пить кокосовое молоко, руководствуясь главным образом не вкусовыми ощущениями, а санитарными соображениями. Кокосовое молоко, только что

Тростниковые хижины мелких арендаторов каучуковых плантаций

извлеченное из ореха, абсолютно стерильно, чего никак нельзя сказать про всякого рода кустарно изготавливаемые напитки. В Юго-Восточной Азии, где масса всяких инфекционных заболеваний, эта приверженность к кокосовому молоку весьма похвальна.

Индонезийцы употребляют очень острую пищу. Поэтому к столу всегда подается холодная вода, вернее две воды: глубокое блюдо с водой для споласкивания пальцев и стакан воды со льдом для запивания «огненной» еды. Привычка к очень острой пище выработалась у местного населения под влиянием природной среды. Дело в том, что в условиях влажного жаркого климата организм человека постоянно находится в каком-то распаренном, вялом состоянии. Внутренние органы пищеварения в этих условиях не в состоянии выполнять свои обычные функции. И вот, чтобы заставить их работать на полную мощность, у многих жителей выработалась потребность в острых приправах. Обычно это жгучий красный перец в маленьких, не больше канцелярского пера, стручках. Все блюда, особенно мясные, так щедро сдабриваются пер-

чем, что белое куриное мясо становится сверху совершенно красным, обжигая рот и пищевод. Поэтому и приходится часто глотать холодную воду.

Питаются индонезийцы в основном рисом. Хлеба они не едят. Вместо хлеба к столу иногда подается купрук — небольшие маслянистые, похожие на наш хворост лепешки. Они изготавливаются из креветок, рыбы, рачков и моллюсков. Технология приготовления купрука проста. Морские животные размалываются, получается студенистая белая масса, из нее делают лепешки. Высушенные под лучами палящего солнца, эти лепешки и становятся купруком. В дело употребляют иногда не совсем свежий продукт, поэтому купрук частенько имеет неприятный запах гнилого мяса.

Чтобы нейтрализовать вредное закрепляющее действие риса, на десерт к изготовленным из него блюдам обязательно подается ломтик папайи, обладающей способностью оказывать благотворное воздействие на пищеварительный тракт человека.

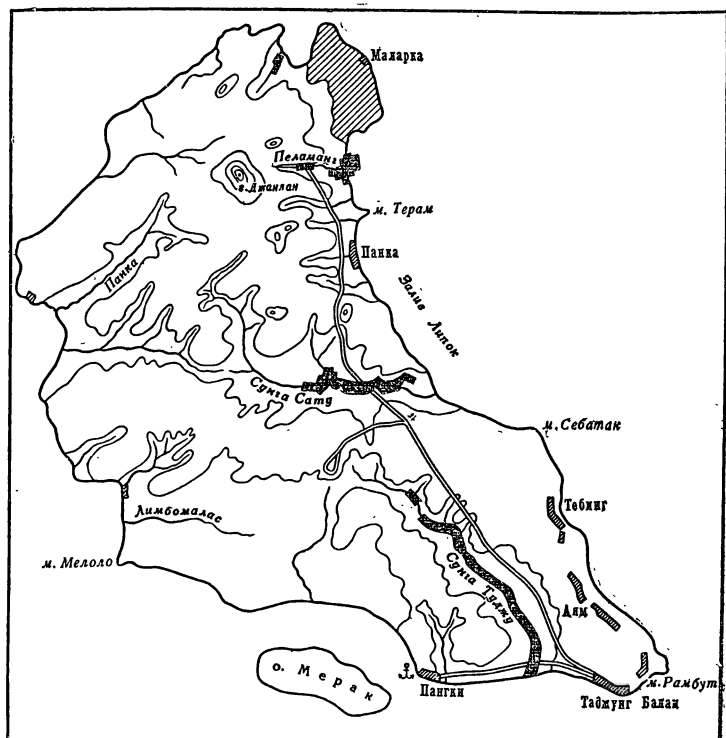
К пище и ко всему, что касается условий жизни в Индонезии, мы еще возвратимся. Сейчас же продолжим основную тему, прерванную остановкой у живописной хижины, расположенной в окружении бананов и кокосовых пальм.

Вскоре мы подъехали к довольно высокой гранитной горе Джанлан, у подножия которой дорога заканчивалась. Весь путь от Танджунг Балаи не отнял у нас и тридцати минут. На восточном склоне горы берет начало небольшая речушка Пеламанг, в долине которой открыта одна из промышленных оловянных россыпей.

Большой Каримуп расположен совсем близко от Малайзии. Их разделяет лишь 15—20 км водного пути. Это второй по промышленному значению запасов олова остров в сфере деятельности оловодобывающей компании «Синкеп».

Геологическое строение острова несложно. Почти весь он сложен оловоносными послетриасовыми биотитовыми гранитами. И лишь на самом северном его мысу, вблизи пос. Маларка, на площади около 10 кв. км, залегают песчаниково-сланцевые отложения триаса.

В 1925—1928 гг. голландцы провели здесь большой объем геологопоисковых и геологоразведочных работ. Они выявили и разведали четыре относительно небольшие

План о-ва Большой Каримун

Оловянные россыпи зачернены

оловянные россыпи, расположенные в восточной, пониженной, части острова.

И вот мы в долине Пеламаганга на одной из таких россыпей. Россыпь небольшая. В долине реки она прослежена на 1000—1200 м. Затем через такое же расстояние расположен второй промышленный контур россыпи, который в устье реки погружается на морское дно, и россыпь становится уже прибрежно-морской. Второй контур россыпи имеет изометричные очертания. Он занимает площадь размером 400 на 500 м.

Мощность рыхлых отложений составляет здесь 18—25 м. Пласт оловосодержащих песков мощностью в 0,5—

1 м залегают в самой нижней части отложений, покоясь на ложе из глин, образовавшихся за счет разрушения гранитов (бедрок). Содержание олова в этом горизонте составляет от 2 до 10 кг на 1 куб. м. Среднее содержание олова на всю массу рыхлых отложений составляет не более 400—600 г на 1 куб. м породы.

В верховьях Пеламанга, на склонах г. Джанлан, обнажаются оловоносные граниты с признаками, указывающими на возможность обнаружения коренных месторождений олова. Заинтересовавшись этими гранитами и надеясь обнаружить в них хотя бы небольшую кварцевую жилу с касситеритом, мы совершили пешую прогулку вверх по долине.

Медленно продвигаемся вдоль русла Пеламанга. Уклон долины крутой, она имеет в этом месте форму глубокого ущелья. Русло реки загромождено крупными валунами и галькой гранитных пород.

Это единственный случай, когда нам удалось видеть на оловянных островах типичные валуны и крупногалечные отложения. Дело в том, что во всех приисковых районах нашей страны — в Забайкалье, на Колыме, Чукотке — речные отложения состоят из крупных галечников и валунов с очень небольшой примесью песка и глины. Это объясняется тем, что разрушение коренных (скальных) горных пород в условиях умеренного и холодного климата происходит под влиянием физического, а не химического выветривания — они раскалываются, дробятся, окатываются.

В тропиках, наоборот, преобладает химическое выветривание (разрушение, разложение) горных пород под влиянием обилия атмосферных осадков и высокой температуры. Поэтому еще на склонах гор скалы превращаются в песок и глину и в речные долины совсем не попадает крупных обломков. Для нас все это было непривычно, и мы постоянно убеждались, что здесь все не так, как на наших приисках.

Вскоре мы набрали на хорошо проторенную тропинку. Она привела к навесу из пальмовых листьев, дальше которого путь по тропинке преграждался каким-то сооружением из бамбука, напоминавшим дорожный шлагбаум.

Под навесом на низенькой скамеечке сидели два мальчика и одна девочка постарше, лет двенадцати. В руках у девочки была школьная тетрадка, разграфленная на

большие прямоугольники. Мистер Ван-Беегин тотчас же вступил с девочкой в оживленный разговор. Девочка подняла бамбуковый «шлагбаум» и мы продолжили наш маршрут.

— Откуда эти дети и что они здесь делают? — спросили мы.

— Это дети крестьянина, который живет неподалеку на каучуковой плантации. Их отец устроил небольшую запруду на ручье, нечто вроде бассейна для купанья, и теперь они берут плату со всех, кто приходит к этому бассейну. Там живописное место для отдыха и можно искупаться.

За «шлагбаумом» мы вступили как бы совсем в другой мир. Тропинка сузилась. Со всех сторон на нее наступал девственный лес. Большие переплетенные лианами деревья, ветви которых иной раз были сплошь покрыты эпифитами и лишайниками, переплетались кронами над нашей головой, создавая приятный полумрак и прохладу.

На одном из поворотов тропинки открылся просвет, и мы увидели большую скалу, по которой сбегал маленький ручеек. Его хрустальные струи вливались в зеркально-чистый размером чуть больше бильярдного стола бассейн. Стенками бассейна с трех сторон служила гранитная скала, а четвертая стенка, создававшая подпор воды в ручье, была выложена из небольших серых валунов, кое-как скрепленных цементом.

Мы прошли пешком порядочный путь, устали. Поэтому желание искупаться появилось уже давно, но в ручье воды мало, да и протекал он в густых зарослях, так что из-за боязни неожиданных встреч со змеями и травяными пиявками, которых здесь очень много, мы выкупаться не решались. Здесь же на чистом открытом месте, да к тому же еще в бассейне, иное дело. Мы погрузились в прохладную воду. И надо было слышать, как мы наперебой воздавали хвалу предприимчивому человеку, соорудившему этот чудесный бассейн.

После купанья, побродив с полчаса по гранитным скалам, мы направились в обратный путь. Ниже шлагбаума решаем свернуть с тропы и пройти немного по руслу ручья. Подходим к обрыву и видим странную картину: в воде по пояс сидят три мальчика, один постарше, а два дошкольного возраста, и все они крутят в руках какие-то плоские круглые предметы.

— Ба. Это ведь старатели! — воскликнул кто-то из нас.

Да, это были старатели. Ловко орудуя круглыми выдолбленными из дерева лотками, мальчики промывали оловосодержащие пески. Около каждого из них была скорлупа кокосового ореха, уже почти наполовину наполненная зернами касситерита, поблескивавшими в лучах солнца черными гранями.

Расспрашиваем мальчуганов, как у них идут дела. Узнаем, что каждый из них за день утомительной работы добывает до килограмма ценных оловянных концентратов. Скупщики охотно берут их по два малайских доллара за килограмм, а сами потом сбывают эти концентраты в Сингапуре значительно дороже.

Так с малых лет приучают здесь детей к изнурительному труду и к частной предпринимательской деятельности, лишая их счастливого детства. Что же тут удивительного? Ведь это капиталистическая страна. К тому же совсем рядом «процветающий Сингапур», разлагающе действующий на самосознание народов, населяющих ближайшие острова.

Возвращаемся к машинам и отправляемся в обратный путь.

Я еду во второй машине. Вдруг замечаю оживленную жестикуляцию едущих впереди. Смотрю по направлению протянутых рук и вижу среди грядок маниоки спокойно прогуливающегося дикого кабана. Мгновение, и он исчезает в зарослях.

Дикие кабаны очень распространены на островах Малайского архипелага. Их особенно много на тех островах, где проживают малайцы и индонезийцы, потому что они, исповедуя ислам, считают домашних свиней и диких кабанов грязными животными. Китайцы, даяки, папуасы и некоторые другие племена, наоборот, признают мясо этих животных самым вкусным. Поэтому они охотятся на кабанов. Тем не менее в мангровых зарослях, в лесу и в горной местности диким кабанам раздолье, и здесь их очень много.

Уставшие, но довольные тем, что за день удалось увидеть и узнать так много интересного, возвращаемся на «Дабо».

На другой день утром отправляемся посмотреть, как ведется разведка оловянных россыпей.

Дорога уже знакома. В пути оживленно беседуем с

Малолетние старатели. Пользуясь круглыми деревянными лотками, они занимаются промывкой оловосодержащих речных отложений

водителем такси. Он китаец и работает на своего хозяина, тоже китайца, которому принадлежат две автомашины, несколько рыбацких пхун, небольшая механическая мастерская и самый крупный в Танджунг Балаи универсальный магазин.

Водитель такси — это не основное занятие нашего шофера. Пассажиров здесь бывает мало, потому что почти у всех горожан свой транспорт, чаще всего велосипеды. Поэтому оба таксомотора по целым дням стоят свободные около магазина, а водители тем временем выполняют домашнюю работу или трудятся в мастерской своего хозяина. За это они получают мизерный оклад, но и тем довольны, ибо в маленьком Тапджунг Балаи не так-то легко пайти работу.

Нас заинтересовало, как попадают на остров американские, английские и западногерманские автомашины. Оказывается, можно за сравнительно невысокую цену купить старенький автомобиль любой марки в Сингапуре, где имеются специализированные магазины и рынки по

продаже подержанных машин. Особенно много таких автомобилей сбывают в страны Юго-Восточной Азии США, так как собственный их автопарк легковых автомашин постоянно обновляется.

Торговля автомашинами в Индонезии, как, впрочем, и вообще вся торговля, сосредоточена в основном в частных руках. Поэтому завоз машин в страну не регулируется, и на улицах и дорогах встречаются автомашины самых разнообразных марок. Больше всего машин еще довоенного производства. Такую же картину мы наблюдали и в Индии, Бирме, Малайзии, Сингапуре. Во всех этих странах хорошо организованы торговля запасными частями и техническое обслуживание столь разнообразного автопарка. Повсюду на окраинах городов и на дорогах мы видели станции технического обслуживания и фирменные магазины «Форда», «Фольксвагена», «Опеля», «Фиата» и др.

Интересна еще одна деталь, на которую мы обратили внимание. Припарковаться, т. е. найти место для стоянки автомобиля, в центре больших городов не так-то просто. Улицы узкие, а машин много. Всюду, где имеется возможность втиснуться в ряды стоящих автомашин, дежурят юноши. Они помогают водителям занять свободное место у тротуара, выполняя обязанности регулировщиков движения, и нередко на время маневрирования таких машин останавливают на улице все движение. После этого прикрепляют к ветровому стеклу машины квитанцию об оплате за стоянку, и вы можете быть спокойны — во время вашего отсутствия с машиной ничего не случится.

Индонезийские шоферы управляют машинами виртуозно, но мы не раз убеждались в том, что материальную часть знают плохо. При малейшей поломке спешат к ближайшей станции технического обслуживания.

В часы пик, когда вереницы машин часами простаивают на улицах Джакарты, водители используют малейший просвет на дороге, чтобы продвинуться вперед хотя бы на один метр. В этих случаях обычных сигналов поворота и торможения бывает недостаточно, и в ход пускаются жесты. Водители руками подают одним им известные сигналы. Они как бы разговаривают друг с другом на условном коде, сообщая водителям сзади идущих машин обо всем, что происходит впереди. Если впереди

Разведочное бурение ручным комплектом «Банка-бур» —
«Эмнайр»

идет грузовик и в его кузове есть люди, то такие сигналы непрерывно подает один из пассажиров.

В пути время летит быстро. Вот уже остановка в долине р. Сунга Сату, где нас встречает группа разведчиков олова. Здесь расположена вторая по величине оловянная россыпь острова. Россыпь разведана на протяжении 2,5 км. Ширина промышленного горизонта составляет 100—300 м. Среднее содержание олова приблизительно такое же, как и в россыпях долины р. Пеламанг.

Эта россыпь была разведана в 20-х годах нашего века, но сейчас вновь проводилась контрольная проверка результатов прежних работ. В чем же дело? Оказывается, у голландцев существовала премиальная система оплаты труда. При положительных результатах разведки все рабочие получали значительную надбавку к своему заработку. Поэтому они нередко обманывали своих хозяев, незаметно подсыпая касситерит в те разведочные выработки, в которых фактически его не было. Вот и приходится теперь заново переразведывать некоторые россыпи, чтобы выяснить истинную ценность месторождений.

Отправляемся пешком к месту работы разведчиков. Они разбуривали срединную часть россыпи в долине Сунга Сату. В работе находился один комплект ручного «Банка-бура». У нас в СССР и в других странах этот бур известен под названием бура «Эмпайр». Как объяснил нам мистер Ван-Беегин, этот бур изобретен в Индонезии, на о-ве Банка, а изготавливается на заводах Голландии. Но американцы без приобретения права на использование чужого изобретения наладили выпуск бура у себя, назвав его «Эмпайр».

Не берусь судить, насколько прав мистер Ван-Беегин, но «Банка-бур» — «Эмпайр» и по сей день является незаменимым при разведке россыпей в условиях тропиков и джунглей. Он прост, надежен, легко разбирается. Его могут доставить в самые малодоступные места пять-шесть рабочих-носильщиков.

Мы шли между ровными рядами молодой поросли каучуковых деревьев и вскоре увидели бригаду буровиков. На высокой стальной площадке, прикрепленной к колонне обсадных труб, стояло четверо рабочих и размеренными движениями опускали в трубу желонку — инструмент, с помощью которого из скважины извлекается рыхлая порода.

Одновременно вся колонна труб вместе с площадкой, на которой стояли люди, восемью рабочими вращалась с помощью длинных жердей-ваг. Таким образом, вся буровая бригада состояла из 12 человек.

Мы поинтересовались, почему на разведке не применяется бурение механическими самоходными станками?

— Бурить разведочные скважины, — пояснил мистер Ван-Беегин, — приходится на частных каучуковых плантациях, а хозяева, во избежание порчи деревьев, не разрешают заезжать сюда на машинах.

— А если возникает необходимость проводить на территории частных каучуковых плантаций горные или строительные работы?

— Тогда правительство выплачивает владельцам этих плантаций по 150 долларов за каждое, оказавшееся в полосе отчуждения, каучуковое дерево.

Промывка проб при разведочном бурении производится тут же, в ближайшем ручье, канаве или в наполненной водой железной бочке, деревянными круглыми лотками. Все буровые рабочие хорошо владеют лотком, но про-

мывку проб обычно ведет только один из них, более грамотный.

Бригадир рабочих рассказал нам, что их здесь часто навешают большие змеи-удавы. Он даже пытался тут же разыскать одного из удавов, но попытка не увенчалась успехом. А мы, когда возвращались к машинам, несколько раз замечали в ветвях змей, которые при приближении к ним неизменно «превращались» в причудливо изогнутые ветви гевеи. Пятнистая кора ветвей каучукового дерева удивительно похожа на змеиную кожу.

Еще один небольшой рывок по отличной шоссейной дороге, и наш небольшой кортеж останавливается в долине речки Сунга Туджу, там, где разведана самая большая россыпь олова из всех известных на этом острове. Ширина россыпи от 100 до 300 м, а протяженность 5 км.

Все аллювиальные отложения состоят из мелкого чистого кварцевого песка и белой глины. Песок и глина сильно обводнены, а продуктивный слой залегает ниже уровня моря.

Судя по сохранившимся данным и результатам контрольного бурения, россыпь разведана голландцами не полностью, окончательные контуры ее не определены.

По имеющимся материалам, общие запасы олова в россыпях о-ва Большой Каримун составляют около 4 тыс. т. По оценке же руководителей компании «Синкеп», известные запасы олова в россыпях этого острова обеспечивают рентабельную работу трех драг в течение 10 лет (т. е. могут промыть около 60 млн. куб. м грунта, что соответствует 25—35 тыс. т олова в недрах). Но после осмотра острова нам стало ясно, что сделанная ими оценка запасов сильно завышена.

Перед тем как возвратиться на «Дабо», мистер Ван-Беегин решил предоставить нам возможность взглянуть на долину Сунга Туджу с ближайшей возвышенности. Наши машины долго пробирались по еле заметной колесной колее, которая шла среди каких-то полузасохших зарослей. В конце концов дорога кончилась, и мы, оставив машины под тенью большого хлебного дерева, пошли дальше пешком. Вид с холма был ничем не примечателен. Всюду, насколько хватало глаз, видны были зеленые кроны деревьев.

Возвратившись к машинам, мы обратили внимание на то, что плоды хлебного дерева, а они нередко дости-

гают размеров большой тыквы, вырастают на самых различных частях растения. То они свешиваются с высоких веток, то как-то странно торчат на коротких плодоножках прямо из ствола, у самой земли. Созревающие плоды заботливо упрятаны в большие бумажные мешки из-под цемента или укутаны мешковиной. Это делается с целью уберечь их от обезьян и птиц. Но мы что-то не заметили на острове обилия птиц и обезьян.

Правда, однажды, проезжая мимо одной из хижин, увидели в кустах какие-то движущиеся тени. Остановились и решили разузнать, что это за тени. Каково же было наше удивление, когда мы увидели поднявшихся из кустов людей, увешанных листьями пальм и травой и вооруженных длинными палками. Ими предводительствовал военный в пятнистой форме парашютиста. Оказывается, это группа молодежи проходила занятия по военной подготовке.

Во второй половине дня мы собрались в обратный путь, на о-в Синкеп, но неожиданно капитан «Дабо» получил указание военных властей зайти в небольшой порт Пангки и принять там оловянный концентрат, изъятый накануне у контрабандистов. Пангки находится в 10 км западнее Танджунг Балаи. Мы предпочли проехать туда берегом.

Порт Пангки оказался более оживленным и лучше оборудованным. «Дабо» пришвартовалось к деревянному пирсу, и вскоре началась погрузка концентратов. Они были упакованы в стандартные джутовые мешки с отчетливой маркировкой, из которой было видно, что оловянные концентраты похищены с о-ва Белитунг.

Пока в трюмы «Дабо» рабочие по наклонной доске скатывали увесистые мешки с концентратом, мы увлеклись наблюдением за массой плавающих вблизи судна рыб. Они были в основном двух разновидностей: более осторожные почти прозрачные, длинные и узкие, чем-то похожие на щук, и крупные, полосатые, как зебры, широкие и плоские, похожие по форме на обычных карасей. Мы бросали в воду кусочки хлеба, и эти полосатые «карасики» стремглав бросались к приманке. Потом на бревнах, которыми была обшита подводная часть пирса, и на торчащих вблизи сваях заметили большие колонии моллюсков и сновавших среди них небольших крабов и рачков.

Вот, пожалуй, и вся морская фауна, с которой нам удалось познакомиться здесь.

Напротив порта Пангки, в каком-нибудь километре от берега, расположен небольшой о-в Мерак, сплошь заросший мангровой растительностью. Матросы рассказали нам, что в мангровых зарослях этого острова водится много крокодилов, которые часто переплывают на Большой Каримун и доставляют немало неприятностей его жителям.

Погрузка концентратов закончилась быстро, и наше судно, сопровождаемое большой толпой любопытных, отчалило от пирса и взяло курс на о-в Синкеп. Мы долго плыли по обмелевшему морю, лавируя среди маленьких зеленых островов.

К вечеру «Дабо» прошло мимо о-ва Кундур, расположенного в 15 км южнее Большого Каримуна. Он целиком сложен разрушенными оловоносными гранитами и в сильной степени размыт.

Кундур почти в три раза больше Большого Каримуна. Его рельеф равнинный. Кундур изучался голландцами, и выявленные в северо-западной части острова три небольшие россыпи давно уже разведаны. Своим строением они почти не отличаются от россыпей Большого Каримуна, но размеры их меньше, содержание касситерита беднее и запасы олова в них незначительны. Цифровых данных о запасах олова в недрах этого острова мы не знаем, но известно, что суммарные запасы олова в россыпях о-вов Большой Каримун, Кундур и Бинтан в 1932 г. оценивались в 10 340 т. С того времени ничего не изменилось, следовательно, с помощью несложных арифметических вычислений мы можем запасы олова на о-ве Кундур оценить приблизительно в 3000 т.

Ночью мы вновь пересекли экватор, но теперь с севера на юг, а утром наше судно уже стояло на якоре в порту Дабо. Так закончилось наше трехдневное путешествие на Большой Каримун.

На следующий день все тот же старенький самолет доставил нас в Джакарту.

На этот раз нам предстояло совершить интересную поездку по Суматре, одному из самых больших островов Малайского архипелага. Правда, понятие «поездка» в данном случае не совсем точно отражает условия передвижения по этому острову, почти сплошь покрытому заболоченными тропическими лесами — гилеями — или высокими грядами вулканических гор. Точнее, это была не поездка, а перелет над джунглями и плавание по рекам. И лишь только на самом конечном этапе нашего пути довелось проехать на автомашине и даже пройти немного по экватору пешком.

Итак, мы начинаем наш путь опять с аэродрома Камайоран, что расположен на окраине Джакарты. Самолет летит немного западнее западного маршрута, и слева хорошо виден дымящийся о-в Кракатау.

Кракатау — это один из действующих вулканов Зондской вулканической гряды. В 1883 г. произошло исключительное по силе извержение Кракатау, сопровождавшееся образованием огромных морских волн, которые обрушились на низменные берега Западной Явы и Южной Суматры и обошли весь земной шар. Тогда это стихийное бедствие унесло 36 тыс. человеческих жизней. Позднее в районе Кракатау произошло еще несколько подводных извержений, образовавших новые вулканические острова. Так, в 1927—1929 гг. образовался о-в Апак Кракатау (Дитя Кракатау). Сейчас, глядя с высоты птичьего полета на Кракатау, мы видим целый архипелаг небольших вулканических островков, непрерывно извергающих массу газообразных продуктов. Поэтому над Кракатау всегда стоит густое облако пара и дыма.

Индонезия — классическая страна вулканов. Именно здесь вдоль юго-западных берегов гряды Зондских остро-

вов проходит глубокий разрыв в земной коре, представленный огромными океаническими впадинами и цепочкой действующих вулканов, которых только на Суматре и Яве насчитывается более 200, из них свыше 100 действующих. Особенно активно вулканическая деятельность проявляется на о-ве Ява и прилегающих к нему небольших о-вах Бали и Кракатау. Обычно вулканы здесь извергают только газообразные продукты и пепел, но нередко из их кратеров изливается и раскаленная лава.

Извержение вулканов приносит огромный ущерб. Образующиеся облака раскаленного пепла и газов стремительно скатываются по склонам гор, сжигая на своем пути все живое. Особенно опустошительны извержения на Яве, так как из-за очень высокой плотности населения и плодородия вулканических почв подошва и нижние склоны вулканов густо заселены и покрыты террасами рисовых полей.

Но, несмотря на катастрофические последствия извержений и частоту их проявления, люди вновь возвращаются на старые места. Выпадающий после извержения вулканический пепел возобновляет плодородие почв, с которых здесь снимают по три богатых урожая риса в год.

Нужно отметить, что в этих районах хорошо поставлена вулканологическая служба наблюдения, прогноза и предупреждения населения о возможных извержениях вулканов. Во многих местах на склонах вулканов сооружены железобетонные подземные лаборатории, которые оборудованы так, что находящийся в них персонал полностью защищен от воздействия раскаленных газов и может спастись в этих своеобразных убежищах от самых сильных извержений.

Благодаря своевременному оповещению населения о предстоящем извержении нередко удается эвакуировать жителей из угрожаемых районов и тем самым снизить опустошительные последствия извержений. И все же почти ежегодно вулканические извержения в Индонезии уносят десятки тысяч человеческих жизней и причиняют огромный материальный ущерб.

На Яве мне довелось побывать на нескольких вулканах. Особенно впечатляющим было посещение вулкана Бромо, из огромного кратера которого со страшным шумом непрерывно извергаются клубы всеопустошающего сернистого газа и водяного пара.

На о-ве Ява много вулканов. Типичный ландшафт этого острова

Находясь на краю кратера вулкана Бромо, как-то невольно ощущаешь беспомощность человека перед этим грозным явлением природы и в то же время удивляешься бесстрашию людей, населяющих крутые склоны этого огромного вулкана. Почти на самой вершине Бромо живет небольшое племя горцев, которое поклоняется подземному огню и приносит жертвоприношения, бросая кур, мясо и другие продукты в kloкочущее жерло вулкана.

Вулканы на Яве достигают высоты более 3000 м. На такой высоте нет изнуряющей жары. Поэтому на вершины некоторых вулканов проложены хорошие автомобильные дороги, которыми пользуются отдыхающие и туристы. Вблизи Бандунга, например, мы поднимались на вулкан Тангкубан Пераху, в кратер которого можно было заглянуть, не выходя из автомобиля. На вершину вулкана Бромо мы поднимались тоже на автомашине.

В кратерах и на склонах вулканов, там, где прорываются на поверхность горячие пары и газы, происходит отложение самородной серы. Эту серу собирают и отправляют на спичечную фабрику в Сурабайю.

Так выглядит кратер вулкана Бромо в период временного покоя. Глубина кратера свыше 300 м

На склонах вулканов масса горячих источников, многие из которых обладают целебными свойствами, и жители ближайших городов охотно ими пользуются. На таких источниках близ Бандунга сооружены бассейны для купания, построены дома отдыха и увеселительные заведения.

В один из воскресных дней, когда мы впервые хотели подняться на вулкан Тангкубан Пераху, который находится всего в 30 км от Бандунга, нам пришлось возвратиться с полдороги. Оказалось, что в густых лесных зарослях, покрывающих склоны вулкана, в это время укрывалась большая банда террористов. Начальник военного патруля, остановивший нашу машину, посоветовал провести воскресный день в Лембанге, одном из уголков отдыха, расположенном вблизи Бандунга.

Время приближалось к полудню, когда в жарких тропиках вся жизнь замирает, и нам поневоле пришлось искать какое-то пристанище. Поэтому мы не стали долго раздумывать и поехали в Лембанг. Он похож на однодневный дом отдыха. Вход на его территорию платный.

Есть небольшой пансионат, столовая, ресторан, открытая эстрада, прекрасный купальный бассейн и дансинг. Здесь мы наблюдали, как отдыхают богатые индонезийские семьи. Они приезжают сюда на целый день. Пожилые люди проводят время в тени деревьев, на лужайках и за стойкой бара, а молодежь танцует, играет в бадминтон и купается. В Лембанге все устроено на американский манер, даже в репертуаре студенческого эстрадного оркестра одни только ультрасовременные джазовые песни.

Национальную индонезийскую музыку и танцы можно было услышать и увидеть только в глухих деревнях или на любительских концертах.

В Индонезии вообще очень трудно познакомиться с местной национальной культурой. Постоянно действующих театров нет даже в крупных городах. Пластинок с индонезийской музыкой и песнями в продаже не найти. В кинотеатрах идут почти исключительно американские и китайские (гонконгские и тайваньские) кинофильмы. Все зрелищные предприятия сосредоточены в руках местной буржуазии, а она находится под сильным иностранным, главным образом американским, влиянием.

В связи с очень высокой плотностью населения, на Яве остро стоит продовольственный вопрос. Любое стихийное бедствие (извержение вулкана, наводнение и т. д.), приводящее к потерям части урожая, обычно вызывает голод, и десятки тысяч людей из пострадавших районов в поисках средств к существованию устремляются в ближайшие города. Но даже и в том случае, когда нет стихийных бедствий, основной продовольственной культуры — риса — на Яве никогда не бывает достаточно. Поэтому индонезийское правительство стремится поднять как можно выше урожайность рисовых полей и ввозит в большом количестве химические удобрения.

Одновременно изыскиваются возможности производства фосфорных удобрений из местного сырья. Сырьем служат так называемые пещерные фосфориты. Это совершенно особый тип месторождений. Пещерные фосфориты образуются в результате жизнедеятельности летучих мышей, которые большими колониями обитают в пещерах. Летучие мыши большую часть времени проводят в пещерах, где неподвижно висят, уцепившись ногами за выступы камней. Их экскременты падают на дно пещер и па-

Поселок горцев на вершине вулкана Бромо

капливаются со временем в больших количествах. Частично эти продукты проникают вместе с дождевой водой в пористую массу известняков. Вот так и образуются пещерные фосфориты, которых на Яве очень много.

Я ходил по таким пещерам возле гор. Тубан и убедился в том, что все они населены огромным количеством летучих мышей. Когдаходишь в такую пещеру, то сначала кажется, что она необитаема. Но стоит только бросить камень в потолок (а до него 5—10 м), как сразу же возникает неимоверный писк и шум, и тысячи летучих мышей поднимаются в воздух. Этих зверьков так много, что брошенный камень всегда падает, сопровождаемый одной-двумя убитыми мышами.

В Индонезии обитает также много летучих собак — колонгов. Они размером с кошку. Мордочка у них остренькая, вытянутая, как у лисиц, и обитают они не в пещерах, а на вершинах высоких деревьев. Весь день колонги висят на ветвях, а с наступлением ночи отправляются на кормежку. Питаются они в основном фруктами и

насекомыми. Особенно много колонгов обитает в ботаническом саду гор. Богора. Мы не раз видели целые стаи их на вершинах больших деревьев. В сумерки колонги начинают сниматься с насиженных мест. Медленно взмахивая огромными крыльями, они вереницей летят в окрестные долины, где по обочинам рисовых полей растет много бананов. Их размеренный величавый полет чем-то напоминает парение наших степных коршунов.

Но вернемся к рассказу о Суматре.

Суматра по величине второй после Калимантана остров архипелага. Площадь его равна 473,6 тыс. кв. км, а население — 15 млн. человек.

Вдоль западного побережья острова тянется узкая гряда высоких вулканических гор с многочисленными огнедышащими, характерными по своим очертаниям конусами вулканов. Вся средняя и восточная часть острова — заболоченная низменность, покрытая влажными вечнозелеными экваториальными лесами. Эти леса представляют собой непроходимые заросли исполинских фикусов, разнообразных пальм, бамбуков, папоротников, хлебного дерева, дурiana, мангустана, бананов, рамбутана, лиап и многих других экзотических растений.

Выше всех (до 70 м) поднимаются гигантские деревья — маман из семейства бобовых и фикусы, достигающие высоты 40 м. Все они увиты огромными лианами, а ветви их сплошь покрыты разнообразными эпифитами, среди которых очень много орхидей.

Характерной особенностью тропических деревьев, растущих на заболоченной почве, являются широкие доскообразные корни-подпорки, которые при близком расположении деревьев делают заболоченные тропические леса совершенно непроходимыми. В таких лесах всегда очень сыро и темно. Они кишат всевозможными пресмыкающимися.

На склонах гор и на возвышенных плато Суматры растительность несколько иная. Здесь в основном четырехъярусные леса. Их кроны образуют плотные горизонты из веток и листьев. В лесах обитают тигры и обезьяны, водятся дикие быки — бантенги, слоны и носороги.

О-в Суматра — богатый, но плохо обжитый край. В его недрах есть нефть, уголь, серебро, золото, олово, железные руды, бокситы и многие другие полезные ископаемые.

Рабочие-кули собирают самородную серу в кратере еще не потухшего
вулкана Телаго Бодас

Почвы Суматры не менее плодородны, чем на Яве, но плотность населения мала. Поэтому индонезийское правительство собирается осуществить программу освоения заболоченных земель на Суматре и Калимантане с целью переселения на эти острова части жителей с сильно перенаселенной Явы.

Наша первая остановка была в гор. Палембанге. Это один из крупнейших промышленных центров Суматры. В окрестностях Палембанга — богатые нефтеносные площади, нефтедобывающие предприятия. Здесь работают и нефтеперегонные заводы, принадлежащие, как и сами промыслы, иностранным компаниям.

Палембанг расположен на многоводной р. Муси. К его речным причалам могут подходить, поднимаясь вверх по реке почти на 200 км, крупные океанские нефтеналивные корабли. Поэтому Палембанг не только крупный промышленный центр, но и большой морской порт, через который идет оживленная торговля с другими странами.

Административный и торговый центр города, населенный индонезийцами, находится на отвоеванном у болот левом берегу Муси. Здесь имеется много интересных исторических зданий: старинная крепость, бывший дворец султана, исторический музей, резиденция губернатора и др. В этой же части города сосредоточены все общественные здания и новостройки.

На правом берегу находятся все нефтеочистительные заводы, морской порт. Там же живут иностранцы и служащие нефтяных компаний.

Между обеими частями города поддерживается паромная связь и действуют многочисленные лодочные переправы. По Муси вверх и вниз курсируют быстроходные моторные лодки, заменяющие речные трамваи и такси.

Река Муси имеет быстрое течение и несет мутные воды. Где-то в ее верховьях происходит интенсивный размыв берегов, поэтому по поверхности реки всегда плавает масса вырванных с корнем деревьев, целые островки из зеленых трав, листьев, щепок и т. п.

Гостиница, в которой мы остановились, оказалась расположенной вблизи резиденции губернатора. Между ними находится небольшое озеро, сплошь заросшее лотосами и украшенное деревянным мостиком и беседкой. В озере множество лягушек и рыб. Рано утром и по вечерам вся округа оглашается громким кваканьем и чмоканьем.

Гостиница в Палембанге запомнилась не особыми удобствами или оригинальностью архитектуры, а тем, что именно здесь, почти на самом экваторе, я впервые в своей жизни простудился.

Мы прибыли в Палембанг в воскресенье. Был канун большого мусульманского праздника. Учреждения в эти дни не работали. Нам представилась возможность познакомиться не только с городом, но и с его окрестностями. На небольшом катере мы совершили длительную прогулку сначала вверх по реке, потом спустились далеко вниз по ее течению.

Муси — очень большая и полноводная река. В Палембанге она выглядит так же, как наша Волга в районе Саратова. Но Волга имеет протяженность 3690 км, а Муси только 553 км. Многоводность Муси объясняется тем, что в ее бассейне выпадает очень много осадков — за год до 3000 мм.

Лодочная переправа через реку Муси в гор. Палембанг

Муси чрезвычайно богата рыбой. Мы наблюдали, как горожане без особого труда ловили рыбу из ее мутных вод сачками. Берега реки в Палембанге сплошь застроены хижинами на сваях. На пороге таких жилищ мы часто видели рыбаков. При каждом подъеме сетки на дне ее трепыхалась довольно крупная рыбешка, внешне похожая на сельдь или плотву. На обилие рыбы в реке указывали также большие стаи мальков, выпрыгивавших из воды на отмелях при набегании волн от нашего катера.

Наши скромные успехи в освоении индонезийского языка в значительной мере ограничивали возможности познания окружающего. В этом отношении переводчик Сергей Аргунов был в более выгодном положении. Ему удалось узнать гораздо больше интересного, чем нам, и мы нередко ему завидовали.

Индонезийский язык, вообще говоря, нетрудный. В нем очень много знакомых для меня — уроженца Казахстана — арабских слов, много английских. Советские люди, работавшие в Индонезии, могли хорошо разговаривать

по-индонезийски уже на третий-четвертый месяц пребывания в этой стране.

До недавнего времени в Индонезии не было общегосударственного языка. Все населяющие ее острова народности, которых насчитывается более 150, говорят на своих родных языках. Диалектов в Индонезии насчитывается до 1000.

Только после провозглашения независимости был введен единый общенациональный индонезийский язык (на основе малайского), на котором теперь ведется делопроизводство, издаются книги, ведется преподавание в учебных заведениях страны.

Интересно отметить, что взрослое население отдаленных островов и небольшие народности все еще не знают этого языка и нередко дети, обучающиеся в школах, выступают посредниками в разговорах между взрослыми.

Наша прогулка вниз по Муси продолжалась довольно долго и была интересной. Пройдя небольшой протокой мимо одного из островов, катер сбавил ход и стал медленно приближаться к берегу. Совершенно неожиданно открылось устье узкого канала. Катер вошел в него и стал осторожно продвигаться вдоль высоких обрывистых берегов, из которых то там, то тут торчали пни и корни деревьев.

Канал был мелкий, и наш катер частенько садился на глинистое дно. Это один из осушительных каналов. На 50—100 м по обе его стороны лес вырублен. Образовавшаяся широкая просека покрыта толстыми пнями и буйной, невысокой растительностью. Кое-где встречались тростниковые хижины, построенные прямо на пнях, как на сваях. Возле них виднелись посевы богарного риса и грядки с овощами.

Никаких следов обработки почвы не было видно. Рис и овощные культуры высажены среди многочисленных пней и кустарников. Видно по всему, что крестьянам-одиночкам не в силу поднимать эту целину. Джунгли наступали на отвоеванную у них узкую полосу земли быстрее, чем люди могли на ней закрепиться. Видимо, поэтому некоторые семьи жили на лодках, готовые в любой момент покинуть негостеприимные берега.

Да, джунгли были совсем близко. Они стояли сплошной темной стеной. Эта близость девственного леса чревата большими неприятностями для новоселов тропи-

В центре гор. Палембанг цветут лотосы

ческой целины. Только одни обезьяны доставляют здесь людям столько хлопот, что не каждый согласится жить в постоянном соседстве с ними. Мы наблюдали, как несколько бойких проказниц-мартышек буквально забросали плодами проплывавшую под деревом плавучую хижину крестьянина. Огороды здесь надо все время стеречь, иначе урожай с него соберут не люди, а обезьяны.

Еще больше неприятностей доставляют дикие кабаны, слоны и носороги. Они вытаптывают все на своем пути, и от них нет спасения. Может быть, поэтому жители Явы неохотой переселяются на другие острова, предпочитая жить впроголодь, но спокойно.

Самыми страшными животными, обитающими в лесах Суматры, считаются тигры, орангутанги и бантенги — дикие быки. Тигров в джунглях Суматры очень много. Об этом можно судить и по тому, что их шкуры и чучела украшают почти каждый дом горожан в Палембанге.

Коварный зверь тихо подкрадывается к жертве и, сделав огромный прыжок, впивается ей в горло. Сельские

жители Суматры, отправляясь в лес, всегда несут на плече острую пику. Так они предохраняют себя от внезапного нападения тигра.

Но на Суматре есть зверь сильнее и проворнее тигра. Этот зверь никогда не нападает на людей, но всегда первым бросается на тигра. Речь идет о диких быках — бантенгах. Бесстрашие, храбрость и отвага бантенгов в схватках с тигром воспета индонезийцами в песнях. Голова бантенга с огромными, как у буйвола, рогами украшает герб индонезийской республики, олицетворяя героизм, отвагу, храбрость и мужество ее народа.

Схватка бантенга с тигром служит излюбленной темой индонезийских художников.

Живого тигра или бантенга нам увидеть не удалось, зато мы в зоопарке Бандунга видели орангутангов и смело беремся утверждать, что не хотели бы с ними встретиться на лесной тропинке.

В Бандунгском зоологическом саду в больших клетках содержатся четыре взрослых орангутанга. Это очень крупные человекообразные обезьяны. Высота взрослых особей, если они встанут на нижние конечности, достигает 170—180 см, а вес 100—150 кг. Их тело покрыто длинной рыжей шерстью. Кожа почти черная.

На воле орангутанги ведут очень подвижный образ жизни, но в зоопарке, стесненные ограниченным пространством клетки, они утратили подвижность и от этого сильно ожирели, стали еще огромнее и страшнее.

Преодолевая какую-то неловкость из-за того, что эти животные отдаленно похожи на человека, мы подошли поближе к клетке и были поражены по-человечески умным выражением смотревших на нас больших, налитых кровью глаз. Не случайно, наверное, в переводе с индонезийского эти животные называются лесными людьми (оран — человек, утан — лес). Старый самец, сидевший ближе других к зрителям, пошевелил губами и протянул между прутьев решетки огромную мохнатую лапу, прося подачки. Именно для этого перед входом в зоопарк мы и купили небольшой пакетик с земляными орехами.

Лариса — так звали нашу спутницу, студентку МГУ, решила испытать терпение, «лесного человека», поэтому не спешила с угощением. Орангутанг нахмурился, убрал лапу, посидел, подумал. Потом похлопал в ладоши, точно как человек, и снова высунул лапу из клетки.

Хижина крестьянина-переселенца в районе освоения новых земель
на Суматре

Не получив опять ничего, орангутанг не на шутку рассердился. Он опять убрал лапу и, сосредоточенно подумав о чем-то, плюнул в сторону обидчицы, испортив ей нарядное платье. Совершив этот хулиганский поступок, орангутанг медленно отошел в дальний угол и, повернувшись к нам спиной, больше не обращал на нас никакого внимания.

Мы так были поражены осмысленностью всех его действий, что даже почувствовали себя неловко, как будто провинились перед человеком, а не перед обезьяной.

Вообще же орангутанги совершенно безобидны и никогда на людей не нападают. Они очень любопытны. На Калимантане они часто выходят из леса и, сидя на опушке, часами наблюдают за работой бульдозеров и автоскренов, занятых на строительстве дороги.

Возвратившись в Палембанг, мы в тот же день успели побродить по городу и ознакомиться с его историческими местами; со старой крепостью, дворцом султана, краеведческим музеем, побывали на кладбище героев.

В поездке по Суматре нас сопровождал молодой лейтенант, который старался не надоедать нам своим присутствием и больше занимался своими коммерческими делами, чем прямыми обязанностями. На другой день после начала поездки он сообщил нам, что накануне в Джакарте было совершено покушение на президента Сукарно и рассказал некоторые подробности. Покушавшийся стрелял в президента, когда тот совершал молитву. К счастью, покушение не удалось и президент даже не был ранен. Нас очень встревожило это событие, но окружающие, и в том числе наш лейтенант, были абсолютно спокойны и вели себя так, как будто ничего не случилось. Складывалось впечатление, что в этой стране привыкли к подобного рода событиям. Это было уже четвертое покушение на доктора Сукарно, и совершено оно было при таких странных обстоятельствах, что скорее походило на инсценировку, чем на серьезное покушение.

Мы уже тогда кое-что знали о сложной политической обстановке в стране и об острых противоречиях в правительственных кругах, которые в любой момент могли вызвать чрезвычайные события. Но только позднее, после 30 сентября 1965 г. и последовавшего затем кровавого разгула реакции, нам стало понятно многое из того, что в действительности происходило в Индонезии за два-три года до этих событий.

Теперь нетрудно догадаться, почему так часто совершались покушения на главу государства, почему не велось расследование обстоятельств покушений и не было суда над покушавшимися. Но тогда в мае 1962 г. мы многого не понимали.

Но вот мы снова в пути.

Самолет держит курс на север, в сторону экватора. Через разрывы облаков видно яркое море тропической зелени — летим над джунглями. Иногда среди зелени проглядывают большие пространства, затопленные водой, это вышли из берегов многоводные реки Суматры.

Мы пролетали над девственными тропическими лесами, где, возможно, не ступала еще нога человека. Растительность здесь настолько мощна, что кроны высоких деревьев, растущих по берегам полноводных рек, смыкались над водой, и поэтому реки представляли собой пунктирные линии.

Минут через тридцать после старта мы прошли где-то

Веерная и сахарные пальмы на центральной усадьбе государственной каучуковой плантации на берегу реки Сиак в центре Суматры

пад гор. Джамби — центром богатейших нефтяных промыслов Суматры. Еще через час полета сделали короткую остановку в гор. Ранду, в окрестностях которого тоже много нефтяных промыслов и, кроме того, много каучуковых плантаций.

Через 20 мин. после вылета из Ранду опять оказались в северном полушарии нашей планеты. Перелетая экватор (четвертый раз в нашей поездке), мы тщетно пытались заметить признаки нулевой широты, которая буквально утонула в сплошном море зелени. Еще 20 мин. полета, и мы в конечном пункте нашего пути — в гор. Паканбару.

Паканбару (по-русски — Новый Пакан) в самом деле совсем новый город. Он строится по плану правительства Индонезии на совершенно пустом месте, чтобы переселить сюда часть населения с Явы. Сюда же намерено перевести из Танджунг Пинанга (о-в Бинтан) все административные учреждения провинции Риау.

В Паканбару насчитывалось свыше 50 тыс. жителей,

но переселенцев с Явы среди них мало. Население состоит в основном из сунданцев и китайцев. Город хорошо распланирован. Большая часть домов — одноэтажные коттеджи в обычном для Юго-Восточной Азии стиле «бунгало».

В городе нет бечаков. Они здесь запрещены решением местных властей. Много такси и извозчиков на двухколесных тележках, запряженных шотландскими пони.

Паканбару расположен на берегу р. Сиак, но в отличие от Палембанга на более высоком, холмистом сухом месте. Поэтому свайных построек в нем нет. От города до устья реки более 200 км. Сиак — очень глубокая река, и это позволяет морским судам подходить к городской пристани.

В первый день пребывания в Паканбару нам довелось совершить интересную поездку вниз по р. Сиак и осмотреть государственные каучуковые плантации. Река весьма своеобразна. Она медленно несет свои мутные воды по сравнительно узкому и извилистому руслу, зажатому с двух сторон сплошными стенами дремучего леса. Берегов не видно. Они густо заросли болотной пальмой нипа, огромные листья которой торчат из воды и образуют непроходимую сплошную живую стену. Позади этих пальм возвышаются стройные пальмы нибонг и огромные стволы широколиственных деревьев, ветви которых переплетены лианами и усеяны эпифитами. Чтобы лодка могла пристать к берегу, нужно изрядно потрудиться с топором в руках. Плыть по такой реке неинтересно. Катер все время идет в узком зеленом коридоре и ничего, кроме однообразных зарослей, не видно.

Нам рассказали, что в этих местах водятся крокодилы, удавы и всякие пресмыкающиеся. Крокодилы нередко нападают на купающихся, но они очень осторожны и днем предпочитают отдыхать, спрятавшись среди коряг или в заболоченных зарослях. Поэтому сколько мы ни всматривались, не увидели ни крокодилов, ни гигантских змей. Занятие это совершенно бесполезное. Все животные, населяющие тропические леса, особенно змей, умеют прекрасно маскироваться в густых зарослях, и не то что с катера, но и подойдя почти вплотную, трудно увидеть их.

Растительность островов поражает европейцев своим огромным богатством и разнообразием видов. Если бы не

это путешествие в тропики Юго-Восточной Азии, то я, по-видимому, никогда не узнал бы, что мир так богат и разнообразен растительностью!

До этой поездки я, например, знал не более 10 видов пальм. Теперь я удивился скудности своих познаний. Оказывается, здесь произрастает более 300 видов пальм! Одной только пальмы ротанг здесь насчитывается более 60 видов. Эта пальма, а также кокосовая, сахарная, бетелевая, гебонг, саговая, кариота, ротанг, нипа и многие другие имеют огромное хозяйственное значение.

Пальмы-лианы ротанг очень интересны. Это вьющиеся, вернее, лазающие пальмы. Они растут в густых, темных тропических лесах и, стремясь пробиться к солнцу, обвиваются вокруг стволов высоких деревьев, цепляются за их ветви острыми крючками, поднимаются на самые вершины. Во время сильных бурь ветер часто сбрасывает ротанги вниз, падая, они свертываются в большие колючие кольца. Но и после этого продолжают расти, вновь достигая самых верхних ярусов крон.

У пальмы ротанг очень тонкий и гибкий ствол. При толщине от 1 до 2 см она достигает длины 70—100 м. Это прекрасный материал для плетеных изделий. Из ротанга делают корзины и мебель. Благодаря своим качествам ротанг пользуется большим спросом на мировом рынке, и экспорт ротанга — важная отрасль экономики Индонезии.

На островах Малайского архипелага насчитывается около 30 тыс. различных видов цветковых растений, и по богатству растительности ему нет равных в мире. Какое бы тропическое растение мы ни взяли, здесь оно обязательно представлено не одним, не двумя, а десятками и даже сотнями видов. Например, только на Яве произрастает более 500 видов папоротников. Здесь более 300 видов бананов, более 500 видов мангровых, десятки видов бамбука, фикусов и т. д.

Среди фикусов, широко распространенных в наших северных широтах в качестве комнатных декоративных растений, в Индонезии имеются очень оригинальные виды. Особенно интересен один из них — фикус-душител. Очень мелкие семена его заносятся ветром на вершину пальм. Там они прорастают, опуская вниз тонкие воздушные корни. Достигнув земли, эти корни начинают быстро утолщаться, срastaются между собой и образуют вокруг ство-

ла пальм сплошную оболочку. Разрастаясь и утолщаясь, фикус своими корнями постепенно душил пальму.

Мы видели на одной из улиц Бандунга странное дерево, с характерным, как у пальм, высоким тонким стволом и с метелкой широких листьев на макушке. Но эта метелка состоит не из развесистых листьев пальмы, а из множества мелких ветвей, усеянных листьями другого дерева. Это и был фикус-душитель.

Там же, в Бандунге, на одной из центральных площадей растут фикусы-гиганты. Их стволы имеют окружность в пять-шесть охватов, а с нижних ветвей свисают многочисленные воздушные корни.

Диковинных растений в тропиках Юго-Восточной Азии огромное множество. Но наше внимание особенно привлекали орхидеи. Их цветы нежны и красивы, а растут они не как все земное. Дело в том, что орхидеи — это эпифиты, т. е. растения, которые поселяются на ветвях и стволах деревьев. Однако в отличие от растений-паразитов эпифиты, в том числе и орхидеи, получают питательные вещества не от дерева, на котором поселяются, а из окружающей среды — из очень влажного воздуха.

Несмотря на то что орхидей насчитывается около 20 тыс. видов, мы, жители северных широт, о них почти ничего не знаем. Это типичные растения влажных тропиков.

Местные жители очень любят украшать свои жилища цветами и делают это с большим вкусом. Например, мы никогда не видели в их домах больших букетов-веников, так распространенных в нашем обиходе. Индонезийцы делают очень художественные композиции из нескольких цветков и декоративных листиков, причем пользуются не узкими высокими вазами, а маленькими плоскими. На дно таких плошек, наполненных водой, помещается металлическая щеточка, нечто вроде плоского ежика, на которую накалываются стебельки цветков. Воздух там очень влажный, поэтому вода из плошек почти не испаряется.

Иногда делают и так: берут стебель сахарного тростника и отрезают от него короткие, в 5—10 см столбики. Стебли сахарного тростника пористые. Их вертикально ставят в стакан с водой и в эту пористую массу втыкают стебли цветов и веточки декоративной травки.

Орхидеи не надо высаживать в горшочки с землей. Их просто прикрепляют к висящим на стене кусочкам коры, дощечкам, засохшим листьям, скорлупе кокосовых орехов и т. п. Это растение и в комнатных условиях само обеспечивает себя всем необходимым и совершенно не нуждается в уходе.

Словом, острова Малайского архипелага — благодатный край для ботаников, и не случайно ученые-ботаники всех стран мира стремятся побывать в этих краях. В Индонезии, главным образом в знаменитом Богорском (Бейтензоргском) ботаническом саду, бывали и работали Миклухо-Маклай, Воейков, Краснов, Дубровин, Каменский, Голенкин, Арнольди и многие другие русские ученые.

Огромный интерес ученых к растительности островов Малайского архипелага объясняется и тем, что здешние леса дали миру много ценных растений, вошедших в культуру и получивших распространение в других районах земного шара. Среди них кокосовая и саговая пальмы, ценные сорта бамбука, сахарный тростник, черный перец, мускатный орех, гвоздичное дерево, тунг, гуттаперчевое дерево, несколько видов ямса, имбирь, банан, хлебное дерево, манго, дуриан и многие другие.

Дуриан — самое экзотическое плодовое дерево, произрастающее только в этой части света и европейцам совершенно неизвестное главным образом по той простой причине, что плоды его слишком нежны и перевозить их на большие расстояния нельзя. Они очень крупные, размером с кокосовый орех и похожие на него, но отличаются тем, что поверхность их усыпана острыми коническими выступами-шипами. Плоды дуриана обладают весьма неприятным запахом, напоминающим запах гнилого мяса, чеснока и навоза. Но если человек сумеет преодолеть отвращение к запаху плодов и один раз отведаст их, то потом будет предпочитать дуриан всем другим фруктам.

Наша экскурсия вниз по р. Сиак завершилась осмотром государственной каучуковой плантации, которая оказалась в довольно запущенном состоянии. Деревья были старые и малопродуктивные. Под ними — густая поросль колючих трав и кустарников. На плантации много засохших деревьев и бурелома.

Возле служебных зданий, разместившихся под высокими пальмами, мы впервые увидели гвоздичное дерево.

Плантации Суматры дают более 75% всей гвоздики, производимой в Индонезии. Под этой культурой на острове занято около 20 тыс. га.

В Паканбару возвратились вечером.

У причалов городской пристани грузились каучуком два небольших корабля под панамским флагом. Мы были очень удивлены, увидев довольно утлые суденышки в столь большом удалении от своих американских портов. Ведь для того, чтобы попасть сюда, они должны были пересечь огромный и грозный Тихий океан.

Но оказалось, что эти суда, принадлежавшие американской нефтяной компании «Станвак», никогда и не были в Панаме. Все объясняется очень просто. Панама, через территорию которой проложен Панамский канал, получила за это значительные привилегии для своего торгового флота во всех портах мира. Эти привилегии и заинтересовали судовладельцев. Нефтяные концерны «Станвак», «Шелл», «Калтекс» и многие другие капиталистические торгово-промышленные объединения, чтобы снизить расходы, стали приписывать свои суда к портам Панама. По-видимому, сделать это нетрудно, так как в Индонезии суда под панамским флагом встречались гораздо чаще, чем под флагами других государств.

На другой день утром к нам в гостиницу приехал Харун-Шах — глава административной власти района Банкинанг, что на самом экваторе Суматры. Это был пожилой человек, одетый в белый костюм, на голове — белый пробковый шлем. Он не выпускал из рук короткую сандаловую палочку.

Харун-Шах прибыл в сопровождении жены и целого взвода вооруженных автоматами полицейских. Поздоровавшись с нами и представив нам свою супругу, Харун-Шах сказал, что он рад приветствовать первых русских людей, прибывших в Центральную Суматру.

— У нас, в Банкинанге, — сообщил он, — не было европейцев уже более 30 лет, а русских здесь вообще никогда не видели.

Это была правда.

— Что же, рады вашему вниманию, — сказали мы. — Но зачем сопровождают вас так много военных? Ведь мы приехали с самыми добрыми намерениями.

— О, это не должно беспокоить вас, — ответил Харун-Шах. — Дело в том, что голландцы оставили о себе

Так обрабатывается почва на рисовых полях Индонезии

плохую память. Люди в окрестных деревнях ненавидят их. Русских же они никогда не видели и могут принять за голландцев. Так что излишняя предосторожность не мешает. Кроме того,— добавил он, лукаво улыбаясь,— у нас здесь много диких зверей. Поэтому вооруженная охрана совершенно необходима.

Харун-Шах намекал на другое. На Центральной Суматре в то время было неспокойно. В глухих деревнях скрывались банды террористов. Поэтому без надежной охраны проникать в глухие уголки этого острова было небезопасно.

Прежде чем отправиться в Банкианг, нам пришлось выполнить еще одну формальность — посетить с официальным визитом военные власти Пакалбару. Визит совпал с возвращением военного коменданта после удачной охоты. Одним из его охотничьих трофеев был слоненок, который спокойно прогуливался по двору.

Вскоре все формальности были выполнены, и наш кор-

теж, состоящий из трех «лэнд-роверов» * с полицейскими и двух «шевроле», отправился в Банкинанг.

К узкой ленте асфальтированного шоссе с обеих сторон вплотную подходил непроходимой стеной тропический лес. Неподалеку от дороги трудились дровосеки, расчищая наступавшую на шоссе молодую поросль.

— Деревья здесь растут так быстро, что если чуть зазеваешься, то молодая поросль моментально заполонит дорогу, — пояснили наши спутники.

У дороги встречались небольшие участки земли, отвоеванные у леса под посевы риса. На рисовых полях, залитых водой, трудились крестьяне. На их головах — высокие конические колпаки из белой материи с двумя узкими прорезями для глаз. По всей вероятности, эта одежда спасает от москитов или, может быть, от грязи, в которой крестьянину целый день приходится орудовать мотыгой.

Индонезийские крестьяне, особенно па Яве, где каждый клочок земли ценится на вес золота, очень тщательно обрабатывают свои поля. Пашут они сохой, в которую впрягают пару коров или буйволов. После вспашки затрачивают немало труда на рыхление и культивацию почвы. Сидя по пояс в воде, крестьяне разминают руками каждый твердый комочек земли. На небольших террасовых уступах трудно применить механизацию, поэтому обработка рисовых полей ведется вручную.

Около сельских хижин мы часто видели небольшие бассейны, в которых выращивают рыбу. Над ними возвышаются шаткие сооружения из бамбуковых шестов, напоминающих насесты для домашней птицы. Оказалось, что это отхожие места. Их сооружают так для того, чтобы полностью утилизировать все отходы, в данном случае — для подкормки рыб.

Рыба и съедобные лягушки разводятся также на затопленных водой рисовых полях. Эти поля нередко используются и для выпаса домашних уток.

При встрече с крестьянами наш жизнерадостный спутник Харун-Шах проявлял к ним какое-то особое покровительственное внимание. Он на ходу высывался из

* «Лэнд-ровер» — английский автомобиль-вездеход, похожий на наш ГАЗ-69; «шевроле» — легковой автомобиль одноименной фирмы.

окна машины и, что-то громко крича, приветственно возносил руку с сандаловой палочкой. По-видимому, он из всех сил старался продемонстрировать добрые чувства к подданным, но те на все это смотрели совершенно равнодушно. Было видно, что наш спутник разыгрывал из себя народного любимца. Артистического таланта у него не было, и поэтому наблюдать все это было смешно.

Через полчаса наши машины остановились у паромной переправы через р. Кампар Кири (Кампар Левый). Это очень полноводная и широкая река. Берега у нее высокие, местами каменистые. Из-за встречающихся ниже порогов и отмелей, морские суда не заходят по ней далеко от устья, до которого от паромной переправы более 500 км.

Миновав переправу, мы вскоре добрались до Банкинанга, который находится в 85 км западнее Пакапбару. Банкинанг примечателен тем, что расположен в самом центре Суматры. Отмерьте по карте половину длины о-ва Суматра, и в этом месте, почти на самом экваторе, разделите ширину острова пополам, вот там и находится гор. Банкинанг. В Банкинанге всего несколько построек, которые можно назвать домами, и полтора-два десятка крестьянских хижин, расположенных вдоль дороги. Скорее, это не город, а деревня.

Мы решили сразу же поехать в деревню Сиабу, близ которой в 1930 г. голландцы добывали олово. Деревня расположена на самом экваторе.

Передней машине с полицейскими всегда удавалось прибыть на место немного раньше. Не было исключения и на этот раз. Когда мы въезжали в Сиабу, нас вышло встречать все население деревни.

После знакомства со старостой, маленьким, растерянным старичком, началась процедура «гражданского знакомства». Она заключалась в том, что все взрослое население деревни — человек сорок выстроилось в длинную очередь, и мы должны были со всеми обменяться рукопожатиями. На это ушло довольно много времени, потому что, как мы заметили, некоторые жители деревни, обменявшись с нами рукопожатиями, снова вставали в конец очереди, и мы опять знакомились с ними.

В конце концов эта процедура была закончена, но народ не расходился. Этим воспользовался Харун-Шах и произнес горячую патриотическую речь, в которой он

призывал на борьбу за воссоединение Западного Ириана с Индонезией.

Крестьяне были одеты в свои обычные незамысловатые наряды, лишь староста облачился в новенькую полицейскую форму цвета хаки. Костюм этот был ему явно не по плечу, и вообще видно было, что эта одежда его очень стесняет. К тому же он был босиком, и его натруженные крестьянские ноги совсем не гармонировали с одеждой. Вероятно, старосту одели в этот костюм специально для встречи с нами. Это предположение окрепло, когда мы заметили на его куртке и на брюках белые фабричные этикетки, которые в поспешности переодевания он, вероятно, не заметил.

От большого смущения староста то и дело извлекал из кармана огромные очки в тяжелой роговой оправе и водружал их на свой нос. При этом мы заметили, что в центре каждого стекла очков тоже красуются большие фабричные наклейки. В волнении староста, вероятно, никак не мог понять, почему, одев очки, он плохо видит. Поэтому он и манипулировал очками, то надевая, то снимая их.

Наконец все формальности встречи закончились и мы, окруженные плотным кольцом вооруженных полицейских, отправились осматривать места бывших оловянных разработок.

Пройти пешком надо было полтора-два километра по пойме р. Батанг Сипай, по тем самым местам, где 30 лет назад работала драга. За прошедшие три десятилетия здесь не осталось никаких следов от прииска. Всюду стоял непроходимый девственный лес. Мы с большим трудом пробирались по узкой, еле заметной тропинке. Идущие впереди то и дело орудовали большими тесками, расчищая путь. Но все равно наши ноги, руки и лица вскоре покрылись царапинами. Ротанг и другие колючие растения, которых здесь великое множество, оставляли свой след, мстя за то, что мы решились проникнуть в их царство.

Это был экватор, и мы продвигались точно по нулевой широте. Так негостеприимно он нас встретил.

Олово вблизи гор. Банкинанга было открыто в 1911 г. В 1929—1930 гг. голландская компания «Станнум» неподалеку от села Липай вела разработку россыпей одной драгой и пятью гидравлическими установками. Всего

Экватор. Кругом непроходимые джунгли Центральной Суматры

было добыто 683,4 т олова. Кроме того, в 1930—1941 гг. здесь велись старательские работы, давшие около 50 т олова. Общие запасы олова в районе Банкинанга оценивались голландцами в 2961 т, при среднем содержании 400 г на куб. м породы.

Оба оловоносных участка находятся в пределах одной и той же складчатой зоны, в размытой части которой обнажаются оловоносные граниты. Вся складчатая зона сложена песчаниково-сланцевыми и вулканическими породами предположительно каменноугольно-пермского возраста. Вблизи гранитных массивов эти отложения сильно изменены и местами превращены в плотные кварцевые роговики (кварциты). Граниты, как породы менее устойчивые, подверглись более сильному разрушению и размыву, и ими сейчас сложены пониженные участки рельефа (депрессии). Кварцевые роговики — очень крепкие породы, поэтому они окружают гранитные массивы сплошным кольцом невысоких (200—300 м) гор. Вдоль восточного крыла складчатой структуры хорошо прослеживается древняя речная сеть.

Россыпи района Сиабу имеют небольшое практическое значение. Они представлены современными и древними (террасовыми) аллювиальными месторождениями. Основные россыпи здесь приурочены к водоразделу рек Липаи и Сингалай (правый приток р. Кампар Канан). Здесь, в пределах сохранившегося участка широкой древней долины, расчлененной многочисленными ручьями, были разведаны небольшие, но относительно богатые россыпи. Они связаны с современными руслами рек и ручьев (переотложенные) или находятся на невысоких приустьевых и пойменных террасах.

Геологическое строение этих россыпей сходно. Мощность речных паносов, состоящих из мелких галек кварца и роговиков и из песка и глины, составляет 3—5 м. Подстилающие породы сложены выветрелыми песчаниками, сланцами и эффузивами (черные глины). Оловоносный пласт залегает непосредственно на подстилающих породах. Мощность его 0,5—1 м. Содержание касситерита от 50 г до 3 кг на 1 куб. м породы.

В районе Котарена, что в 15—20 км севернее Сиабу, характер россыпей аналогичный, но размеры их значительно меньше.

Весь район окрестностей Бапкинанга покрыт тропическим лесом и плохо изучен.

Жители Сиабу проявляли большой интерес к нашему визиту. Они выражали свои надежды на скорое возобновление в их районе оловянных разработок. Крестьяне очень нуждались в дополнительном заработке. Некоторые из них занимались запрещенной в стране старательской добычей олова, но куда они сбывали оловянный концентрат, мы так и не узнали.

После осмотра окрестностей Сиабу мы решили совершить небольшую экскурсию к видневшимся недалеко горам. Эта поездка заняла не более часа. Хорошее гравийное шоссе привело нас к еще одной паромной переправе через р. Кампар Кири, где когда-то был хороший мост. Во время японской оккупации он был взорван, и сейчас его стальные фермы торчали из воды, напоминая о военных событиях.

Выше переправы река протекала в глубоком ущелье, а дорога была врезана в скалистые, почти отвесные берега, на высоте 20 м над водой. На одном особенно трудном участке был пробит в скалах довольно длинный

тоннель. Словом, дорога была хоть и не асфальтированная, но отличная, и мы в который уж раз убеждались в том, что дорожному строительству голландцы уделяли большое внимание. Они прекрасно понимали, что без хороших дорог в условиях тропических лесов ни о каком освоении природных богатств не могло быть и речи.

В этой поездке мы вдоволь налюбовались живописнейшими пейзажами горного тропического леса, который по составу произрастающих в нем растений заметно отличается от заболоченных лесов прибрежной низменности.

В Банкинанг возвратились поздно вечером, и здесь наши гостеприимные хозяева приготовили сюрприз. Харун-Шах объявил, что после ужина будет дан концерт.

— Я послал машину за артистами в соседнюю деревню, которая,— сказал он,— славится талантливыми певцами и музыкантами.

Мы обрадовались такой редкой возможности познакомиться с самобытным национальным искусством, да еще в самом центре Суматры.

Когда приехали артисты, приготовления к концерту начались с установки современного электронного оборудования. На стол был водружен мощный транзисторный усилитель, по углам комнаты размещены репродукторы, а в центре комнаты установлен обычный микрофон. Точь-точно как на сцене наших эстрадных театров. Музыкальные инструменты тоже не были похожи на национальные индонезийские. На вооружении сельских артистов были аккордеон, гитара, труба, флейта, скрипка и набор ударных инструментов.

И хотя национальной индонезийской музыки мы не услышали, концерт доставил нам большое удовольствие. Ребята из Банкинанга оказались большими мастерами своего дела. Они прекрасно исполняли модные джазовые, преимущественно американские произведения. Все вокальные номера исполнялись на английском языке, причем артисты были полностью «взаимозаменяемы». Каждый из них мог и петь и играть на любом из инструментов и с успехом отплясывать рок и твист. В этом искусстве они достигли большого мастерства. Здесь мы убедились, что индонезийцы очень музыкальны.

После концерта мы долго беседовали с артистами. Оказалось, что весь свой репертуар они разучили на слух с грампластинок и по радио. К сожалению, о наших рус-

ских песнях они понятия не имели и очень просили прислать пластинки с записями.

Распроставшись с артистами, мы разошлись. Ночь была лунная, и мы, к своему удивлению, заметили, что нашу временную резиденцию охраняют бдительные автоматчики. От этого нам не стало спокойнее, а скорее наоборот, мы ощутили какую-то тревогу.

На мою долю в эту ночь выпало нелегкое испытание. Укладываясь спать, я обнаружил в своем марлевом пологе, который призван спасать от комаров и москитов, огромного, величиною с кулак, мохнатого длинноногого паука. Такое соседство меня совсем не устраивало. Была организована погоня за чудовищем. Но паук оказался очень проворным и куда-то запрятался так, что мы его не нашли. Очень не хотелось после этого лезть под полог, но другого выхода не было.

В Индонезии очень много гигантских насекомых. Есть мухи размером с воробья, огромные бабочки размером с чайное блюдце, большие стрекозы, улитки, муравьи и т. д.

На другой день мы без особых приключений возвратились в Паканбару. Но вылететь в тот же день в Джакарту не удалось. Самолеты и свободные места на них были, но принадлежали нефтяной компании «Калтекс», а пилоты нас почему-то взять не согласились. Таким образом, неожиданно у нас оказалось много свободного времени и мы воспользовались им, чтобы лучше познакомиться с городом.

Прогулка по главной улице, кстати очень широкой, особого удовольствия не доставила. Здания в Паканбару не отличаются архитектурным разнообразием. Почти вся улица застроена одноэтажными стандартными бунгало с яркими черепичными крышами.

Как и везде в Индонезии, такие хижины сооружаются в глубине двора, и их фасады скрыты в густой зелени декоративных деревьев и кустарников. Только в самом конце улицы, там, где она подходит к берегу реки и портовым сооружениям, характер строений резко меняется. Здесь расположена деловая и торговая часть города, застроенная двухэтажными домами типичной китайско-малайской архитектуры, т. е. с магазинами на первых этажах и с жилыми помещениями над ними. Здесь же разместился оживленный базар.

В торговле господствуют частнопредпринимательские законы. Хозяин магазина очень чутко реагирует на спрос покупателей. Если товар пользуется спросом, то цены на него моментально повышаются. И наоборот. Прибыль от торговли во многом зависит от оборота денег, вложенных в дело. Поэтому залежавшиеся товары нередко продаются в убыток, зато вырученные от их продажи деньги вновь поступают в оборот и в конечном итоге все же приносят хозяину прибыль. Товары в Индонезии доходят до покупателя только после того, как пройдут через сложную систему оптовой и розничной перепродажи, причем на каждой ступени такого «распределения» товаров цены на них произвольно повышаются. Из этих «начислений», собственно, и складывается вся прибыль от торговли.

Продавцы товаров получают мизерную оплату за свой нелегкий труд. Как-то мы разговорились с мальчишкой-лотошником, который продавал сигареты и спички.

— Что ты имеешь от этой торговли? Как у тебя идут дела? — спросили мы его.

— Тида байк, саудара (плохо, господин), — сказал он и пояснил, что за целый день беготни по городу удастся продать 30—40 пачек сигарет и заработать 50—60 рупий. Этого хватает только на то, чтобы один раз поесть, да и то на ходу, около переносного очага такого же бродячего продавца съестного.

В Индонезии распространена передвижная розничная торговля. На улицах больших городов торговцев, подобных мальчишке-лотошнику, множество. Есть разносчики овощей, рыбы, мороженого, фруктов, лимонада, мясных продуктов, сладостей, сувениров и т. д. Для удобства домохозяек лотошники имеют на вооружении определенный звуковой сигнал.

— Айс крим! Айс крим! — обычно кричат продавцы мороженого.

— Икан! Икан! — зазывают продавцы рыбы.

Многие же просто издают какие-либо характерные звуки, постукивают на ходу деревянными палочками, позванивают в колокольчики и т. д. Домохозяйки прекрасно ориентируются в этих позывных и выходят на улицу только тогда, когда мимо проходит лотошник с нужным им товаром.

Лотошник — понятие относительное. Индонезийские лотошники вооружены не лотками, а бамбуковыми коро-

мыслами, с большими плетеными корзинками на концах. Иногда они так нагружаются товаром, что под ним лотшника даже не видно.

Поздно вечером, возвратившись в гостиницу, мы долго наблюдали за чичаками, за их охотой на ночных насекомых.

Чичаки — это небольшие восково-желтые ящерицы, обитающие в домах индонезийцев. Их всегда можно видеть на стенах и на потолках. Многие специально поселяют их в свое жилище, так как ящерицы уничтожают moskitov и комаров, которых очень много. Особенно неприятны москиты: от них не спасают никакие сетки, а укусы их весьма болезненны. Поэтому у городских жителей имеются небольшие опрыскиватели, с помощью которых за 20—30 мин. до сна помещения дезинфицируются.

На стене был укреплен небольшой электрический фонарь, освещавший фасад дома. На его свет слеталась масса насекомых. Это место и облюбовали чичаки для охоты. Они очень ловко прятались в тени выступов карниза, но стоило только насекомому, чаще всего это были бабочки, опуститься на стену, как один из чичаков молниеносно набрасывался на жертву и волок ее в свое убежище. Так как на свет фонаря слеталось очень много насекомых, чичаки выскакивали из своих убежищ непрерывно, и за их охотой было очень интересно наблюдать. Иногда маленький чичак набрасывался на большую, раза в три больше его бабочку. Такая жертва сдавалась не сразу, и чичаку иной раз стоило много труда, чтобы одержать победу.

Возвратившись в Джакарту, мы стали энергично добиваться разрешения совершить поездку на о-ва Белитунг и Банка, чтобы ознакомиться там с основными оловодобывающими предприятиями страны. Ведь все, что мы уже видели, было второстепенным с точки зрения масштабов оловодобычи.

И вот, наконец, долгожданное разрешение получено. Сборы были недолгими, и мы вновь на борту старенькой «дакоты» держим путь на о-в Белитунг. В пути стараемся вспомнить все, что знаем о нем.

Белитунг — второй по оловоносности остров Индонезии (первым является о-в Банка). Вся территория острова, вся акватория и мелкие острова в радиусе ста километров от него входят в сферу хозяйственной деятельности государственной оловодобывающей компании «Белитунг».

О-в Белитунг расположен между Суматрой и Калимантаном. Он интересен еще и тем, что за его пределами практически заканчивается Малайская оловоносная провинция. Восточнее и южнее Белитунга оловянные месторождения не встречаются.

Остров имеет изометричные очертания. В любом направлении от берега до берега 85—90 км. Рельеф равнинно-холмистый. Отдельные небольшие группы гор с отметками вершин в 300—500 м разобщены широкими речными долинами.

Геологическое строение острова такое же, как и ранее описанных островов. Центральная часть его территории сложена осадочными отложениями, представленными песчаниками и сланцами с линзами кремнистых пород. Эти отложения смяты в широкие складки северо-западного (320°) простирания и прорваны интрузиями гранитной магмы. Гранитные породы образуют в пределах острова

несколько разобщенных массивов, представляющих собой выступы одного и того же гранитного тела. В гранитах и вблизи них расположены многочисленные месторождения олова.

Вдоль северного побережья тянется цепочка коралловых рифов, создающая значительные неудобства при разведке и отработке морских россыпей. Часть южного берега перекрыта древнечетвертными морскими отложениями (песками).

Наиболее значительные массивы гранитов обнажаются в северо-западной, восточной и в южной частях острова. Здесь сосредоточены наиболее крупные месторождения олова. В центральной части острова, где нет выходов гранитных пород, месторождения олова встречаются реже.

Геологическая изученность острова, несмотря на более чем вековую историю развития его оловодобывающей промышленности (с 1851 г.), совершенно недостаточна. Последняя геологическая карта масштаба 1 : 100 000 составлена в 1926 г. Однако степень детальности геологического картирования и геологическая нагрузка этой карты не выдерживают критики. Карта, в лучшем случае, отвечает масштабу 1 : 1 000 000.

Значительно лучше территория острова освещена поисковыми работами, но только на россыпи. Коренные месторождения, за редким исключением, не изучались.

Расстояние от Джакарты до Белитунга небольшое. Через полтора часа самолет стал снижаться, и мы увидели узкую посадочную площадку, а сбоку от нее толпу встречающих. Вместе с руководителями государственной компании «Белитунг» нас встречает мистер Осбергер — главный геолог всех трех индонезийских государственных оловодобывающих компаний. Мистер Осбергер по национальности австриец. Он работает в Индонезии по частному контракту и живет здесь уже более десяти лет. Но он не единственный европеец на острове. Есть здесь еще католический миссионер, соотечественник мистера Осбергера, их жены и дети.

Город Танджунгпандан — административный центр острова — раскинулся на живописном холмистом берегу и весь утопает в зелени кокосовых пальм, фикусов, цветущих лиан. Особенно живописен участок города, примыкающий к гранитной набережной. Красивые коттеджи расположены на скалистых вершинах холмов и окруже-

ны аккуратно подстриженными газонами. Гостиница, в которую нас поместили, оказалась на самом берегу, от ее подъезда открывался чудесный вид на море. Сквозь частокол тонких стволов кокосовых пальм проглядывало лазурно-голубое море, по которому то тут, то там были как бы разбросаны белые треугольники парусов.

Мы прибыли в Танджунгпандан в конце дня, поэтому гостеприимные хозяева в этот день не стали нас утруждать делами, и мы воспользовались этим, чтобы познакомиться с городом. Нашим гидом был мистер Осбергер, очень жизнерадостный и веселый человек. Он прекрасно управлял машиной и одновременно давал пояснения.

Прежде всего мистер Осбергер показал нам рыбацью гавань и возвышающийся над нею высокий холм.

— Когда-то здесь обитали пираты,— говорил он,— а сейчас мы строим на этом холме дом отдыха для рабочих и служащих компании.

— Здесь мы откопали пескострелки старинных пушек. А вот это,— он указал на глубокий ров,— остатки крепостных укреплений.

Остров расположен на пересечении оживленных морских дорог и имеет много маленьких невидимых с моря заливов. Вот это и привлекало сюда морских разбойников. Остров несколько столетий был оплотом и крепостью пиратов, и его земля обильно полита кровью.

— А теперь,— сказал мистер Осбергер,— я покажу вам заколдованный дом.

Машина спустилась с холма и свернула в узкую улочку. Вскоре мы оказались на окраине города, среди новых стандартных строений.

— Здесь мы строим дома для рабочих,— продолжал рассказывать нам мистер Осбергер.— А вот и тот дом,— сказал он, показывая на ничем неприметное строение, похожее, как две капли воды, на соседние здания.— Никто не хочет жить в нем. Несколько смельчаков пытались было поселиться, но ночью к ним являлось привидение и слышались какие-то странные звуки. Люди не выдерживали, сбежали.

Тем временем стало темнеть, и мистер Осбергер поспешил увезти нас из этого «заколдованного» места.

На обратном пути мы проезжали мимо довольно большого завода фарфоровых и керамических изделий, кото-

рый выпускает посуду и предметы сантехники. Завод работает на сырьевой базе прекрасных по качеству каолинов. Добыча каолинов ведется с помощью гидравлики. Гидромониторами размывают глинистые продукты разрушения гранитов. Каолин вымывается водой, и белые «молочные» реки несут его в большой котлован, где он осаждается. Кварцевый песок и другие твердые примеси как более тяжелые частицы остаются на месте разработок (в карьере), а чистый каолин откладывается довольно далеко от карьера, причем чем дальше от места разработок, тем каолин чище. Запасы этого сырья здесь практически неисчерпаемы. Мистер Осбергер рассказал, что одно время каолин с острова вывозился в другие страны.

На другой день мы вплотную занялись нашими делами: ездили на драги, осматривали гидравлические разработки, посетили центральную обогатительную (доводочную) фабрику и небольшой организованный мистером Осбергером краеведческий музей. В нем собраны интересные экспонаты, отражающие не только геологическое строение острова и его минеральные богатства, но и историю развития горного промысла, орудий труда, историю и быт населяющих его людей в основном китайской национальности.

В тот день мы очень устали и нам захотелось искупаться в море. Однако из этой затеи ничего не получилось. Море оказалось очень мелким, и мы, удалившись от берега метров на триста, так и не нашли местечка, где можно было бы окунуться. «Хождение по морю» происходило ночью, при ярком свете луны.

Когда мы вышли на берег и встретились с мистером Осбергером, он выразил явное недовольство этим развлечением.

— Что вы там делали, друзья? — спросил он.

— Хотели искупаться, — смутившись, ответили мы.

— Ах, какой я идиот! — воскликнул он. — Надо было сразу же предупредить вас о том, что здесь нельзя купаться. В этом месте грязно — сюда сбрасываются сточные воды городской канализации. К тому же тут небезопасно, очень много ядовитых морских змей и поэтому даже днем никто не купается. Ночью же вообще в этом месте нельзя входить в воду. Здесь у крокодилов постоянный маршрут, по которому они перебираются из устья одной реки в другую. Вам здорово повезло, но

Остров Белитунг. Кокосовые пальмы грациозно склоняются над ослепительно белым пляжем залива Суджук Синкели

больше не рискуйте. Мы ездим купаться на залив Суджук Синкели, что за северо-западным мысом, в 25 км отсюда. Завтра выходной день, и, если хотите, можно туда съездить.

За пять месяцев пребывания в Индонезии мне довелось повидать очень много живописных мест, но такой сказочной красоты, как на берегу залива Суджук Синкели, видеть не доводилось. Представьте себе небольшой полукруглый залив с чистой, ярко-голубой водой. Окружающие залив отлогие берега покрыты стройными кокосовыми пальмами, грациозно склонившимися над ослепительно белым пляжем, покрытым мелким бархатистым коралловым песком. На берегу возвышались живописные гранитные скалы, а чуть ниже уровня воды, недалеко от берега, просматривались причудливые коралловые рифы.

Купание в заливе нас увлекло. Мы окунулись буквально в сказочный мир подводного царства. Какое разнообразие кораллов, раковин, маленьких пестрых, как ба-

бочки, рыбок, морских звезд и ежей! Какое богатство красок!

Вскоре весь берег был завален нашими трофеями. Здесь были и гигантские коварные раковины-«капканы» тридакты, целые кусты разнообразных кораллов, масса морских звезд и очень красивых раковин различной окраски и формы. Потом мы поняли, что охота за трофеями — напрасный труд. Все равно много с собой не увезешь. И мы стали просто любоваться подводными пейзажами.

Заниматься этим надо было тоже осторожно. Нельзя заходить слишком далеко от берега, за коралловый риф, где шныряли акулы. Нельзя было забывать и об опасности сверху — о солнечных лучах. Во влажных тропиках тепловые лучи очень опасны. Они сжигают нежную растительность и даже убивают животных. Именно этим объясняется почти полное отсутствие здесь мух, несмотря на царящую повсюду антисанитарию.

А вот ультрафиолетовых лучей во влажных тропиках, наоборот, не хватает. Пробыв в тропиках почти полгода, мы совершенно не загорели.

Из-за недостатка ультрафиолетовых лучей апельсины, лимоны, помидоры и некоторые другие известные нам овощи и фрукты в тропиках имеют зеленую окраску, а виноград и яблоки вообще не растут, они завозятся из Австралии.

В заливе Сунджук Синкели мы не видели почему-то крабов, которых на индонезийских островах великое множество. Особенно много маленьких желтых крабов, похожих на пауков. Они вооружены одной большой клешней и при приближении опасности закапываются в песок. Живут эти крабы большими колониями. Их можно увидеть на берегу во время отлива. Мы не раз пытались поймать хотя бы одного такого крабика или посмотреть на него поближе. Но это никак не удавалось. За два-три шага до приближения опасности он исчезал, моментально закапываясь в песок. Обороняются крабы тоже оригинально: находясь в песчаной лунке, сверху прикрываются своей огромной клешней.

Из залива Сунджук Синкели мы возвратились в гостиницу, перегруженные кораллами и красивыми морскими раковинами. Чтобы быстрее умертвить всю эту живность, нам посоветовали разложить добычу на камнях. Все ос-

тальное делает солнце и муравьи. Но мне показалось, что процесс умерщвления кораллов и моллюсков можно ускорить с помощью марганцовки. Вечером я облил всю эту живность крепким раствором марганцовокислого калия и с полным сознанием полезности сделанного лег спать.

Утром меня разбудили недовольные возгласы спутников. Их негодование было вполне справедливым. Вся наша живность действительно погибла, но так смердила, что нельзя было близко подойти к ней. Сувениры были испорчены. Оказывается, марганцовка сделала свое, но она же преградила путь муравьям, которые наверняка в течение ночи съели бы все содержимое раковин.

Как-то вечером к нам в гостиницу заехал мистер Осбергер. Он спросил:

— Приходилось ли вам когда-нибудь знакомиться с китайской кухней?

Узнав, что никто из нас не имел еще такой возможности, он предложил воспользоваться случаем и посетить вечером вместе с ним один небольшой китайский ресторанчик.

— Я там частый гость, потому что люблю китайскую пищу, — пояснил он.

Посоветовавшись, мы решили принять приглашение мистера Осбергера, только попросили его, чтобы лягушками нас не угощали. Их мы много раз ели в Джакарте.

Ресторанчиком оказалась небольшая, довольно невзрачная комната, в которой обычно обедает семья хозяина дома. Мистер Осбергер заказал угощение по своему вкусу. Ждать пришлось довольно долго. Вскоре из соседней комнаты стали доходить до нас аппетитные запахи острых специй и жареного мяса. Мы с любопытством ждали появления на столе неведомых блюд. На первое был подан какой-то очень густой суп, похожий на разогретый клей, но довольно вкусный. Оказалось, что мы отведали супа из плавников акулы. На второе принесли что-то вроде жареной колбасы. Мы подозрительно осмотрели это блюдо и осторожно попробовали по маленькому кусочку. «Колбаса» оказалась очень нежной и вкусной, но с какой-то острой и жирной начинкой в середине. Она скорее напоминала мясной рулет, чем колбасу.

Мистер Осбергер был очень доволен тем, что наши вкусы не разошлись с его вкусом. Что это за «колба-

са» он сказал не сразу. Лишь убедившись, что мы действительно не можем угадать, чем нас угощают, и, подождав, когда блюдо было съедено, торжественно объявил:

— Вот теперь я свидетельствую, что вы кушали фаршированную змею. Надеюсь, вы не будете сожалеть об этом?

Конечно, мы не сожалели, во-первых, потому, что сознательно рисковали отведать чего-то необычного, а во-вторых, кушанье было действительно очень вкусным.

На другой день мы отправились путешествовать по острову и за два дня изъездили его вдоль и поперек, осмотрев все оловодобывающие предприятия и заброшенный рудник Клаппа Кампит.

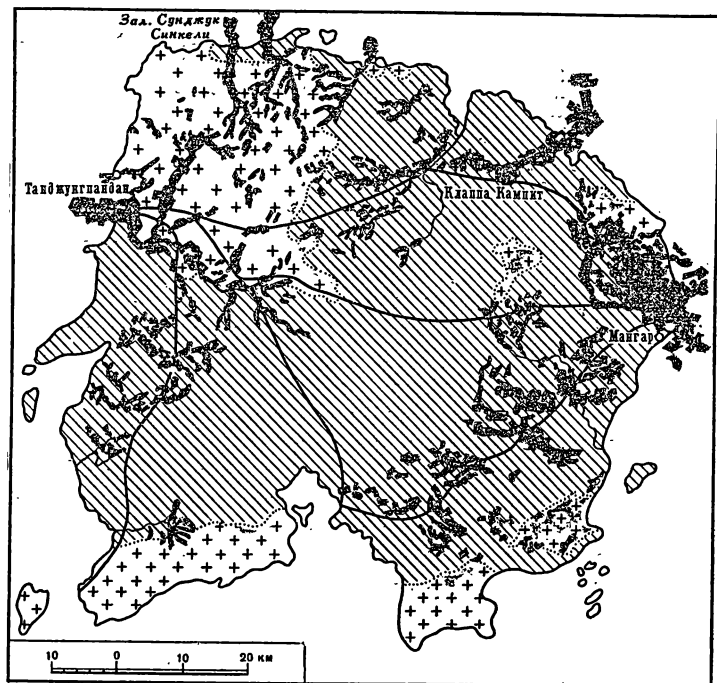
Первая остановка была в поселке Клаппа Кампит, что в переводе означает «Сдвоенный кокосовый орех». В поселке находится геологический центр всех государственных оловодобывающих компаний. Здесь же хранятся все картографические материалы, среди которых мы увидели много интересных материалов из других стран Юго-Восточной Азии. Оказывается, голландская компания «Белитунг» протягивала свои щупальцы к минеральным богатствам многих соседних стран.

Из Клаппа Кампита выехали к восточному побережью острова, где сосредоточены основные разработки олова.

При въезде в поселок Мангар мы увидели на берегу речки большую толпу людей. Они остановили нашу машину и пригласили взглянуть на большого крокодила, только что добытого смелыми охотниками и сейчас лежавшего в их лодке.

Трофеем охотников нас не удивил. Но когда кто-то из толпы сообщил, что этот крокодил долго терроризировал жителей поселка и съел семь человек, мы решили взглянуть па это чудовище. Да, это был действительно очень крупный экземпляр, и охотники гордились своей добычей. Они тут же отчалили от берега, сказав, что торопятся отвезти добычу па базар, так как мясо может быстро испортиться.

Поселок Мангар расположен на живописных холмах и хорошо благоустроен. Он, как, впрочем, и все другие промышленные и административные центры оловянных островов, был построен еще во время господства голландцев. А они-то умели создавать для себя удобства в колониях. Поэтому почти все поселки на оловянных островах архи-

Геологическая карта о-ва Белитунг

Крестиками обозначены граниты. Заштрихованы песчаники и сланцы (карбон-пермь). Россыпи зачернены

тектурой зданий, планировкой, благоустройством и чистотой очень похожи на небольшие уютные курорты. В Мангаре, например, на первый взгляд нет никакой планировки. Отдельные коттеджи как бы разбросаны по вершинам холмов. Многие из них расположены в тени гигантских деревьев. К каждому коттеджу ведет извивающаяся по склону холма черная лента асфальта.

Мангар нам запомнился не только своим живописным видом, но и интересными встречами. Здесь мы имели возможность наблюдать, как заботливо индонезийские рабочие готовят себе молодую смену. Один из цехов большого ремонтно-механического завода в Мангаре превращен в учебно-производственную базу местной школы. Интересно было наблюдать, как совсем еще маленькие

карапузы, скорее всего первоклассники, старательно орудовали напильниками, обтачивая какие-то детали. За их работой внимательно следил пожилой мастер. Он объяснил нам, что ребята только начинают приобщаться к слесарному делу.

— Сейчас они делают настоящий молоток, — сказал мастер, — а потом каждый ученик должен сам изготовить для себя весь набор необходимых инструментов.

В доказательство своих слов мастер показал несколько наборов инструментов, изготовленных старшеклассниками. Сделаны они безупречно.

На о-ве Белитунг разрабатываются только россыпи олова. Все россыпные месторождения очень однообразны. Среди них преобладают речные в широких равнинных долинах и прибрежно-морские. Последние чаще всего являются погребенными на морском дне речными долинами.

Геологическое строение морских и долинных россыпей во многом сходно. Те и другие сложены мелкообломочным материалом, состоящим из кварцевого песка и каолина. Мелкие галечники (1—2 см) в речных и в морских отложениях встречаются только там, где размыту подверглись очень прочные породы (кварциты). Такие галечники в небольшом количестве (1—2%) присутствуют в морских россыпях вблизи устья Клаппа Кампит. Мощность речных и морских прибрежных песчаных отложений варьирует от 20 до 30 м.

Общие запасы олова в россыпях о-ва Белитунг на конец 1948 г. составляли 101 968,2 т. С учетом коэффициента намыва запасы оценивались в 193 700 т.

Разведка россыпей проведена голландцами некачественно. Об этом свидетельствуют расхождения данных разведки с данными эксплуатации. Коэффициент намыва, как мы имели возможность убедиться, варьирует здесь в пределах от 0,5 до 12 и в среднем составляет 1,8.

Все богатые россыпи на Белитунге уже отработаны. Среднее содержание олова в них составляет 200—500 г на 1 куб. м породы (на всю выемочную горную массу). Более богаты морские россыпи. Речные в большинстве случаев разрабатываются повторно.

В отличие от всех других островов на Белитунге в прошлом большое внимание уделялось и первичным (коренным) месторождениям олова. Здесь известно более 20 коренных месторождений, из которых четыре (Клаппа

Такие драги ведут разработку морских россышей

Кампит, Бадау, Гарумеданг и Селумар) разрабатывались в разные годы. Их удельный вес в общей оловодобыче достигал 20%.

Клаппа Кампит — самое крупное из коренных месторождений Индонезии. Оно находится на одноименных холмах вблизи северо-восточного побережья острова. Месторождение разрабатывалось с 1927 по 1941 г. За это время из его недр добыто свыше 21,5 тыс. т олова, причем в последние пять лет (1937—1941 гг.) годовая добыча составляла 2—2,4 тыс. т.

Рудное поле месторождения сложено измененными осадочными породами. Рудные тела представляют серию относительно мощных (1—2 м) сульфидно-касситеритовых жил и минерализованных зон дробления. Жилы прослеживаются по простиранию на сотни метров. Среднее содержание олова в руде составляет 1,4%. Месторождение разведано подземными выработками (штольнями и шахтами) на глубину около 500 м до отметки в 290 м ниже уровня моря (9-й горизонт). В период японской оккупации рудник Клаппа Кампит был разрушен, шахты затоплены. Компания «Белитунг» намеревалась в будущем приступить к восстановительным работам.

Все другие рудные месторождения изучены менее детально и пока большого практического значения не имеют.

Характерная особенность подавляющего большинства оловорудных месторождений — обедненность их кварцем. Чаще главным жильным минералом является полевошпат, который в условиях тропического климата легко превращается в глину (каолин). Этим, в частности, объясняется отсутствие рудных галек и вообще галек в речных отложениях. Для россыпей характерен незначительный перенос касситерита от коренных рудных источников. По свидетельству местных геологов, здесь максимальный перенос возможен только на 1500 м.

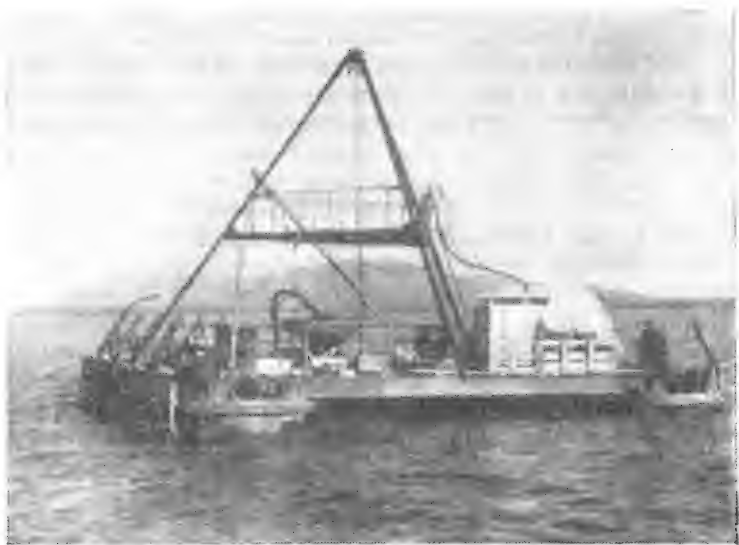
Действительно, при отработке россыпей часто в коренном ложе долин вскрываются рудные тела, что свидетельствует об очень широком распространении коренных месторождений, которые можно рассматривать в качестве одного из основных резервов увеличения запасов олова на острове. Но им сейчас должного внимания не уделяется, потому что запасы россыпей все еще очень значительны.

Разработки россыпей велись в 1962 г. 14 драгами и 27 гидравликами, причем из 6 тыс. т олова, полученного здесь в 1961 г., 90% добыто драгами. За сто с лишним лет на Белитунге добыто свыше 0,5 млн. т олова.

Государственная компания «Белитунг» проводит большую работу по ревизионной разведке и разведке ранее отработанных площадей. Основные же разведочные работы, обеспечивающие прирост запасов олова в россыпях, ведутся только на море. При нас на разведке работало десять станков «Банка-бур», из них семь использовались на разведке морских россыпей. Новые морские россыпи разведываются около северо-восточных берегов острова на расстоянии 3—10 км от берега.

На другой день мы были снова в Танджунгпандане, чтобы оттуда отплыть на о-в Банка. Для этого путешествия в наше распоряжение был предоставлен небольшой буксирный морской катер.

Прежде чем покинуть гостеприимный остров, нам пришлось принять участие еще в двух официальных церемониях: в торжественном знакомстве со служащими государственной компании «Белитунг» и в прощальном банкете у директора компании.

Разведка морских россыпей ведется с понтонов

Торжественное знакомство состоялось в клубе и заключалось в том, что нас усадили около сцены лицом к публике и один из должностных лиц представил каждого из нас всем собравшимся. Он присвоил каждому из нас очень высокие титулы, которых мы никогда не имели, и очень большие заслуги, которых мы тоже за собой не чувствовали. А потом, как и на Суматре, нам опять пришлось выстроиться в шеренгу и обмениваться рукопожатиями со всеми присутствующими, которые образовали в зале длинную очередь.

После этого перед собравшимися выступил руководитель нашей группы С. Ф. Подчайнов. Он рассказал о большой помощи, которую оказывала в то время Индонезии наша страна. К сожалению, никто из слушателей ничего об этом не знал, и для них было откровением все то, что они услышали.

С такой неосведомленностью мы встречались всюду, где довелось бывать. И это не случайно. Местная буржуазия не заинтересована в распространении правдивой информации о нашей стране.

Впрочем, распространение любой информации в Индонезии весьма затруднительно. Радиотрансляционных сетей нет даже в крупнейших городах. Газеты издаются на английском и индонезийском языках небольшими тиражами, и читают их очень немногие. В стране высокий процент неграмотных. На улицах репродукторов тоже нет. Наглядной агитации, которая, пожалуй, лучше всего подходит к местным условиям, фактически не существует. За все время пребывания в стране мы лишь один раз видели плакат, написанный в 50-е годы, который призывал осуществить аграрную реформу.

Однажды мы оказались свидетелями своеобразного политического мероприятия. Это было в аристократическом пригороде Джакарты — Кебайоране, в так называемом «Висма ПАПИТ», небольшой гостинице, находящейся, кажется, в ведении министерства основной и горнорудной промышленности.

«Висма ПАПИТ» представляла собой двухэтажный домик. На первом этаже размещалась уютная гостиная и кухня, а на втором — три жилые комнаты, сдававшиеся приезжим. Хозяин гостиницы, еще сравнительно молодой человек, жил со своей семьей в гараже. У него были две жены и целая куча ребятишек. Со всем хозяйством в гостинице управлялись жены хозяина и пожилой слуга. Им помогали два подростка, тоже слуги.

Хозяин гостиницы был каким-то влиятельным политическим деятелем, и гостиницу эту он получил за заслуги в период борьбы за освобождение от колониального гнета. Такой метод поощрения служащих в Индонезии широко практикуется, причем весь доход от подобных заведений поступает в карман хозяина гостиницы.

У нас сразу же установились хорошие отношения со всеми тремя слугами. Однажды они сообщили нам, что завтра хозяин устраивает собрание и будет очень много гостей. Действительно, в доме начались спешные приготовления. Привезли пианино. Потом грузовик доставил около сотни легких дачных стульев, небольшие столики и несколько ящиков «кока-колы», «оранжада», пива и различную снедь. Привезли также небольшую усилительную установку, микрофон и репродукторы.

Часов в семь вечера к гостинице стали подъезжать легковые автомашины и автобусы. Вскоре на расположенной перед домом площади уже стояло около 30 ма-

пин. Во дворе, на аккуратно подстриженном газоне, были расставлены стулья и столики. Все они были заняты по-праздничному одетыми господами и дамами. Публика была явно непролетарского происхождения.

Собрание началось коротким вступительным словом хозяина гостиницы. Потом выступили еще два-три человека. Их речи неоднократно прерывались одобрительными возгласами и аплодисментами. Слушатели между делом пили безалкогольные напитки, чай и кофе, ели маленькие бутербродики, насаженные на деревянные зубочистки. Все эти угощения разносили на больших подносах жены и слуги хозяина.

Собрание продолжалось минут тридцать-сорок, после чего начался концерт. Для него была приглашена большая группа эстрадных артистов. Певцы исполняли в основном популярные песни, и им нередко хорошо вторили все собравшиеся. Песни были очень мелодичные, лирические и исполнялись с большим мастерством.

Гости разъехались, а на завтра тот же грузовик увез все оборудование.

В Индонезии существует много частных коммерческих предприятий, похожих на «бюро добрых услуг» или пункты проката. Там всегда можно получить с доставкой на дом все, что необходимо для подобных мероприятий.

В гостинице, несмотря на экономические трудности и нехватку продовольствия, кормили нас «как на убой». Можно было подумать, что жены хозяина соревновались между собой в приготовлении самых изысканных блюд. Мы ели с аппетитом, но после каждой трапезы на столе оставалось много всякой пищи.

К пожилому слуге во время нашей трапезы почти всегда приходили его два маленьких сына. Очень симпатичные малыши стояли на пороге и не сводили голодных глаз со стола, уставленного всякой снедью. Мы предлагали ребятишкам составить нам компанию, но отец не позволял им даже переступать порог. Все, что оставалось на столе, он отнесил опять на кухню.

Однажды мы спросили его:

— Почему ты не угостишь ребятишек хотя бы бананом? Ведь все равно за них уплачено, а съесть их мы не можем.

Слуга опасливо осмотрелся по сторонам и, улучив мо-

мент, когда никого не было в комнате, сказал, что сам он не имеет права брать что-либо со стола.

— А если вы, туан, туан (господа), сами угостите моих детей, то хозяин мне ничего не скажет.

С тех пор мы стали каждый раз угощать его малышей вкусными блюдами.

А однажды, перед нашим отъездом, старый слуга рассказал нам, что у него большая семья и он еле-еле сводит концы с концами.

— Если у вас будут изношенные вещи,— сказал он,— не отдавайте их никому другому.

Общаясь с индонезийцами, мы всегда удивлялись их дисциплинированности, выдержке, спокойствию. Мы, например, никогда не видели, чтобы они ссорились между собой. Даже во время автодорожных происшествий, которые в Индонезии случаются довольно часто, пострадавший и нарушитель никогда не вступают в перебранку. Они мирно и спокойно договариваются о ликвидации последствий аварии. Но особенно нас поражали женщины и дети.

У индонезийцев-мусульман широко распространено многоженство. Жены никогда не ссорятся между собой. В семье по 10—12 ребятишек. Дети очень спокойные и малоподвижные. Это, по-видимому, объясняется тем, что в жарких и влажных тропиках не разбегаешься. Здесь такие игры, как догонялки, лапта, футбол непопулярны среди детей. Их любимое занятие — запуск бумажных змеев. Дети постарше любят играть в гальму — перегонять пешки из угла в угол по разграфленной на треугольники доске. Иногда мы видели за этим занятием и взрослых.

Дети всегда дети, но индонезийские ребятишки просто прелесть! Они очень симпатичны.

У взрослых мужчин в большинстве случаев лица открытые, приветливые и приятные. Женщины очень миниатюрны и стройны, но у большинства как-то некрасиво выдаются зубы и этим портятся черты лица.

Среди многих племен, населяющих острова Индонезии, славятся своей красотой балиянки и целебески. Поэтому туристов и знатных гостей обязательно возят на о-в Бали.

В нескольких шагах от нашей гостиницы, под крутым высоким берегом, протекала мутная речушка, за которой

Дворцы и хижины, роскошь и нищета соседствуют рядом в самом центре столицы Индонезии

была большая зеленая лужайка. Мы часто ходили туда. Как-то раз в ясный солнечный день, возвращаясь с прогулки, мы увидели, как на небе стали сгущаться серые облака, которые очень быстро превратились в небольшую грозовую тучу. Как из ведра, хлынул тропический ливень. Ища спасения от него, мы добежали до стоявшей на берегу тростниковой хижины и встали под карнизом. Услышав наш разговор, из хижины выглянула молодая женщина. Она пригласила зайти, и мы охотно воспользовались этим приглашением.

В хижине мы поразились нищетой ее обстановки: в ней был только один стул, небольшой столик и что-то вроде лежанки, сооруженной из стеблей бамбука. В углу на небольшой полочке помещался весь нехитрый домашний скарб. Это была квартира бедняка, который, как выяснилось, работал бечаком, а жена его — прачкой.

Когда глаза наши привыкли к полумраку, царившему в хижине (окон не было), мы увидели двух совершенно

голых карапузов, которые испуганно выглядывали из-за материнской юбки.

Нам довольно долго пришлось простоять в хижине, пока лил дождь, и мы невольно сравнивали страшную нищету этой семьи с той роскошью, в которой совсем рядом живут состоятельные люди.

Индонезия — страна больших социально-экономических контрастов. На каждом шагу здесь бросается в глаза, с одной стороны, вопиющая нищета и бесправное положение подавляющей части населения, с другой — невероятная роскошь кучки привилегированных и власть имущих. Такова сама природа капиталистического общества. Но здесь, в стране, которая еще недавно была отсталой голландской колонией, с далеко еще не изжитыми, насаждавшимися в течение веков уродливыми общественными отношениями, все это проявляется особенно ярко.

Контрасты видны даже в общем облике городских и сельских улиц, на которых часто можно видеть, как рядом с роскошными дворцами богачей стоят жалкие тростниковые шалаши городской бедноты. Особенно это заметно в фешенебельном столичном пригороде Кебайоране, где возвышается грандиозная белокаменная мечеть, построенная по последнему слову науки и техники. Она радиофицирована, и голос муэдзина, призывающий правоверных к утренней или вечерней молитве, разносится далеко окрест мощными репродукторами, заглушая даже шум городского транспорта. Вечером на минарете мечети ярко светит неоновый месяц. А на фоне этого великолепного сооружения темнеют лохматые обветшалые шалаши бечаков, населенные столь плотно, что напоминают собой человеческие муравейники.

Дождь стал стихать, и мы решили больше не стеснять хозяйку. Нужно было пробежать не более ста метров, но и этого было вполне достаточно, чтобы промокнуть до нитки. Промокла не только одежда, но и все документы, находившиеся в карманах. С тех пор мы никогда не удалялись от дома, если предвидели тропический дождь.

Прощальный прием перед отъездом с о-ва Белитунг состоялся на квартире у директора компании. Он проходил на западноевропейский манер. Гости собирались небольшими группами и с рюмкой в руках вели оживленные беседы. В заключение состоялся своеобразный концерт. По просьбе хозяина гости поочередно исполняли

художественные номера. Выступавшая первой дама объявила, что споет индонезийскую песню «Девушка из Бандунга». Голос у нее был очень мелодичный, но не сильный. Мотив песни мне показался знакомым. Вслушиваясь, старался вспомнить, где же я слышал эту песню. Стоп! Вспомнил. Это же хорошо известный у нас романс «Ах, эти черные глаза».

Но вот очередь дошла и до нас. Хозяйка и гости настоятельно просили исполнить что-либо. Как на грех, никто из нас не владел вокальным искусством, и мы оказались в затруднительном положении. Выручил Сергей Аргунов. Он мастерски исполнил на пианино «Райан пулау келапа» (песню с о-ва Пальм) и был вознагражден горячими аплодисментами.

Утром следующего дня нам был подан буксирный катер. Но отъезд на о-в Банка немного задержался из-за того, что сопровождавший нас в этой поездке мистер Харгияндо куда-то исчез. Худенький, низкого роста человек, он всегда очень мило улыбался, был застенчив и молчалив. В Джакарте мистера Харгияндо провожала интересная молодая дама, как потом выяснилось, его жена. У молодоженов еще не кончился медовый месяц, поэтому наш спутник скучал о своей подруге и думал только о том, чтобы скорее возвратиться домой.

На корабле наш спутник рассказал о причине опоздания. Накануне он заказал для своей молодой жены перстень с огромным черным «небесным» камнем. Такие камни находят только на о-ве Белитунг. Они будто бы приносят счастье. Их называют беллитонитами*. На острове беллитонитов так много, что их часто находят в оловянных концентратах.

Нашему спутнику небесный камень не принес счастья. Вскоре морская зыбь так укачала его, что он забыл обо всем на свете, потерял перстень и вместе с ним свой кошелек. Скорее всего, то и другое досталось рыбам. Пришел он в себя только на другой день.

Кстати, о рыбах. Здесь, на пути к о-ву Банка, мы видели целые стаи небольших летающих рыб иного вида.

* Беллитонитами, австралитами, квинстоунитами и молдавитами — так по месту нахождения называют тектиты, небольшие кусочки стекловидного черного метеорного вещества.

У них очень большие плавники-крылья. Издали рыбки похожи на ласточек или стрижей, но долго лететь не могут. Выпрыгнув из воды, они пролетают 40—50 м и снова ныряют в воду.

Наш катер приближался к о-ву Банка. Мы старались вспомнить все, что нам было известно об этом острове и оловодобывающей государственной компании «Банка».

В сферу хозяйственной деятельности этой компании (самой мощной в Индонезии) входит территория о-ва Банка с прилегающими к нему небольшими островками и акваториями.

Банка — самый большой и важный оловоносный остров Индонезии. Здесь разработки оловянных россыпей ведутся с 1710 г., и за прошедшие 250 с лишним лет добыто более 1 млн. т олова.

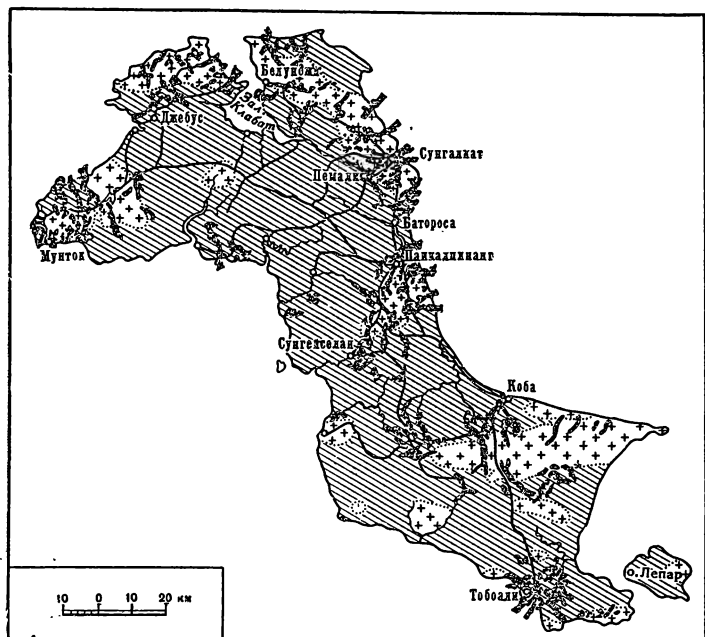
Геологическое строение о-ва Банка во всем аналогично с о-вами Белитунг и Синкеп. Все основные массивы оловоносных гранитов обнажаются в прибрежных участках, соответственно распределяются и оловянные месторождения. Центральная и западная части острова менее изучены и, по-видимому, менее перспективны.

Основные запасы олова на Банке заключены в долинных (речных) и морских россыпях. Они аналогичны россыпям Белитунга и Синкепа, но содержат больше олова. Разрабатываются прибрежные морские россыпи и аллювиальные. Значительная часть россыпей отрабатывается уже повторно. Среднее содержание олова в россыпях варьирует от 150 до 700 г на 1 куб. м горной массы, при этом содержание в продуктивном слое составляет от 2 до 150 кг на 1 куб. м породы.

О-в Банка геологически изучен недостаточно. Здесь каждый год открываются новые россыпи, преимущественно в новых районах. Это свидетельствует о том, что геологопоисковые и геологоразведочные работы ранее проводились некачественно.

На поисках и разведке россыпей работают 36 станков «Банка-бур», в том числе три с гидравлической выемкой породы на море, один на ревизионной проверке ранее отработанных площадей, остальные на поисках и разведке новых. Геологический персонал компании состоит из одного геолога.

Разработка россыпей ведется 11 драгами, 46 гидравлическими установками и одним земснарядом. В 1961 г.

Геологическая карта о-ва Банка

Крестиками обозначены граниты, штриховкой — песчаники и сланцы.
Россыпи зачернены

было добыто около 10 тыс. т олова, в том числе 80% драгман.

На острове известно более двадцати коренных месторождений олова, но они практически не осваиваются. Исключение составляет месторождение Пемали, но и здесь отрабатывается только самая верхняя, разрушенная часть рудных залежей (элювий). Это самое крупное и наиболее разведанное месторождение. Оно находится в 15 км юго-западнее гор. Сунгалиат. Другие коренные месторождения олова не изучались, но многие из них представляют большой интерес. Несомненно, на Банке имеются значительные ресурсы олова, еще не выявленные разведкой.

Катер подошел к о-ву Банка с южной стороны. Первым населенным пунктом, от которого начался наш мар-

спрут, был Тобоали. Что он представляет собой, мы не рассмотрели, потому что прибыли на остров поздно ночью, а рано утром уже мчались по шоссе в направлении к городу Панкалпинанг — административному и хозяйственному центру о-ва Банка.

За шесть дней пребывания на этом острове мы успели посетить все его главные населенные пункты, прииски и предприятия.

Чтобы кратчайшим путем попасть из поселка Белунджи в Мунток, пришлось пересечь небольшой залив Клабат на катере. Заодно мы посмотрели, как работают в этом заливе драги. Когда катер подходил к одной из них, с другого берега приближался катер с очередной сменой рабочих. Мы поравнялись, обменялись приветствиями. Вдруг один из рабочих вскочил со своего места и, прыгнув в наш катер, бросился обнимать нашего переводчика Сергея Аргунова. Оказалось, что встретились старые друзья.

В 1960 г. в Советский Союз приезжала индонезийская профсоюзная делегация. Сергей Аргунов сопровождал ее в поездке по нашей стране. А в составе делегации был и встреченный нами рабочий. Радости его не было границ. Он рассказал о поездке в СССР. С лиц его товарищей не сходили добрые, приветливые улыбки.

Основную массу рабочих оловянной промышленности на всех островах составляют китайцы. Это потомки чернорабочих-кули, когда-то завербованных голландской Остиндской компанией в Южном Китае.

Проблема рабочей силы и сейчас остро стоит в Индонезии. Но лет двести назад, когда только начались оловянные разработки, эта проблема была почти неразрешимой. Многочисленные племена, населявшие в те времена ближайшие острова, занимались в основном натуральным хозяйством. Потребность в пище они легко удовлетворяли сбором съедобных плодов и корней, охотой на диких животных или поисками на отмелях во время отлива богатых даров моря. Поэтому островитяне не шли работать на прииски. Попытка колонизаторов насильно заставить их работать в горной промышленности ни к чему не привела. От непривычного и непосильного труда эти физически слабые люди быстро погибали. В конце концов голландцы вынуждены были завозить для работы на оловянных приисках более выносливых и крепких ра-

бочих из Китая. Многие из них осели на этих островах, и сейчас их потомки составляют основную часть населения.

Китайцев в Индонезии много. В их руках во многих районах сосредоточены торговля и ремесла. А так как в Индонезии цены на продовольствие быстро растут, то нередко виновными в этом считают торговцев, т. е. китайцев. На этой почве время от времени происходят антикитайские выступления. Так, незадолго до нашего приезда в Индонезию в Сурабае произошел китайский погром. Были разгромлены все китайские магазины.

Нам не раз говорили, да и мы сами убедились в том, что рабочие оловянной промышленности хорошо организованы. Они были объединены в самый крупный в Индонезии профсоюз и имели в дирекции каждой государственной оловодобывающей компании официального представителя для защиты своих прав. Этот профсоюз вел большую политическую работу, поэтому рабочие оловодобывающих предприятий шли в авангарде трудящихся масс Индонезии, страны в основном аграрной.

Встреча в заливе Клабат надолго запомнилась нам. Она свидетельствовала о ярком проявлении искренней симпатии к Советскому Союзу со стороны простых людей Индонезии.

Переправившись через залив, мы на автомашинах направились в гор. Мунток, расположенный на северо-западном скалистом мысе острова — Калиан.

При голландцах Мунток был столицей о-ва Банка. Здесь много хороших зданий, красивые парки, дачи и кое-какая промышленность.

Еще в пути нас предупредили, что ночевать будем в доме отдыха «Гирисаксана», расположенном на вершине высокой горы.

— Если вам повезет, — сказали наши спутники, — то вы будете жить в той самой комнате, где в 1948 г. голландцы содержали под арестом президента Сукарно.

Это сообщение напомнило нам о событиях, происходивших в Индонезии после 17 августа 1945 г., когда была провозглашена ее независимость. Голландские колонизаторы не хотели без боя сдавать своих позиций. В сговоре с империалистами других стран они организовали против молодой республики вооруженную интервенцию.

Индонезийский народ оказал героическое сопротивление попытке силою оружия задушить республику и восстановить колониальный режим. Интервенция закончилась провалом, но на конференции «круглого стола» в Гааге (1949 г.) индонезийскому народу все же был навязан кабальный договор, по которому суверенитет республики распространялся только на восточную половину о-ва Ява. На остальных островах по этому договору создавались 15 штатов, которые вместе с республикой образовали Соединенные Штаты Индонезии, входившие в свою очередь в Голландско-Индонезийский союз.

Однако уже в следующем, 1950 г., созданные голландскими империалистами «штаты» присоединились к Индонезийской республике, и с тех пор существует унитарное государство — республика Индонезия. В 1956 г. индонезийское правительство полностью аннулировало навязанный колонизаторами договор «круглого стола».

В 1948 г., во время интервенции, голландские империалисты арестовали президента Сукарно и тайком переправили на о-в Банка, где и держали в большом секрете.

Дорога к дому отдыха очень крутая, поэтому по ней можно подниматься только на вездеходе. Нам пришлось сменить комфортабельный «оппель» на простенький «ленд-ровер», и только после почти часового медленного подъема мы добрались до вершины горы, откуда открывался прекрасный вид на остров и на море. Здесь наверху было гораздо прохладнее, дул освежающий ветерок. Для отдыха здесь действительно очень хорошее место.

Новый день начали с осмотра небольшого оловоплавильного завода. Это предприятие выплавляет олово только в количестве, необходимом для внутреннего потребления страны, а основная масса оловянных концентратов переплавляется на заводах Малайзии и Сингапура. На этом Индонезия теряет значительную часть прибылей, потому что за выплавку олова приходится платить твердой валютой. Поэтому индонезийское правительство решило построить в Мунтоке большой оловоплавильный завод с годичной производительностью в 25 тыс. т олова.

Кроме оловянных месторождений о-в Банка известен как основная база выращивания черного перца, по производству которого Индонезия занимает второе место в мире (после Индии).

Перечные плантации очень напоминают знакомые нам плантации хмеля. Это растение несколько похоже на хмель, только листья и ветви у него совсем другие. Это многолетнее растение — лазящая лиана. Его тонкие стебли достигают 12 м и поднимаются по стволам деревьев. Нередко крестьяне высаживают его возле высоких пней, которые используются вместо поддерживающих шестов. Плоды черного перца напоминают грозди смородины. Каждый куст дает по 3—4 кг плодов. Размножают черны́й перец черенками.

После поездки по острову мы возвратились в гор. Панкалпинанг. Здесь опять состоялся гражданский прием и торжественное знакомство. Нам вручили памятные подарки — небольшие, сделанные из олова модели старинных горняцких тачек и маленькие чашки знаменитого олова марки БМ (Банка-Мунток) с выгравированной на них дарственной надписью.

На другой день в дирекции государственной компании состоялась беседа. Точнее, это была наша консультация по вопросам геологии, разведки и эксплуатации россыпей, по горным работам и обогащению песков. Нас буквально засыпали вопросами. Чувствовалось, что у руководителей компании нет достаточной инженерной подготовки и опыта, и они очень нуждаются в технической помощи.

Мы охотно делились своими знаниями и опытом с индонезийскими коллегами, чем вызвали у них большое удивление. Они признались, что впервые встречают таких экспертов, которые не делают из своих знаний секретов.

— У нас только что побывала группа американских специалистов,— говорили они,— но у них мы не могли выяснить ни одного вопроса. Они отвечали нам, что техническая сторона дела — это секрет их фирмы и всякие консультации могут быть даны только после подписания контракта о технической помощи.

— Мы бы очень хотели иметь дело с советскими специалистами,— не раз повторяли индонезийцы,— но, к сожалению, вопросами внешних связей ведаёт главное управление в Джакарте, а у них там, вероятно, свои планы.

Беседа продолжалась несколько часов. Нам уже нужно было спешить на аэродром, а вопросам не было конца. И даже по пути на аэродром шла оживленная деловая беседа.

Мы спросили наших собеседников:

— Разве ваши партнеры по Оловянному пулу не помогают своим опытом? Ведь с вами рядом Малайзия, а там есть чему поучиться.

— Да, мы знаем это, — отвечали они, — и уже однажды ездили в Малайзию, чтобы изучить опыт обогащения песков на драгах. Там мы увидели много технических новшеств, но как они устроены — нам не рассказали. Все это у них — секрет фирмы.

Прощаясь, руководители компании очень сожалели, что сразу не догадались воспользоваться возможностью получить у нас техническую консультацию.

— Приезжайте к нам еще. Мы будем очень вам рады, — говорили они.

Это были искренние слова.

* * *

Ко дню нашего возвращения на Родину было открыто прямое воздушное сообщение между Советским Союзом и Индонезией, и мы смогли воспользоваться услугами Аэрофлота.

В пути командир ИЛ-18 тов. Федоров вручил всем пассажирам памятный жетон и свидетельство. На моем написано:

«По поручению Нептуна — властителя морей и океанов настоящее Свидетельство выдано пассажиру воздушного корабля Жилинскому Г. Б. в том, что он, совершая путешествие из Джакарты в Москву, удостоился чести пересечь Экватор.

Да будет известно всем, что отныне и навсегда счастливый обладатель этого Свидетельства имеет право носить почетный нагрудный знак „Нептуна“».

Я думаю, что командир корабля ИЛ-18 не обидится на меня, если я сообщу, что еще до вылета из Джакарты представитель Аэрофлота в Индонезии, наш друг П. П. Савин, уже вручил каждому из нас по пять жетонов Нептуна, на что, как он совершенно справедливо полагал, мы имели полное право.

Когда мы возвратились домой, на родную землю, то первым ощущением было чувство облегчения, близости друзей, сплоченности, спокойствия и уверенности советских людей в светлом будущем. И именно в этот момент

мы как-то особенно наглядно ощутили огромные преимущества нашей социалистической системы, в которой человек человеку друг и брат, перед той, которую мы видели в Индонезии, где еще господствуют волчьи законы капитализма и где на каждом шагу бросается в глаза тяжелое бедственное положение основной массы людей, лишенных элементарных гражданских прав и подвергающихся бесчеловечной эксплуатации.

За последние годы в политической жизни Индонезии произошли разительные перемены. У власти оказалась реакционная верхушка национальной буржуазии. Коммунистическая партия Индонезии опять вне закона. Запрещена пропаганда марксизма-ленинизма. В тяжелом положении находятся все прогрессивные силы страны. Международный империализм стремится внести раскол в национально-освободительное движение, использовать в своих бывших колониях экономические трудности, неудачи и политические ошибки прогрессивных деятелей и организаций.

Мне, как побывавшему в этой стране, теперь стала намного понятнее ситуация, которая складывалась в Индонезии в те годы. Национальная буржуазия не была заинтересована в политическом просвещении трудящихся масс. Она всячески принижала значение развивавшихся политических и экономических связей с Советским Союзом.

Но никакие силы не могут помешать развитию дружбы между народами. Дружба и симпатия к нашей великой стране живут в сердцах простых индонезийцев.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Несколько слов об олове и оловянных россыпях	7
Над высочайшими хребтами	18
Малайзия — мировой центр добычи олова . . .	23
На северных приисках	30
Бинтан — остров алюминия и ананасов	59
Маленький остров — Большой Каримун	70
В джунгли Суматры	100
На островах Белитунг и Банка	131

Герман Борисович Жилинский
ПО ОСТРОВАМ МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА

*Утверждено к печати
редколлегией серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР*

Редактор издательства **В. К. Низковский**
Художественный редактор **В. Н. Тикун**
Художник **Б. Д. Кердиледы**
Технический редактор **Л. И. Куприянова**

Сдано в набор 13/VIII 1973 г.
Подписано к печати 31/X 1973 г. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 40 000. Т-14296. Тип. зак. 2767
Цена 28 коп.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Издательство «Наука»

Готовится к печати

книга:

МАРТИНСОН Г. Г. Загадки пустыни Гоби. 8 л. 30 к.

В книге рассматривается целый ряд проблем, связанных с пустыней Гоби. Геологические и палеонтологические данные настоящего времени дают представление о широком развитии обширных озерных систем на территории пустыни. С этими водоемами связана жизнь своеобразных беспозвоночных и гигантских динозавров. Автор в увлекательной форме описывает свои экспедиционные исследования в пустыне Гоби, останавливается на находках уникальных яиц динозавров, многочисленных моллюсков, дает характеристику

белых озерных бассейнов. Одна из глав посвящена проблеме вымирания в конце мелового периода различных групп животных, в том числе и динозавров.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117463 МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».